

64
МЫ В ТЕБЯ ВЕРИМ,
МЫ ТЕБЕ ПОМОГАЕМ

Читайте очерк
о Жене Шабалине –
стипендиате
Советского
детского фонда.

МЫ

№ 7/1990

7/90

Главный редактор
Евгений БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь АЧИЛЬДИЕВ
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Главный художник
Валерий КРАСНОВСКИЙ

Художественный редактор
Елена СОКОВА

Технический редактор
Ольга ЛАЗАРЕВА

На первой странице обложки
фото Анатолия ЗЫБИНА

© "МЫ", 1990
Издательство "Дом"
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61

Отпечатано в типографии
А/О Принт-Юхтиэт
Салмипринт Финляндия
при поддержке
В/О "Визиторгиздат"

Сдано в набор 09.08.90 г.
Подписано в печать 18.09.90 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 103
Ч. - изд. л. 12,73. Тираж 124000

7/90

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Оля Лялина. Мы в тебя верим	2

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Петр Кожевников. Две тетради. Повесть	20
Василий Аксенов. Мой дедушка – памятник. Повесть. Окончание	65
Зарубежная новелла. Агата Кристи. Тайна голубого кувшина. Перевод с английского	160
Евгений Степанов. Жизни виражи. Стихи	140
Ольга Кучкина. Из книги "Сообщающий сосуд". Стихи	17

ПРОБА ПЕРА

Сергей Бондаренко. Что случилось в этом мире? Стихи	174

ХОЧЕШЬ БЫТЬ ДЕЛОВЫМ?

Клуб менеджеров	154

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

М.П.Вышинский, заместитель министра юстиции СССР. Что можно и чего нельзя	54
Илья Алексеев. Групповой портрет на фоне страха и надежды	142
Если бы я был депутатом горсовета	13

МИР ВОКРУГ НАС

Николай Непомнящий. Четвероногие терапевты	176

ВЕЧНАЯ КНИГА

Вавилонская башня. Библейские легенды. Окончание	131
Рок-энциклопедия	182
Тусовка	188

МЫ В ТЕБЯ

ВЕРИМ

"Ba-la-lai-ka" – выводит иностранец и щелкает пальцем, проходя мимо витринки валютного гостиничного киоска.

"Нет ли у вас какой-нибудь матрешечки или балалаечки дешевой?" – заглядывает в глаза продавцу счастливый обладатель зарубежной турпутевки.

"Плим-плим-плим-плим, я не ревную тебя..." – вспоминает свое музыкальное детство Алла Пугачева, игриво выглядывая из-за огромной балалайки.

Яркие балалайки вместе с остальной российской атрибутикой мелькают то в наших англоязычных клипах, то в рекламе и давно уже стали символами, а вернее, сувенирами.

Добродушные матрешки во все времена были игрушкой – украшением, самовары осувенирились с появлением более совершенных емкостей, но почему балалайка, веками волновавшая сердца наших предков, превратилась теперь всего лишь в красивую безделушку? Да и за это надо сказать спасибо моде на все русское. Может, скомпрометировали ее псевдомузыканты, наигрывающие незамысловатые мелодии на многочисленных шефских концертах?

Или это обыкновенное безразличие к родной культуре, которое поселилось в нас вместе с безразличием к культуре вообще?

К счастью, есть еще люди, про которых нельзя сказать ни первого, ни второго. И речь не о древних стариках, хранящих где-то в глубине народные традиции, а о 15-летнем балалаечнике ЕВГЕНИИ ШАБАЛИНЕ.

Всегда хочется спросить у музыканта, когда он первый раз взял в руки инструмент. Так вот у Жени это знаменательное событие произошло в четыре года. Не знаю, как поступают в таких случаях другие малыши, но наш герой не стал разукрашивать балалайку цветными карандашами и "смотреть", как она устроена. У него уже было уважительное, трепетное отношение к инструменту, которое он получил из рук отца, балалаечника – Роберта Григорьевича. Он стал и его первым учителем.

Потом была музыкальная школа в родном городе Александрове, концерты, нередко выступал в дуэте с отцом. В какой-то момент отец почувствовал в сыне настоящее увлечение и стремление к совершенству. В двенадцать лет пришло первое признание – диплом первой степени на смотре детских музыкальных школ Владимирской области.

Не всегда, впрочем, Жене удавалось завоевать слушателей: бывали моменты, когда ровесники, жаждавшие иных ритмов, принимали его в штыки. Через это надо было пройти... И снова занятия, концерты, подготовка нового репертуара.

В прошлом году была выполнена программа-минимум – Женя поступил в Московское музыкальное училище им. Октябрьской Революции. В связи с этим важно вспомнить имена двух людей, сыгравших в Жениной жизни немалую роль, – Игоря Вадимовича Сукачева – концертмейстера, который готовил его к вступительным экзаменам, и Владимира Борисовича Болдырева, доцента института им. Гнесиных, нынешнего Жениного препода-

вателя. Собственно, из-за него и приехал провинциальный музыкант в столичное училище. А если бы Болдырев преподавал во Владивостоке, то Женя поехал бы туда: во-первых, Владимир Владимирович – очень авторитетный специалист, мастер, во-вторых – бывший учитель отца.

Теперь самое время сказать о

главном. В этом году Евгений Шаблин стал стипендиатом Советского детского фонда в области культуры. Ему вручено удостоверение, в котором кроме фамилии и имени вписаны слова: "Мы в тебя верим!" Но самое, наверное, важное, что за ними стоит другое – "Мы тебе помогаем".

А помощь нужна Жене, ведь общежития в училище ему не дали,

видимо, считается, что хорошее музыкальное образование не требуется иногородним, и им с отцом приходится снимать квартиру. Хорошая балалайка стоит довольно дорого. Да и что сейчас дешево? Так что "пишние" 60 рублей к мизерной училищной тридцатке вовсе не мешают. И Женя благодарен Детскому фонду за поддержку, ко-

торую он будет получать до совершеннолетия.

Ну а что дальше? Какие планы на будущее? Как я поняла, перед ним Женя страха не испытывает. И уверен, что интереса к балалайке человечество не потеряет, никогда. У нее огромные возможности. В первую очередь, конечно, народная музыка, но ей доступна и классика – Паганини, Лист, Прокофьев...

Свое место в музыкальном мире Женя еще точно не определил, но надеется, что принцип "хорошего музыканта работа ищет" ему поможет.

И последний штрих, без которого портрет любого музыканта остается незаконченным, – любимые произведения: "Коробейники", "От села до села"... Женя называет и называет песни, без которых трудно представить себе Россию.

Оля ЛЯЛИНА

**Фото Анатолия
ЗЫБИНА**

**Песни,
которые должны слышать
многие будущие поколения.**

ДАЙТЕ МИКРОФОН!

Игры старые – в застойные времена их любили: "Если бы я был министром...", "Если бы я был директором..." Сейчас видишь в том некую злую иронию: давайте, мол, поиграем, поупражняем мозги, но только не обольщайтесь, что самые умные из вас, смелые и деловые, попадут на эти должности – у административно-командной системы свои законы отбора и назначений.

Но теперь мы все чаще выбираем – именно выбираем (директоров, депутатов, а они министров, разного рода начальников) по уму и гражданской позиции.

В Саранске очень бурно прошли выборы в городской совет – кипели собрания, митинги. В результате борьбы избрана большая группа депутатов, стоящих на демократической платформе. Журналисты молодежной республиканской газеты "Молодой ленинец" вспомнили о старой игре и попросили ребят из нескольких школ Саранска изложить свои соображения по поводу того, как улучшить жизнь города. Во-первых, они надеялись, что на сей раз игра не окажется умозрительной и демократичный горсовет прислушается к голосам ребят. Во-вторых, им хотелось посмотреть, кто же придет на смену нынешним депутатам, кого (из кого) будут выбирать жители Саранска в свой городской совет завтра.

Так на редакционных столах появились стопки листов в клетку и линейку. Деловые соображения. Итак: "Если бы я..."

**ЕСЛИ БЫ Я
БЫЛ
ДЕПУТАТОМ
ГОРСОВЕТА...**

* * *

"Ввел бы высокие штрафы за засорение окружающей среды, причем из кармана виновника, а не предприятия".

* * *

"В школе я хотела бы убрать экзамены, хотела бы, чтобы директора выбирали сами учащиеся, чтобы учителя были добрее и ласковее. Чтобы по Саранску пустили больше троллейбусов и автобусов, №№ 6 и 17 в час пик ездят под углом к горизонту".

* * *

"Я бы боролся за то, чтобы свобода слова была не только у взрослых, но и у подростков".

С. РУДНЕВ

* * *

"Не знаю, что бы я стала делать, если бы была избрана депутатом горсовета. Когда выберут, тогда будет видно.."

* * *

"Закрыл бы убыточные предприятия или изменил вырабатываемую ими продукцию. Надо этикетки на продукции сделать более привлекательными. Миллионы рублей тратятся на асфальтирование дорог. Я бы предложил дороги, по которым ездят большие грузовые машины, закрыть, положить новый асфальт и пускать машины только по пропускам. Для легковых машин ввести определенную плату. А вырученные деньги пустить на постройку новых дорог".

* * *

"Я не представляю себя в роли депутата горсовета, так как создана для другого".

* * *

"Договорился бы с директорами школ о том, чтобы спортивные залы во внеучебное время были открыты для школьников. Старался бы чаще появляться в школах, на предприятиях. Больше внимания дворам, а то в них, кроме "коробки" и пары лесенок, ничего нет, и то не во всех".

* * *

"Создала бы клуб для обездоленных детей домов-интернатов, типа семейного городка, всегда бы штатные должности мам, бабушек, тетей (вместо воспитателей, инспекторов и т.д.)".

Лена ЖИРНОВА

* * *

"А я бы демонстративно стояла в самых длинных очередях в магазинах, чтобы не потерять свою связь с народом".

* * *

"Зачем в школе экзамены с третьего класса? От экзаменов мы не будем многое запоминать, сдашь экзамены и забудешь в этот же день".

"Наладил бы обмен сверхплановой продукции промышленных предприятий на сверхплановую продукцию колхозов и совхозов. Сделал бы работу обкома КПСС и других партийных и советских органов более гласной, чтобы предотвратить появление нежелательных реакций на почве экономических трудностей".

"На здания некоторых школ нельзя смотреть без слез. Хотя на некоторые учреждения мы тратим миллионы, школы, как всегда, подают".

"Я организовала бы бесплатное питание для бедных".

Юля

"Создала бы армию зеленых из всех, независимо от пола, возраста, желающих видеть наш город цветущим садом".

Н. ПЕРСИДСКАЯ

"Депутатом я быть не могу. Одна я ничего не сделаю, а найти поддержку нельзя".

"Я бы попросился, чтобы все желающие подростки устраивались на работу. Нужна свобода печати, чтобы в Саранске печатались все свободные газеты, например, "Речь", "Русский курьер"...

По любому важному вопросу — народный референдум".

Ю. СЕСЬКИН

"Если бы был депутатом, я бы уволил директора своей школы и отменил бы талоны на колбасу".

"Организовал бы деловые встречи на свалках города с целью добычи дефицитного сырья".

"Я бы изменила образовательную программу, чтобы она была интересней и чтобы дети хотели идти в школу".

ДАЙТЕ МИКРОФОН!

"Закрепил бы за нашим городом ряд деревень и сел, которые должны обеспечить город продовольствием, а мы в свою очередь – техникой и товарами народного потребления".

"В конце нашей перестройки может быть крах, поэтому я не хочу быть депутатом. Мы все погрязли в грязи духовно, и поэтому я буду бороться с грязью в себе!"

"Добился бы переоборудования захламленных подвалов в молодежные клубы".

"Я бы вынес из центра все пивные и винные магазины".

М. СКВОРЦОВ

"Я бы позаботился о том, чтобы днем в городе отключали уличное освещение".

За ответами – нормальные, в меру оптимистичные и в меру пессимистичные ребята. Им не безразлично, как живет их город. Они хотят, чтобы чистыми были его воздух и речки. Знают, почему нынче жизнь, и представляют, какие проблемы мы должны решать в первую очередь. Некоторые даже проявили неплохую хозяйскую сметку... И тем не менее в редакции были огорчены результатами игры, особенно журналисты А.Фотин и В.Ларин, которые изучили все ответы и познакомили с некоторыми из них читателей своей газеты и нашего журнала. Что их не устроило? Анонимность. Хотя и было оговорено "если не хотите назвать своего имени, не называйте", все-таки была надежда не только на откровенность, но и открытость. Ребятам предоставили микрофон, а они тотчас надели на себя шапки-невидимки. А если бы действительно были депутатами – вообще не взяли бы слово? "Одна я ничего не сделаю, а найти поддержку нельзя"... Действительно, коли никто не узнает, чего ты хочешь и в чем тебя стоит поддержать.

**ЧТО ПОМЕШАЛО РЕБЯТАМ НАЗВАТЬ СВОИ ИМЕНА,
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ?**

Ольга КУЧКИНА

ИЗ КНИГИ "СООБЩАЮЩИЙ СОСУД"

Стихи явились десять лет назад, дарованные как спасение, как выход, как путь, после глубокой личной драмы.

Публиковаться почти не пыталась. Путь надо было пройти, прежде чем обернуться и увидеть пройденное не фрагментарным, как записывалось, а целым, как прожилося.

На самом деле написанное касается только одного человека. В то же время одиночество – вещь кажущаяся. Наступает момент знания, что все мы внутренне общаемся. Отсюда название книги.

Сердечное спасибо поддержавшим меня Якову Акиму, Владимиру Соколову, Олегу Чухонцеву.

АВТОР

ПЕЧАЛЬ

*Печаль горька, печаль светла,
по капле жизнь моя сочится,
и та же летняя ветла
в окно, как в память, мне стучится.*

*Откуда взялся этот стук?
Досель неразличимый трепет
и шелеста неслышный звук –
как в голос превратился лепет?*

*Обволокут дымы дома,
где улица и перекресток,
где сводит взрослого с ума
воображение-подросток.*

*Ветла на берегу реки –
отчасти быль и миф отчасти.
На расстоянии руки
был от меня, была – от счастья.*

ЛЮБВИ ЗАПАС

*Любви запас
Господь припас
в таком количестве,
что и для вас
и не для вас,
а все в излишестве.*

*И меры несть,
была бы честь
кому предложена.
Но снова весть:
живи, как есть,
как всем положено.*

*И не избыть,
и не излить,
и вот – в кристаллики.
Промчится век –
а все навек
в твоём хрусталике...*

В БЕРЕЗОВОЙ РОЩЕ

*В березовой роще
в осенней печали
припали плечами,
губами припали,
и стоя недвижно,
неслись, пропадая,
и роща седая,
и я молодая.*

*В березовой роще,
как будто навеки,
и сомкнуты веки,
и времени реки,
и замкнуты руки
на горле разлуки.*

ЗАГАДКА

*Знать, любила любовь,
вот какая отгадка.
И годился любой,
было б только с ним сладко.*

*Как, однако, узнать
вкус, не пробуя пищи,
и бродила одна,
как пророк или нищий.*

*И горчила любовь,
что из самых покорных.
Не годился любой,
вот какие законы.*

*И горчила любовь,
что из самых из броских.
Не годился любой,
вот какая загвоздка.*

*И горчила любовь,
даже та, что из сладких,
что из сказок, из снов,
вот какая загадка.*

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ

*Возвращайтесь на старое место и на пепелище,
возвращайтесь всегда, возвращайтесь потом и сейчас,
вам простится, и вас непременно отыщет
чья-то близкая тень, не забывшая вас.*

*Вас отыщут, окликнут, вам скажут, не вслух и негромко:
вас пронзит, вам покажется, вас опалит, обожжет,
ничего, ничего, не пугайтесь, такая поломка
в механизме житейском как будто не в счет.*

*Возвращайтесь, пожалуйста. Памятью или на деле,
как придется, как выйдет, как пустят занятия и быт,
не на этой – на той, истекающей следом неделе,
там вам важная встреча – с собой – предстоит.*

*Возвращайтесь, пожалуйста. Просьба моя выполняема.
Отмечайтесь у прошлого, словно в дежурке солдат.
И еще не забудьте, что я вас люблю и любила...
Может, в этом единственном смысл наших дат.*

Возвращайтесь на старое место и на пепелище...

НЕ УХОДИТЕ

*Не уходите от любящих вас,
не оставляйте записок последних.
Зло у жестокости – верный наследник.
Впрочем, не это... не то... не сейчас...
Господи боже, какую ценой
мы покупаем любые прозренья!
Если б пораньше нам все озаренья!
Если б пораньше, о боже ты мой!
Если б послушать, услышать до дна!
Лишь защищать, только б не защищаться!
Только прощать, только бы не прощаться!*

*Нет же, один.
Нет же, нет же... одна.*

Это – первая вещь, на публикацию которой я согласился. Мне повезло в том, что в альманахе "Метрополь" я оказался среди звезд русской словесности, но не повезло в том, что мой несанкционированный дебют в Америке в 1979-м исключал публикации в России.

Я стоял на коленях возле наполняющейся ванной. Радуга лезла ржавая слеза хронической протечки на изломе "колена" под радужной раковиной... я все это видел, я мог еще объявить о поминках. Я мог писать. Я был жив!

Это – 1980-й. Потом – 1985–1986-й. Лес. Костер. Мох словно сыплет бумажную кипу. Я жгу свой текст, который записывал в течение 5 лет. Вновь приговор себе.

Я – на мосту. Внизу – Нева. Вода готова увлечь мое тело мятущиеся торосы. Но вновь – помилование. Я напишу!

После этого – экология: проблема выживания человечества. Экология глобально. Локально – ленинградская дамба и прочие преступления. Итог – травля, избиения, травмы, возбуждение уголовного дела.

Петр КОЖЕВНИКОВ

ДВЕ

Посвящается М.П.

I.

Из дневника Гали.

Иногда я думаю, зачем веду дневник? Наверное, от тоски по человеку, которого люблю. Он сейчас далеко, служит под Комсомольском-на-Амуре. И зачем парней так далеко посылают? Служил бы в пригороде, тогда можно было бы встречаться. А так ни ему отпуска не дают, ни я не могу к нему поехать. Два года не видеть любимого человека. Это – ужасно! Но он не может меня разлюбить. В каждом письме Сева пишет, как будет меня обнимать и целовать, когда приедет. Мы пи-

шем друг другу каждый день. Правда, я иногда думаю. Вот кончу училище, направят работать, и так на всю жизнь, до пенсии. А какая жизнь после тридцати? Женщины вообще стареют после тридцати, а мне по шестнадцать. Прожила половину жизни. Да и какая жизнь у женщины замуж выйдешь – и все. Муж по дому ничего не делает, а работаешь тот же рабочий день. Потом столько же времени сидишь дома по хозяйству. Не ходишь в магазин, готовить, подавать, мыть посуду, стирать белье, рожать детей, кормить, воспитывать... Сума сойти! И респект, а Всеволод будет мне помогать? Конечно, мне бы не хотелось, чтобы любимый человек мыл посуду или стирал носки

5 июня 1989-го я был осужден на 2 года лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора на 1 год...

Мои герои – я. Я – мои герои. Галя и Миша. Мы не расставались ти 15 лет. Я мог бы написать о том, что произошло сегодня с вами, о я не сделал этого, потому что вы теперь – не те. Жизнь искалечила вас. Мне больно смотреть на ваши лица. Было бы легче, если бы не помнил ваши голоса и взгляды, мысли и мечты. Вас – нет.

Впрочем, есть иные, заменившие вас на рубеже 16-летних, те же "афнисы и Хлои, Ромео и Джульетты. Они – в латаных джинсах с полувывбритыми головами, с "феньками" и босиком тусуются на Левском и по всем главным улицам, по всей стране. В них – те же увства, то же влечение, та же любовь. Они – из таких же разваленных семей, где отца, как правило, нет, мать же, претендуя на функции мужчины, превращается в монстра...

Время этих подростков – рокопатия и токсикомания. Они так-се нуждаются в помощи.

И я могу это сделать. Должен. Я могу написать.

У меня ведь тоже растут дети.

ТЕТРАДИ

ожно просто как-то разделить
язанности. Там, где физическая
бота, например, вымыть пол –
ужчина, а вытереть пыль –
енская...

Третье апреля.

Из дневника Миши.

Сегодня мне пришла в голову
ысль о самоубийстве. Это – итог
оих несчастий и неудач. Но как
не умереть? Вот в Штатах, купил
евольвер – и порядок. А у нас как
остать? Отнять у милиционера?
тать охотником? Проще открыть
аз, но если учуют соседи – все
ропало. Достать снотворного?
е знаю, правда, какого и сколько.
а и как достать? Прыгнуть под
рамвай боюсь, да и сделаю, а по-
ом зачинят, и живи всю жизнь
родом. Нет уж, фиг! Может,

умереть от тока? Нет, ненадежно,
а мне хочется, чтоб наверняка. А
главное, не мучиться – без боли.
Не знаю, зачем пишу все это в
дневник. Для себя? Для других?
Ну, пусть прочтут. Только чтобы
я это знал, а они думали, что не
знаю. Я даже могу посвятить Вам,
читайте!

Я считаю, что у каждого чело-
века своя нить в жизни. Я потерял
ее или не нашел. Меня мучают
неразрешимые вопросы. Вот че-
ловек. Он рождается, растет,
учится, работает, заводит семью,
а потом – умирает. Человек всегда
умирает! И мое настроение не-
выносимо! Иногда я думаю, как
возникла жизнь вообще, как воз-
никла Вселенная? Тогда мне ка-
жется, что я свихнулся. А почему
человека, когда-то сильного и

смелого, в старости может оскорбить любой гад? Почему люди дряхлеют?

Даже хочется плакать.

Уехать куда-нибудь.

Третье апреля.

II.

Из дневника Гали.

Сегодня в училище было комсомольское собрание. Уже после четвертого урока внизу дежурили девчонки с третьего года обучения, которым было велено никого не выпускать. Так что нас с Маринкой вернули. На собрании Маринка читала общую тетрадь. Я дремала, а потом заглянула к ней и зачиталась. У нее был переписан английский рассказ про то, как одна супружеская пара пригласила фотографа снимать детей, а другая пара пригласила "государственного мужа". У них есть такая должность. Этого человека вызывают семьи, в которых нет детей. Так вот, фотограф пришел в ту семью, где хотели иметь детей, а "государственный муж" пришел туда, где хотели снимать детей. Мужья были на работе, а у них дома происходили очень смешные вещи. После собрания мы с Маринкой поехали ко мне. Она рассказывала, как целовалась с парнем. Он наставил ей на губы засосов, и они теперь болят. Маринка вообще фартовая девчонка. Курит только "Беломор", а пьет только водку. Она много гуляет с парнями, но хоть кажется прожженной, на самом деле – девочка. Не знаю, как ей удастся сохранить невинность, когда она так напивается с парнями. А ругается как! Через каждое слово – мат! Но с виду о Маринке никогда не ска-

жешь, что она блатная. Главное ее лицо – большущие синие глаза у Мальвины. Лицо грувато, но кожа – прекрасная. Маринка невысокого роста, но гура у нее очень пропорциональная, и она не кажется ни остальных девчонок. Ведет себя, конечно, развязно, но в самом деле очень стеснительная. А когда что говорит, то так спокойным и уверенным голосом, будто иначе и быть не может. И Мама ее не любит, и я прошу Маринку всегда звонить перед приходом из автомата. Пусть приходит, когда Мама нет дома.

Шестнадцатое

Из дневника Миши.

Я никогда не спешу домой после училища. Но все-таки спускаюсь в метро и через десять минут на Васильевском. Сегодня получил только одну двойку – уже постижение. В нашей группе только двадцати пяти. Кто болеет, прогуливает. Я хотел сменить двух последних часов – была новая технология, но на выходе дежурил мастер, и ничего не вышло. (Психика – очень дурная наука. И преподаватель читает, а мы записываем: "Процессом резания весины называется пиление. Элементы стружки – опилки.. так два часа. А преподаватель любит вызывать к доске и издается, пока ты ему отвечаешь огрызнешься – поставит тройку не двойку, если ни фига не знаешь. Он себя считает самым умным во всем, наверное, так считают. спускаюсь в метро, а навстречу непрерывно едут люди, и каж-

думает, что он и есть самый умный. На уроках эстетики вообще паразит. Первый час преподавательница рассказывает о чем-нибудь, зачитывает какие-нибудь определения, а ведь не она их и придумала. Второй час мы записываем то, что она нагородила. Дома заучиваем. Но я думаю, что у каждого должен быть свой взгляд на искусство, любовь. А так он у нас будет, когда она так делает? Учебный год кончается, а в музее мы были только раз — в доме научно-технической пропаганды. После занятий нас согнали на лекцию. Пожилой мужик рассказывал, как мы совершаем революцию, думая, что шалим. Один кадр угнал машину — хотел просто покататься, а его — в колонию. Другой, тоже из ПТУ, выкрасил из металла пистолет и выкрасил его в черный цвет. А потом на Голодае стал им страдать тридцатипятилетнюю бабу, которая шла с продуктами, хотел изнасиловать. Баба испугалась, что вороненой игрушки. Изнасиловать парень не сумел, а его — в колонию. Они оба, конечно, дураки. Мне самому иногда хочется угнать машину, когда выпью. И с друзьями я себя часто представляю, что бы тогда делал. Сегодня среда и нет вечерней школы. Можно почитать книгу. Брался за нее в прошлом году два раза — и все никак. Совершенно нет времени.

Из училища прихожу в три часа, не могу ничего делать — валюсь и сплю. А книгу надо возвращать. Библиотекарша сказала, что на Мерлока Холмса очередь: его Коуэн Дойль написал.

Шестнадцатое мая.

III.

Из дневника Гали.

Вчера Маринка опоздала в училище и весь день была как больная. В вечернюю школу не пошла, спросила, можно ли ко мне вечером зайти. Мама сегодня работает в ночь, и я сказала, что буду дома. Когда Маринка пришла, то сказала, что стала женщиной. Тот парень, который нацеловал ей губы, сказал, что если она его любит, то пусть отдается. Они были в компании. Все уже напились. Маринка и Сашка пошли в поле и там в заброшенном доме она ему отдалась. Сразу у них не вышло, и на следующий день они опять были в этом доме. Теперь Маринка не знает, что делать, если забеременеет. Ей ведь нет еще шестнадцати, а парню этому осенью идти в армию. Ему в июле будет восемнадцать. Он работает электриком. Мне жалко Маринку. Мама всегда пугала меня, что становится женщиной очень больно. Я спросила Маринку, а она сказала, что почти не чувствовала боли. А я думаю, что у всех по-разному.

Двадцатое мая.

Из дневника Миши.

Сегодня ездили с Мамой смотреть дачу. Она хочет пожить отпуск на воздухе. Там я встретил Пашку. Он стал совсем мужиком. Ростом я его повыше. Учится Пашка на третьем курсе энергетического техникума. Пошел туда после восьми классов. Мы обрадовались встрече. Договорились встретиться в городе. Вспоминали детство. Ведь мы не снимали дачу у Вероники Егоровны восемь лет. Когда отец и мать жили вместе,

они снимали каждое лето времянку в Шувалове. Я в первый же год сдружился с хозяйским внуком. Он был старше меня на два года, но не обижал. По утрам мы бегали купаться на озеро, после обеда сражались в саду малиновыми прутьями, а вечером нас не могли развести по постелям. Но один случай оборвал нашу дружбу. Пашке было тогда десять лет, и это был последний год, когда родители жили вместе. К хозяйке приехала внучка от первого мужа. Ей было девятнадцать лет. Нам она казалась взрослой женщиной. У Вероники Егоровны были сда ны все помещения, и она устроила ее с Пашкой в одной комнате. За Риткой каждый день заходили какие-то чуваки, и она пропадала с ними до самой ночи. Пашка говорил, что когда засыпает, то ее еще нет дома. Однажды после обеда, не дождавшись Пашки в саду, я пошел в хозяйский дом. Когда открыл дверь в комнату, то Рита сидела на кровати. На ней была розовая грация, и она пристегивала к поясу чулок, надетый на ее полную ногу. Другой чулок висел на стуле поверх цветастого платья. Рядом с ней сидел Пашка. Я всегда видел Риту в платье или в купальнике, а тут впервые увидел ее в нижнем белье. Она мне очень понравилась. Захотелось прикоснуться к розовому бюстгальтеру там, где он выдавал вершины грудей. Мне хотелось просто прикоснуться. А Рита закричала, зачем я вхожу без стука? Я спросил, почему Пашке можно сидеть с ней, а мне нельзя? Она сказала, что Пашка ей родственник. Помню, тогда я до того разозлился на Пашку, что до конца лета не играл с ним. Теперь-то я пони-

маю, зачем он сидел за ее спиной. Пашка помогал Ритке одевать. *Двадцатое.*

IV.

Из дневника Гали.

Произошла ужасная вещь. Погиб человек – парень. Не знаю даже, как написать обо всем этом в доме на соседней с нами улице собралась компания. Наркоманка Девушка, которую этот парень любил, на него за что-то делась. Он просил прощения. Девушка сказала, что простит, если он прыгнет в окно. А парень вылез на карниз и прыгнул. С девятого этажа. Разбился насмерть. Говорят, страшно было смотреть. Звали милицию. Коммунальщица увидела из окна на асфальте кровь и разбежалась. Девушка тоже убежала потом собрались, выждав когда у нее никого не было и ворвались в квартиру. Они ударили ее головой о батарею и топтали ногами. Украли много золотых вещей. Девушка эта из богатой семьи. Ребят потом поймали и судили за наркотики и избивание. Всех посадили. Девушку не судили. Сидит в больнице в тяжелом состоянии на всю жизнь останется инвалидом. Они ей все отбили. Сейчас нас все говорят об этом слухи. Конечно, кто – что. Некоторые говорят, что, не прими они наркотики, ничего бы не было. Парень – дурак, что прыгнул, но ведь хотел доказать, что на все готов и что любит ее настолько, что умереть по одному ее слову. Судили дрянно, хотя, конечно, страшно, что ее так отделали. Вообще не надо избивать девочку – страшно. Когда мы ездили зимой на каток, то там девушки часто дрались

парней. А дерутся они страшней, чем парни. Берут в руки коньки и бьют ими по голове и лицу. Мы с Маринкой несколько раз видели такие драки. Мы туда приезжали уже с парнями, поэтому не попадали в такие истории. А избитых девочек я видела — и это ужасно.

Двадцать седьмое мая.

Из дневника Миши.

Вчера после занятий мы с Лехой пошли на Петропавловку. Купаться было холодно. Загорали на бастионе. Бросали оттуда камешки на тех, что внизу. Люди, которые загорали под стеной, бесились, а не могли понять, кто их тревожит. Думали, наверное, друг на друга. Леха сказал, что думает бросать училище. Он вообще отличается от наших пацанов. Отчим у него — скульптор, а мать — певица. Он умный парень, много знает и интересно рассказывает. Правда, домашний уж очень и тихий, но ребята его не обижают. Наверное, потому, что я с ним дружу. Леха, хоть и худой, немного похож на девушку. В мышцах никакого рельефа, попа большая, соски и те набухшие. Переходный возраст. Глаза он часто опускает, обидчивый. Лицо у него такое, будто он только что молился, а глаза синие, и в них часто бывает словно ужас какой-то перед чем-то никому из нас не видимым, но очень страшным. Леха очень откровенный. Когда Потапов спросил, спал ли Леха с бабой, тот ответил: "Признаться, нет". Я при Лехе почти не ругаюсь. Но вообще мне кажется, что люди про себя называют многие вещи теми словами, которые не печатают в книгах. Я, например, даже думаю

иногда одними ругательствами. Они все время вертятся в голове. А вот в дневник их почему-то пишу.

Часов около семи мы поехали ДК Кирова. Там показывают с рые ленты и есть что посмотреть. Мы хотели сходить на фильм ужасов. Но на этот раз ничего страшного не было. Пошли на Селенское. Я очень люблю кладбище. Все детство на нем пролежал. Когда прихожу, словно книгу перечитываю. Все тебе здесь знакомо, будто сам в этой книге. Правда, сейчас на кладбище стало хуже. Многие памятники разбивают. Рабочие увозят камни и щепки. Вот подохнешь, а тебя разбьют. Лучше, чтоб сожгли. Да тогда какая-нибудь падла сожжет твой пепел и посыплет им огород или просто ноготки на тротуаре. Мы прошли через кладбище к дрессировочной площадке. Там были занятия. Мы смотрели. Площадка соединяется одним заборами с кладбищем, и в детстве мы с ребятами любили смотреть на собола на заборе. А хозяйка всегда травил их на нас. Мы кидали собак камнями, а надо было не травить. Потом я потащил Леху на залив. Он не хотел — я соблазнил его рогозом. Но никакого рогоза не оказалось. Там все застроили и испортили. Раньше мы с ребятами ходили на залив купаться и играть гольшом, а потом носились в высокой траве, скрывавшейся с головой. Из травы вылетали комары, а над берегом кричали чапли. Когда трава сохла, мы ее не трогали. Теперь кругом стоят дома и кусты. Мы дошли до ковша. Ребята покатались на лодке. И большая очередь, а Лехе было еще съездить по делу.

сели на "семерку" и расстались у метро. Леха поехал до Восстания, а я пошел на набережную. Куда девать время?

Двадцать седьмое мая.

V.

Из дневника Гали.

Сегодня я понял, что влюблен в него. Он живет в доме напротив. Тоже на последнем этаже. Я часто вижу его в окно или с балкона. Он старше меня на полгода. Всех девчонок, с которыми гуляет, он быстро бросает. А есть у него одна, которая старше его на три года. Меня познакомила с ним сегодня Маринка. Она была с Сашкой и со мной у него. Мы купили три бутылки портвейна. Когда вышли и послушали музыку — пошли гулять. По дороге Сашка встретил двух своих друзей с девицами. С ними мы пошли за железнодородную линию в поле. Там вообще происходят страшные вещи. Как-то мы гуляли с Маринкой и зашли в полуразрушенный дом. Он одноэтажный, небольшой, а что в нем было раньше, никто не знает. На полу валялись пустые бутылки и окурки. Стоял старый, грязный диван. (На нем Маринка стала женщиной, когда он приволил сюда Сашка.)

Когда мы первый раз зашли туда, нам было и страшно, и интересно. После этого каждый раз, как ходили в поле, наблюдали за домом. А однажды увидели, как полдат завел в дом пьяную девицу. Они вышли почти через час. Девица плакала. Ее слезы размыли грязь на веках и черными струями стекали по щекам.

В поле мы гуляли, пока было

солнце. Потом пошли по домам. Сейчас в школе масса зачетов — надо готовиться. В училище на носу экзамены. А я пришла и не могу ничего делать. Сижу, смотрю в окно, но Толи не вижу. А мне так хочется побыть с ним еще. Вчера получила письмо от Севы. Думала ответить сегодня, а что писать? Я разлюбила его. Хочу поговорить с Мамой. Может быть, Мама подскажет, что делать?

Двадцать восьмое мая.

Из дневника Миши.

После занятий я ходил к Родину. Он — руководитель нашего ансамбля. В этом году заканчивает училище. Отмаялся три года, а теперь понял, что его призвание — музыка, а не профессия столяра, которую он терпеть не может. На гитаре Вадим играет отлично, а вот поет слабо — нет голоса. Вообще он отличный парень. Сам хоть и хилый, но очень самостоятельный и держится всегда с большим достоинством. Очень любит кого-нибудь осмеять. Но когда смеется сам, то глаза серьезные. Они у него такие, будто олово расплавлено, а туда добавлена горчица. Я относил Вадиму порнографический журнал, из которого он хочет переснять один кадр, а мне на этот снимок не очень приятно смотреть. Журнал цветной, шведский. Я отнял его еще два года назад у одноклассника, когда тот показывал журнал в классе.

У Ромина мне понравилось. В его комнате стоит только шкаф и раскладушка, а у окна — стереомагнитофон. Половина шкафа занята пленками. Вадиму очень повезло с соседями. Когда я спросил, не ругаются ли жильцы, что

у него громкая музыка, он сказал, что соседи иногда кричат, чтобы он сделал погромче. А летом перед его окнами танцуют.

Вадим достал на время американские стереонаушники. Он дал мне в них послушать музыку, и она зазвучала сильнее и правдивее. Вообще я очень люблю слушать музыку. Наша музыка – искусство будущего. Она принадлежит нам, потому что мы идем в будущее. Мы встанем на места наших отцов, а они – на места дедов... Когда слушаешь музыку, то перед тобой открывается совершенно другой мир. Иногда он не очень красив, не очень справедлив, но всегда искренен. Он чужой, но близок нам. В нем мы переживаем чьи-то судьбы. Чужие, но близкие. Они сложны и кажутся недосыгаемыми, но ты попадаешь в них и живешь какие-то мгновения единым целым с ними. И когда музыка становится возвышеннее всего на свете, то моя еще нерастроченная любовь встречается с ее потоком, вышедшим из берегов человеческого сознания. И музыка затопляет самые глубины моей души, в которые не проникает никто. О которых никто не догадывается. О которых никто не думает. Я не понимаю текста многих песен, но они никогда не обманывают меня. Я чувствую их, и верю, и иду за своей музыкой туда, куда она ведет меня. И от нее зависит, останусь ли я жив или погибну. Она – вечна! Я – смертен! Но я не боюсь смерти в глубинах своей музыки. Может быть, когда погибну, то опущусь на самое дно этого величества и увижу всю красоту до предела. Захлебнусь этой красотой. Иногда, когда слушаешь, тебя

охватывает внутренний ритм, если танцуешь, то всю музыку сжирает твоё возбужденное тело. Я предпочитаю слушать не дгаясь. Просто весь замираю, когда слушаю. В нашей музыке все стоящее. Такое, как есть. Она разная. В одной я вижу нависшие надо мной дома, которые вот-вот раздавят меня, и не будет слышно даже хруста. Они смеются надо мной. Стекла в их окнах блестящие как обнаженные зубы. Я вижу оружившихся наркоманов, которые бросаются и зверски убивают в своем разрушительном и памятуе. Вижу сексуального маньяка-садиста, терзающего вонючку, и тело, истосковавшее по тому, чего никогда не знало. Вижу самоубийство, тонущее в крови, и насилие, смеющееся в ее бесчеловечности, и сожженное телом. Вижу пороженный безумным человеческим разумом гриб, нависший над планетой, над испуганными, остолбеневшими в последнем миге умиленными лицами землян. В других местах, в кальных вещах меня поражают свежесть цветов, первый раз подаренных девушке, и невольно признанное в любви истеричное, но такое, как все наше поколение. Меня поражает искренность чьей-то любви, веди, поведенной мне моей музыкой.

Двадцать восьмое

VI.

Из дневника Гали.

Сегодня получила письмо Всеволода. Спрашивает, почему молчу? Пишет, что очень скучал по мне. Не дождался ни

встречи. Жалеет, что мне мало лет, а то бы поженились.

Мы познакомились с ним в деревне, куда я почти каждый год ездила к бабке на все каникулы. Он приезжал из Петрозаводска к дяде, дом которого стоял рядом с нашим. Сейчас вот вернулся из армии. Хотя я его больше не люблю — интересно, какой он стал. Ему уже двадцать два. Говорила о нем с Мамой. Она сказала, ни в коем случае не писать, что я его разлюбила. Сева покончит с собой, если прочтет такое письмо. Я хотела ему написать так, как раньше, но все время представляла написанное и зачеркивала. Переписывала четыре раза. Отослала.

Вчера ночью я была у Толи. Когда ушла, Мама уже спала, а с ним я договорилась, что в два часа он мне откроет дверь. Толя живет с родителями в квартире, как наша. Отец очень пьет. Мать работает на одном заводе с отцом. Она тоже маляра. Толя провел меня к себе. Мы просидели до пяти часов. Он только клал голову мне на колени, но ни разу не захотел меня поцеловать. Странный какой-то! Вообще я обратила внимание на то, что он очень ограниченный человек. Толя кончил восемь классов. Работает на почте. Разводит на мотороллере корреспонденцию. В вечернюю школу не ходит. Часто выпивает. А говорить с ним неинтересно. Мы обычно молчим.

Двадцать девятое мая.

Из дневника Миши.

Сегодня была практика. У нас так сделано: полнедели теория, полнедели — практика. Мастерскую нам сделали на территории

фабрики — экспериментальная группа.

Когда шли с фабрики, в проходной заловили Молчанова. Он рассовал струны по карманам и часть положил во внутренний карман пиджака. А они возьми и выскочи чуть не в нос бабке, проверившей пропуска. Ворует вообще вся группа. В основном струны — их нигде не купишь, а здесь завались. Еще берут звукосниматели для электрогитар, чехлы и даже корпуса (их подсовывают под вторые ворота). А по сути, прут все подряд. Когда Молчанова вели к начальнику караула — он чуть не плакал. Молчанов очень толстый, а рожей похож на хомяка. Весь в веснушках. Парень он тихий, домашний, ворует тоже тихо, а тут вот попался. Теперь его как-нибудь накажут, а ему и так достается в группе почти от всех и ни за что. А кличку ему дали: "Соленые яйца".

Двадцать девятое мая.

VII.

Из дневника Гали.

Я поняла, что не люблю Толю. Он красивый — а мне не нравится. Его глаза, по которым все сходят с ума, кажутся мне твердыми и плоскими. В него влюблены все девчонки, а он любит только меня. Толя сказал мне об этом сегодня. Хотел поцеловать. Я не дала ему это сделать. Не могу целоваться с тем, кого не люблю.

Ко мне заходила Маринка — она беременна. Не знает, что делать. Говорит, что часто в первый раз аборт делать нельзя. Она сказала обо всем Сашке. Он согласен жениться. Но главное в том, что теперь вся ее жизнь ограничится

ребенком. Об учебе будет нечего и думать.

По-моему, ей надо любым способом избавиться от ребенка.

Тридцатое мая.

Из дневника Миши.

Сегодня после занятий нас с Лашиным оставили натирать пол в актовом зале. Мы опоздали на линейку, а опоздавших всегда заставляют что-нибудь делать. Мы натерли быстро и пошли в вечернюю школу. По дороге Васька сказал, что у него есть рубль. Мы пошли к дневной школе, которая напротив училища, и натрясли у ребят пятьдесят копеек. Купили бутылку портвейна. Пошли к Ботаническому саду. Там перелезли через забор. Устроились в беседке, которую знает вся наша группа. Вся беседка исписана именами мальчишек и девчонок, словами "любовь" и разными ругательствами. Сделаны даже рисунки с пояснительными надписями. Я не понимаю, зачем ребята это делают. И когда Васька достал нож, я ему сказал, чтобы он ничего не писал.

Вообще, странно. Вот Васька. У него чистые, просто прозрачные голубые глаза. Щеки румяные, даже кажется, что у него всегда повышенная температура. Его и зовут в группе "Машей". А он сейчас хотел написать или нарисовать какую-нибудь гадость. И ведь главное в том, что в голове у него все это уже было представлено. Как-то нелепо. И кто, смотря в его прозрачные глаза, поверит, что Васька ворует с фабрики, что Васька стреляет из поджиги голубей и что ругается он как потевший разум пьяница.

А в группе он комсорг.

Тридцатое мая.

VIII.

Из дневника Гали.

Только что у меня были Мринка с Сашкой. Тащили свадьбу. А я не пошла. Как это те Брат и сестра?! Двоюродные правда, говорят, что во Франце это модно, но только представи – брат и сестра?! Сейчас я понимаю, почему все так странно у них было. Как ни приедешь, они каждый раз будто из постели. Одежда наспех, рубашка не заправлена, брюки часто не застегнут потный, глаза бегают, и был у них всегда что-то неприятное, даже страшное. Смотрит на тебя так будто ты перед ним голая, – я да стеснялась. А чего ходила к ним не знаю. И Светка тоже всегда в одном халате и лицо недовольное. А на диван садишься, смотришь, покрывало измято и на нем лифчик, то трусы Олега валяются. Как их родители не убили? Свадьбу играют! А если бы Светка забеременела, что тогда? Они бы втихаря и жили. Теперь будет скоро с коляской ходить. Присон страшный.

Семнадцатое июня

Из дневника Миши.

В понедельник – первый экзамен. Вчера вечером ко мне зашел Генка. В руках у него была зачитанная в газету бутылка. Спросил, хочу ли я вышить? Конечно, пошли к его тетке. Он мне рассказывал. Говорил, что фатовая баба. Живет тетя Зина далеко. На Шестой линии у набережной в Бугском переулке. Кеттира коммуналка. Один сезон по полгода гостит в дурдоме другой, молодой парень, ходит за гранку, а комнату его жена и

ет. Квартира паршивая. Первый этаж. Пол дощатый со здоровенными щелями. Трубы ржавые, текут. Ванны нет. Грязища.

Генка тетка здорово пьет и вообще... Раньше у нее была отличная комната в другом районе. Она жила тогда с одним кадром, который заставил ее поменяться. А как переехали – скоро свалил. Вот она здесь и живет. Родичи от нее отказались. Только Генка и ходит. Но ходит он, я думаю, не зря.

Когда мы пришли и позвонили, то нам долго не открывали. Наконец, голос, похожий на мужской, спросил: "Кто пришел?" Генка ответил. Звякнуло, и дверь открылась. Перед нами стояла женщина, которую нельзя было назвать ни "средних лет", ни пожилой. Вид ее был и неопределенный, и в то же время вполне определенный. Первое, что можно было сказать, она – пьяница. Своей красной рожей тетя Зина смахивала на мужика. Ранее голубые глаза побелели. Волосы были сальные, крашены в белый цвет. Верхнего переднего зуба не хватало. Лицо ее было как недоспелый гниющий помидор. Ну и тетя! Генка ведь мне не описывал ее внешности, а только говорил, что ей сорок лет и всякое такое.

Встретила нас тетя Зина неприветливо. Наверное, из-за меня. "Привел... Чего привел... Ходят... Водят..." – бормотала она почти про себя. Одета она была в салатно-бежевое кримпленовое платье. Генка говорил, что это ее гордость, за которую она очень боится – вдруг кто продаст? На ногах у тети Зины были белые босоножки, а ноги все в синяках и царапинах. Генка развернул га-

зету и дал ей бутылку. Она быстро взяла и как хищная птица склонилась над бутылкой голову. Генка сказал, что мы поздравляем ее с днем рождения, а Батя вот прислал спиртяшки. Бутылка была на пол-литра, полная.

Слева от входной двери было окно, почти вровень с землей, напротив дверь дурного соседа. На ней висел замок, а через два стола от соседской двери был проход без дверей в коридор. Между входной дверью и туалетом стоял еще стол и плита. Прихожая была одновременно и кухней. На стене против окон висела облупленная раковина. Налево по коридору была комната тети Зины, а в конце – соседа-моряка.

Мы вошли в комнату. Там сидели мужик и баба. Они, по всему, тоже были пьяницами. Мужик пожилой, небритый, нос лилово-черный и все остальное в том же роде. Рожа, как мороженая картошка с приставшей к ней землей. Руки, как коряги, ими наверно невозможно застегнуть ширинку, поэтому она всю дорогу была распахнута. Одет он был в старые милицейские штаны и рубашку. Ботинки такие, какие носят в школу дети бедных родителей. У бабы волосы не по возрасту коротко острижены, выкрашены в черный цвет, блестят меньше, чем у тети Зины. Зубов у нее не хватало изрядно, а рожа раскрашена так, что похожа на восковое яблоко. Раньше она, видно, была очень красивой, а сейчас похожа на внезапно состарившуюся девочку. Одета в василькового цвета платье в белый горошек, короткое для ее лет и не скрывавшее ее стареющего тела. Генка сказал, что зовут ее Валентиной Степа-

новой. Она работает на хладокомбинате, проверяет пропуска, и у нее всегда можно пожрать мяса. Валентина Степановна – подруга тети, а мужик – дядя Саша, бывший милиционер, теперь работает вместе с тетей Зиной на комбинате, где делают торты и пирожные. Дядя Саша там грузчик, а тетя Зина – уборщица. Она берет на комбинате масло, сахар, орехи – что удастся, продает, а на вырученные деньги пьет. Когда не хочет для Генки что-нибудь сделать, то тот страшит ее тюрьмой за воровство, и она ему все делает.

Когда Генка меня со всеми познакомил, мы сели за стол. Я огляделся. Комната была меньше нашей. Потолки низкие. У стены, за которой живет дурной сосед, стояла полуторная кровать с отбитой местами эмалью. На одеяле, какие выдают летом в больницах, горка грязных подушек. У противоположной стены стоял буфет, который, будто старый пес, облез и протер свою шкуру до кожи. В комнате было два окна. Света они не давали из-за дома, стоявшего метрах в двух перед ними. Между окнами стояла крашенная в фисташковый цвет тумбочка. На ней телевизор "Волхов". Генка говорил, что тетка взяла его напрокат. Телевизор сломался, и она боится его нести назад. Посреди комнаты стоял обеденный стол, накрытый для праздника. На изрезанной клеенке в алюминиевой кастрюле стояла картошка. В общепитовских тарелках лежали соленые огурцы и грибы, селедка. В алюминиевой миске был студень. Стоял еще торт, который тетка заказала на комбинате к своему дню рождения. Генка говорил, что когда заказывают свои, то кон-

дитеры кладут всего столько, сколько положено, а не как обычно. В широкой стеклянной вазе были насыпаны орехи и шоколадные обломки, из которых на комбинате делают пудру, чтобы посыпать изделия. А орехи кладут в косхалву. Тетя Зина вышла, а вернулась с полной сковородой жареного мяса. Вокруг стола стояло шесть стульев разного калибра, но добытых наверняка в одном месте – на свалке. Мы сидели на этих стульях.

Над кроватью висела пожелтевшая фотография с тетрадный листок. Рядом несколько маленьких. Я видел их у Генки – это все разные предки и родичи. К стене над телевизором была прикреплена фотография Ленина из журнала.

На столе стояло шесть бутылок. Две водки и четыре портвейна-72. Тетя Зина поставила спирт и сказала, что они без нас не начинали. Дядя Саша убрал карты и разлил водку. Мы выпили за здоровье виновницы. Дядя Саша разлил еще. Предложил тост за то, "чтобы все было хорошо!". Выпили. Водка кончилась. Я сказал, что мы пили за здоровье тети Зиной водку, а теперь надо выпить портвейна. В голове шумело, хотелось какого-то движения.

У дяди Саши портвейн после водки не пошел. Его вырвало частью на стол, частью на пол. Тетя Зина назвала его "паразитом", убрала. Валентина Степановна сказала, что "мужики вообще хулиганы и сволочи". Дядя Саша, когда мы с Генкой вели его до кровати, ухватил было тетку Валу за руку. Она назвала его "нахалом бесстыжим", сказала, что сейчас вообще не умеют ве-

селиться, а пить и подавно. Называла нас "ребятками", рассказывала, какие в молодости устраивали вечера. Мы выпили за ее молодость. Тетя Зина сказала, что хорошо бы позвать соседей, которые снимают комнату морячка.

Это были молодые ребята. Ему лет двадцать, а ей на вид, как нам. Они говорят, что муж и жена. Он высокий, здоровый. Глаза часто делает мутными, томно вытягивая губы. Девчонка была аппетитная. Яркая, как сырая перводная картинка. Волосы пышные, глаза коричневые, глубокие, с желтым цветом изнутри. Нос вздернут. Губы такие, что их хочется сейчас же целовать. И сама будто вот-вот... Ноги полные, грудь небольшая. Вообще, совсем еще девочка. Они все отказывались, жалели, что не знали о рождении, но потом зашли.

Парня звали Владлен. Он вел себя тихо, называл всех на "вы". Разговаривал со мной, приглашал как-нибудь зайти посмотреть его работы. Он — художник. Девчонка молчала, часто и долго смотрела на Владлена, а смотрит она на него внимательно и долго, как на икону. В глазах у нее все время была грусть, как у обезьянок в зоопарке. Посидели они недолго. Выпили с нами по стакану и ушли, и Владлен дал тете Зине какую-то бумажку. Она поблагодарила его, подошла к буфету и приставила подарок к пластмассовой вазочке, стоявшей на нем. На бледно-розовой бумаге белой и красной красками в профиль был нарисован Ленин.

В это время погас свет, и мы с Генкой пошли посмотреть, в чем дело. Тетя Зина вышла за нами, но когда увидела, что из угла, в

котором мы шуrowали, вылетают искры, то заорала, как бешеный поросенок, и спряталась в туалет. Тетя Валя вышла ее успокаивать, а когда свет был починен и все мы шли в комнату, то я услышал целый оживленный разговор. Кто-то кому-то что-то доказывал и, разгораясь, ругался. Я спросил, что это? Генка сказал, что это дядя Саша. Он вообще молчалив, иногда по пьянке вот так заведется, сам с собой матюгается — и остановишь.

Дядя Саша за все это время отошел и подсел к столу. Что-то хотел объяснить, но никто ничего не понял. Впрочем, мы с Генкой не понимали, а у них просто такой разговор. Потом стало понятнее. Он говорил, что приходит к тете Зине не как к шлюхе, а как к человеку, но если она его продаст. И тут он не жалел матери ради того, чтобы дать понять, что он сделает, если его продадут. Потом стал говорить ласково, называя тетю Зину "котиком маленьким умненьким".

Тетя Зина сказала, что дядю Сашу надо отвести домой, потому что жена у него — "сука". Оказывается, он — сосед Валентины Степановны, и та попросила меня помочь его доставить. Я согласился. Был первый час. Генка сказал, что останется у тети. Ну что ж, так я и думал. Она, видно, его кормит поит, а ему — все равно. Мы выпили на дорогу. В дверях Генка мне подмигнул. Ох, и вмазал бы ему сейчас по роже.

Дядя Саша был совсем пьян. Рожа его вспотела и стала похожа на мороженую картошку в мокрой земле. По дороге он пел песню несдающийся "Варяг". Мы дошли до Первой линии. Там их дом. I

лестнице дядя Саша шел тяжело. Мы его волокли и подталкивали. Когда вошли в квартиру, жена открыла из комнаты дверь — он на жену и повалился. Входная дверь закрылась. Я прислонился к ней и стал оседать. Все кружилось, мутило. Хотелось спать, но когда закрывались глаза, то проваливалась голова. Я встряхивал ею и ударялся о дверь. Тетя Валя стала меня поднимать. Я слышал, как дядя Саша ругался с женой. Мне стало смешно. Я стал хватать тетю Валью руками. Она тоже засмеялась. Я несколько раз громко чмокнул ее в шею. Она повела меня по коридору. Было темно. Мы тыкались в стены. Что-то упало. Я выругался.

Вошли в комнату. Не помню даже обстановки. Все вертелось перед глазами. Плыли огромные круги. Я лез к ней под юбку. Мы все смеялись. Она толкнула меня на диван. Сама стала раздеваться, смотря на себя в зеркало. Наверное, я в нем тоже отражался. Мы были там оба. Мне казалось, что я катаюсь на бешеной, стремительной карусели. На ней меня укачало. Я могу упасть... Я повалился лицом на диван. Тетя Валя окликнула меня. Она стояла передо мной голая и была похожа на лошадь, которая давно в работе: спина провисла, живот вспучило, а на ногах вздулись вены. Груды были большие, но отвислые. Сквозь кожу просвечивали зелено-голубые жилы. Соски темные, как изюм. Сколько мужиков мяло эти груды? И еще я подумал кое о чем в этом же роде, отчего мне стало совсем не по себе, когда я осматривал ее с ног до головы — с ног до головы. А ведь она лет на двадцать пять старше меня. На

целую жизнь! Страх! Сейчас мы с ней ляжем, а в уме я ее все время зову по отчеству и тетей. При толстом теле она имела тощие ноги и была похожа на семенящего клопа, когда ходила по комнате. Спросила, чего я не раздеваюсь? Я начал, а она сидела на стуле, смотрела и курила папиросу. Живот ее сложился в несколько ярусов.

Труссы я не стал снимать. Она сказала, что так не годится. Я снял. Мы легли. Мне уже ничего от нее не хотелось, но было как-то стыдно лежать и ничего не делать, когда она ждет. Еще подумает, что я не мужчина. Целовать, даже в шею, мне стало ее противно. Я мял ее груди, а потом опустил руку вниз. Она хрипло засмеялась. Сказала, что так щекотно. Я лежал рядом с ней. Она сказала, чтобы я лег иначе. А я больше не мог касаться ее тела! Меня охватило отчаянье. Я заплакал.

— Ты что, сынок? — спросила она.

Я отпихнул ее и слез с дивана. Чувствовал, что по лицу стекают слезы. Засмеялся. Стал обзывать ее сквозь свой слезливый смех. Назвал "старой курвой", "грязной сукой", "падлой". В сумраке рассвета она удивленно смотрела на меня со своего дивана. Он был без ножек. Заплакала.

Я долго не мог найти трусов. Хотел одеться как можно быстрее, но меня качало, будто после моря. Не мог завязать шнурки, потом застегнуть запонки. Дрожали руки. Полузастегнутый вышел из комнаты. В крошечной тишине слышался плач со стонами. Под ногами трещали половицы. Я снял крик и вышел на лестницу. Спустился. Вышел на улицу. По-

бежал. И не знал, куда. А в ушах полз на стенку плач тети Вали.

Я добежал до набережной. Сел под Сфинксом. Закурил. Почувствовал, что сейчас вытошнит. Очень не люблю, когда рвет. Кажется, что все кишки сейчас вывернет наизнанку. Но я не сдержался, и меня вырвало тут же на ступеньки. Голове стало легче. Я опустил руки в Неву. Умылся. Поднял голову, увидел на мосту людей. Огляделся. По набережной прогуливались люди. Сейчас же белые ночи! И меня все видели. Как гадко! Противно... Я быстро пошел домой.

Семнадцатое июня.

IX.

Из дневника Гали.

Позавчера был последний экзамен. По техноложке. Сдала на пять. Прямо умница! Только одна четверка. В школе их, правда, три, но по сравнению с остальными я — отличница. Мама за мою хорошую учебу и вообще обещала подарить на шестнадцатилетие магнитофон. Это будет просто прекрасно. Теперь каждый день практика. Сегодня, когда мы ехали с девочками на фабрику, в трамвай опять набились ребята. Они тоже из училища и проходят практику напротив нас на мебельной фабрике. Мы почти всегда ездим одним трамваем. Многие ребята я узнаю в лицо. Девчонки даже в некоторых влюблены. Мы их всегда обсуждаем и часто смеемся над ними. Я вообще всегда, когда вижу парней, даю им внутри себя оценку, представляю некоторых вдвоем с собой и думаю, как бы они себя вели и что бы делали. Это очень интересно. С некоторыми я

вообще не могу себя представить другие ничего, но один... Я видел его раньше, но первое время был мне противен, потом смешно — мы всегда смеялись над ним, а что-то шептал своему другу, который очень скромный и почти всегда молчит, только иногда улыбнется — видно, тот, которого я теперь люблю, говорит ему что-нибудь гадкое или смешно про нас. Парни всегда смеются гадостям. Мой парень внешне похож и не похож на остальных. У него те же длинные волосы, рваные валяющиеся брюки, но иногда кажется, что он притворяется, когда выкрикивает ругательства, мучает других парней, смотрит на них гадко и вообще ведет себя, как и парни.

Второе ию.

Из дневника Миши.

К этому экзамену по технике готовился всю ночь. Получил пять. По материаловедению — четыре. Теперь экзамены позади. Школа закончилась еще раньше. Все учебники я забросил до сентября на антресоли.

Началась практика. Теперь катайся по утрам, как на работе. Лето, а мы ишачим: пилим, строгаем. На кой черт я пошел в это училище?! Оно создано исключительно для кретинков. Мы тупы до упора. Преподаватели рассказывают до смешного простые вещи. Как-то я читал, что один кадр написал талмуд о том, как надо сбрасывать снег с крыш. Так и в нашей лавочке. Объясняют, что такое есть стружки, а что такое есть опилки. Единственный отдых — поиграть вечером с пацанами на гитаре. Но ансамбль у нас со всего училища, и не

торые участники в другом потоке. Приходится собираться по воскресеньям. Ну, ничего, искусство требует...

Приглянулась мне одна девчонка. Конечно, не Софи Лорен, но в общем-то товар нормальный. Она тоже с ПТУ. Мы сейчас вместе ездим на практику. Их, как и нас, человек тридцать. А из всех нравится мне она одна. Сегодня вот едем, болтаем с Лехой о том, о сем. Смотрю, а она за мной наблюдает. Видно, тоже интересуется. Рядом с ней стояла какая-то шиза с заячьей губой. Я шепнул Лехе, смотри, мол, какая очаровашка. Он, ясное дело, рассмеялся, а моя баба подумала, я про нее чего ляпнул, губы надула и отвернулась. Доехали до работы и разошлись. Им — направо, нам — налево. Даже жалко... Надо с ней как-то сосытаться.

Второе июля.

Х.

Из дневника Гали.

Сегодня ребята были выпивши и привязались к нам в трамвае. Один из них, рыжий, противный, оперся руками на сиденье: я сидела с тремя девчонками сзади, — и спрашивал, откуда мы такие взялись? Он же знает, откуда. Вот дурак! Когда вышли из трамвая — он останавливается как раз напротив проходной, — то парни увязались за нами. Марина Соколова сказала, что им надо на другую сторону улицы, но они дошли до проходной. И вот здесь мой парень подошел ко мне. Выпивший он был еще красивей. Если всегда он был то серьезен, то смеялся, то теперь как-то разомлел от выпитого. Он смотрел пошло, а мне

нравилось. И мне знакомо его состояние. Когда ты выпивши, но не пьян, то хочешь охватить весь мир и всех осчастливить. Он посмотрел мне в глаза.

— Ты после работы свободна?

Господи, я бы сейчас пошла с ним, куда бы он ни повел меня, сейчас целовала бы его руки и отдала все на свете. Но здесь, рядом, его пьяные друзья и наши девчонки, которые уже все слышали...

— Свободна для чего?

— Для того...

— Иди отсюда!

Он засмеялся и ушел, ушли и остальные. А мне хотелось плакать.

Четвертое июля.

Из дневника Миши.

Сегодня мы с корешками крепко поддали. Получили за лето деньги за питание и отметили это дело, как у нас полагается. На фабрику ехали в лучшем виде. Наш поток сегодня во вторую смену. Когда садились, то в трамвае уже ехали девчата. Первым выступил Гена. Мы зовем его "Крокодил".

Он вообще неприятный тип. Рыжий, прыщавый, пахнет чем-то сладким. Неприятен уже тогда, когда подходит. Изо рта у него несет тем запахом, какой бывает, когда на солнце гниют раздавленные озерные ракушки. Глаза, как ни странно, голубые, но это только усиливает гадкое от него впечатление. А на харе Генки всегда написано то, чего он хочет.

"Крокодил" прицепился к бабам, сидевшим на заднем сиденье. Я смотрю, а с краешку у самого выхода — моя. Ну, думаю, Геночка, ладно. Но он ничего особенного не

сказал. А когда сошли, я подошел к ней и хотел культурно познакомиться, а наговорил ерунды. Совсем не то, что хотел. Даже не успел, потому что разговора не вышло. Да так даже и лучше. Жалко, конечно.

Четвертое июля.

XI.

Из дневника Гали.

Интересно, что такое любовь? Говорят, будто привязываешься так, что от тоски по человеку можешь умереть или покончить с собой. Не представляю себе такого! Я, конечно, могу влюбиться очень сильно, но страдать по парню — никогда! Их столько, что всегда можно влюбиться в другого.

Пятое июля.

Из дневника Миши.

Сегодня мы с Потаповым были дежурными по мастерской. Он подметал пол и рассказывал мне, как вчера сделал одну девку женщиной. Хотя я не знаю подробностей этих дел, но он явно врал от начала и до конца. Он — грязная скотина! Ведь он выдумал те слезы, которыми плакала эта девочка, а это хуже, если бы они были. Я хотел набить ему морду, но подумал, как отнесутся к этому ребята? Каждый считал бы себя героем, рассказав такую историю.

Потом вспоминал, как они ездили с Лашиным за город с ружьем, которое Васька берет у своего дяди. Они дошли до поля и там стреляли птиц. Маленьких, вроде воробьев. Я спросил, зачем это делать? От птиц-то, поди, и перьев не остается? Какой толк? Потапов сказал, что просто так, интересно.

Хотя, когда стреляешь ворон, то иногда еще трепыхаются. "Ну, ворон-то он тоже не жрет же?" — сказал я ему. — Это же бессмысленное убийство!"

Юрка сказал, что не все убивает бессмысленно. Вот с надежды, совершенно справедливо, чтобы наказать соседку, не давшую им играть в футбол око своих окон, Юрка поймал ее кошку и закопал в землю, оставив на поверхности только голову. Потом разложил вокруг костер и подожг. А сам сидел, смотрел и слушал.

Я назвал его сволочью. Он и ржал. Сказал, что поговорил бы мной серьезно, да вечером не идти к бабе, а я ведь ему тоже можно испортить карточку во время дачки. Бабы же этого не любят.

Я подумал, что Юрка немаленький, но тогда он не одичал. Черт его знает?! Рожать-то у него бешеная: глаза круглые и вращаются ими постоянно. А сам, кажется, сейчас плюнет. Два верхних передних зуба у Юрки выбиты. Он похож на обиженного волка, а чирикает, как кот.

Пятое июля.

XII.

Из дневника Гали.

Вчера в ДК был вечер. Сколько девчонок из нашей группы и я пошли. Народу было уже много. Играл ансамбль. И как я обрадовалась, когда увидела на сцене своего парня. Он играл на гитаре и пел. Щеки его горели. Видно выпил. Сейчас все парни пьют и девки не лучше. Мы выпили с девчонками в туалете две бутылки "Хирсы" на пятерых, покуривали, пошли плясать. Меня пригласили несколько парней. Я так

вала, но не давала себя лапать и лезть руками. Мой парень играл весь вечер. Закончился пляс в двенадцатом часу. Все стали расходиться. Надо идти и мне, а я, как дура, встала и глазею на сцену. Потом сообразила, что он может это заметить, и стала смотреть на выходящих, будто ищу кого-то глазами, кого жду. А сама нет-нет да и посмотрю на него. Все наши девчонки уходили с парнями, кроме Лены Забелиной. У нее заячья губа, поэтому нижние веки оттянуты вниз, и получается страшная и смешная гримаса, заставляющая еще раз на нее посмотреть. А тело у нее хоть худое, но рыхлое, и пахнет от Ленки всегда ужасно. Когда приходишь к ней домой, то в ее комнате всегда пахнет ее особенным потом — очень неприятно. Парни с ней не ходят, а зовут Ленку "гнилым мясом". Мне ее всегда жалко: она же ждет, что кто-то будет и с ней ходить.

Когда все вышли, я тоже пошла, но вдруг услышала: "Здравствуй!" Я еще не обернулась, но узнала голос — это был его голос! А когда обернулась, то он стоял передо мной.

— Здравствуй! — ответила я.

— Извини меня за тот раз у фабрики. Мы тогда с корешками малехо заложили.

— Да ты и сейчас под кайфом.

— Ну, это ничего. Когда играешь — надо пить.

— Майкл! За аппаратурой приедем завтра. Так что, чу. Не томи девочку, — крикнул ему со сцены волосатый парень в кожаном пиджаке, который с другими ребятами там еще возился.

— Пока, Вадим, — ответил Миша и обратился ко мне: — Тебя можно проводить?

— Мне далеко.

— А куда?

— В Дачное.

— Бывает и дальше. Поехали.

Мы спустились в гардероб. Почти все уже разошлись. Несколько парней и девчонок курили в ожидании друзей. В кресле около выхода сидела Забелина и курила. Рядом стоял с папиросой в зубах тот рыжий, который пристал в трамвае. У него было веснушчатое прыщавое лицо, какое может не вызывать отвращения, но в лице его было столько гадости, что мне стало еще больше жаль Забелину. Есть люди, у которых на лице написано то, чего им надо. Конечно, пусть, всем надо. Но здесь, когда надо не человека, не Забелину с ее заячьей губой, а то, что у нее в порядке и примерно такое же, как у всех, а она рада даже такому вниманию... Мне захотелось подойти и ударить рыжего, но я подумала, что у меня нет заячьей губы и вообще никаких дефектов. Лицо, если не красивое, то симпатичное, хорошая кожа, стройное тело. Я еще не знаю, что видит во мне Миша, но готова отозваться всем своим существом даже на то внимание, на какое отзывается сейчас Забелина. Но жалею я ее, а она мне наверняка завидует, что я пойду с высоким видным парнем.

— Ты о чем мечтаешь? — услышала я голос Миши. Он получил вещи и подавал мне плащ. Оделись и пошли на метро.

Когда дошли до моего дома, Миша посмотрел на часы.

— Ай-ай-ай! Четверть второго!

— Как же ты поедешь? Тебе куда?

— На Васильевский.

— Здесь можно поймать такси.

— Какое такси, когда на водку не хватает.

Мы замолчали. Миша предложил посидеть на детской площадке.

— Ты с кем живешь? — спросил он.

— С Мамой.

— У вас отдельная квартира?

— Конечно, двухкомнатная.

— На двоих?

— Нет, отец прописан у нас, а сам снимает или живет у кого-нибудь.

Мы долго сидели около моего дома, наверное, с полчаса. Говорили о разном. Потом Миша спросил, не будет ли волноваться Мама, что меня долго нет дома. Что было ответить? Сказать правду, что Мама работает в ночь? Или что она не волнуется за меня. Я сказала правду, и еще, что ко мне можно зайти посидеть, пока открывают метро.

Я думала, что он, как все парни, начнет сразу ко мне лезть, обниматься и целоваться, но он даже не взял меня в этот вечер под руку. Я подумала — он понял, что я ему не нравлюсь. Он только говорил и говорил со мной или вовсе молчал.

Когда вошел к нам и помог мне раздеться, то стал совсем тихий и очень хорошенький. Он был теперь похож на маленького мальчика, а не на того гопника, каким я его видела раньше... От ветра волосы его рассыпались в разные стороны кольцами, а около губ щеки были припухлыми, как у ребенка. Мне захотелось приласкать его. А он сидел и рассказывал, но теперь без этих своих "малехо", "с легонца", "по делу", а просто и интересно, как любит он свою музыку, выступления, что

музыка эта — настоящее искусство, что ж, что возникает она с помощью электричества! Говорил том, что тоже живет без отца, одной матерью в коммунальной квартире. А отец прописал его себя для того, чтобы получить трехкомнатную квартиру, а у него жена и ребенок от нее. Потом говорил про своих друзей. Про папу, который бесподобно рисует. Про того, которого я видела на сцене, — что он прекрасный музыкант, шикарно говорит по-американски и может достать любую вещь. Пока он рассказывал, я сидела пельмени. Мы поели. Выпили кофе. Он закурил, и я тоже. Кончили курить, немного поговорили и замолчали. Я подумала: "Что же дальше?" Решила, что, наверное, хочет спать. Сказала, что лягу у Мама, а ему постелю себя. Он удивился — неужели я хочу спать? Завтра же воскресенье. Но я все-таки постелила, а потом мы еще говорили, а мне хотелось, чтобы он меня поцеловал, и еще... Конечно, я не хотела, чтобы это слишком далеко заходило. То, о чем я недавно мечтала, гало теперь меня одной мыслью занимало.

Он дал мне посмотреть порнографический журнал. Как можно фотографировать такую гадость. И кто на это идет? Когда я посмотрела и подняла голову, то он пристально, даже как-то отчаянно меня посмотрел. Потянулся ко мне и поцеловал прямо в губы, а потом притянул к себе, посадил на колени и все целовал. Как мне было хорошо с ним! Но когда он поцеловал меня руками — мне стало стыдно. У меня маленькая грудь, и я стесняюсь этого. Я стала убирать его руки, он все лез, а потом взял мою р

и положил к себе. Господи, как я испугалась! Никогда не думала, что это такое большое. Я много слышала, кое-что читала, но тут мне стало очень страшно, и я попросила оставить меня.

Когда мне было семь лет, Мама единственный раз снимала дачу: сарайчик в Белоострове. В доме наших хозяев была масса дачников. Жили муж и жена с двумя сыновьями. Они были младше меня. Старшему было шесть, а младшему — четыре с половиной. Мы всегда играли с ними в разные игры. Пускали мыльные пузыри, ловили сачками насекомых. А как-то придумали игру в доктора и больного. Больной ложился в гамак, а доктор его осматривал и говорил, как лечиться. Мы всегда подолгу осматривали то, что нас больше всего интересовало друг в друге. А потом, если я бывала доктором, то говорила, что они должны вначале сходить "по малому" (мне очень нравилось, когда они это делали, — я даже иногда подсматривала), а потом покачать меня в гамаке, стоя у сосен со спущенными штанами, чтобы поправиться. Мальчишки говорили, что так нечестно: я тоже должна снять штаны и задрать юбку. Я смеялась и задирала юбку, не снимая штанов. Мы быстро ссорились. Мальчишки со слезами на глазах натягивали штаны и уходили. А я продолжала качаться.

Я выросла и узнала, как все делается. Но до самого этого момента не представляла себе ничего на деле.

Миша сказал, что больше не будет, но когда я хотела выйти, то обнял меня очень нежно, стал

опять целовать, довел до дивана, уложил на него и стал раздевать. Мы молча боролись, и изредка я шептала: "Не надо". А он говорил: "Подожди... Ну что ты... Я ничего..." А сам раздел и поцеловал в грудь. Мне стало очень беспокойно. Я совсем потерялась и заплакала. Он отпустил меня, и я ушла, взяв свои вещи, не пожелав ему спокойной ночи. Я вся горела. Легла. Уткнулась в подушку. Хотелось плакать. Слез не было. Они будто высохли на моем жару. Мне хотелось к Мише. И я пошла. Но он заснул, а я не могла будить его и тихо ушла.

После того, как увидела его спящим, я успокоилась. Легла и даже задремала, но вдруг почувствовала, что он в комнате. Миша стоял в одних трусиках около кровати. Всю меня била дрожь, и я только спрашивала, что он хочет со мной сделать? Он сказал, что ничего не сделает, чтобы я успокоилась. Сел на кровать, наклонился ко мне и прижался всем телом. Он тоже дрожал. Поцеловал меня в лоб — совсем как в детстве отец перед сном. Пошел к дверям. Я окликнула его. Он подошел ко мне. Я протянула к нему руки. Мы снова стали целоваться, а потом я все с себя сбросила и сказала, что готова на все. А он стал меня целовать все реже, а потом вовсе перестал, встал и вышел. Вернулся с сигаретами. Мы закурили. Я взглянула на часы. Скоро должна была прийти Мама. Я сказала, что ему пора уходить. Он быстро оделся, а вид у него был совсем смущенный, будто он нашалил. Мы поцеловались в дверях. Миша ушел. Я все убрала, и Мама ничего не заметила.

Восьмое июля.

Из дневника Минни.

Вчера мы играли на вечере. Исполняли в основном западные вещи. Пляс вышел шикарный. Драк было немного, но повеселились нормально. Когда все расходились, я разглядел на выходе свою бабу. Стало ясно, что видел ее среди танцующих, да не узнал. Она сегодня сделала прическу: челочка на лоб, остальные волосы зачесаны назад и собраны, как кружевной крендель, на висках и по всей голове гирляндами свисают завитки. Губы – вишневые, ногти – тоже. Ресницы длинные, как усики у махаона, черны так, что глаза словно в трауре. Брови, видно, выщипала. (Раньше они мне казались гуще.) Под ними голубые тени. Лицо напудрено загарной пудрой. Прямо кукла раскрашенная.

Вообще я ничего не имею против, если баба красится. Да и парень, если удачно выкрасит волосы, тоже ничего – сам этим занимался. Но когда накрашено все, что можно, мне кажется, что это только портит дело. Ну, ладно, бледные губы. Подкрась! Блестит нос, тоже, валяй, замазывай! Но ведь другая вся перемажется и думает, что это сногшибательно.

Она, видно, кого-то ждала, потому что не выходила, а внимательно смотрела в толпу выходящих. На ней была юбка серого цвета, коротенькая, как у маленькой. Ноги длинные, в дымчатых чулках. Туфли на платформе. Штатская баба!

Спустившись со сцены, я все-таки подошел к ней. Мы поздоровались. Познакомились. Мне захотелось ее проводить. Она была поддавши, а в таком виде бабы многое позволяют. У меня, прав-

да, до сих пор не было девки, с которой бы я переспал, но я много раз целовался и умею это делать. Мне, конечно, хочется переспать с бабой, но это не так просто. Связаться со шкурами у меня не выходит. Когда они начинают сами лезть, то мне становится неприятно. И вообще, как-то страшно связываться с бабой, которая все прошла, а ты только целовался, и больше ничего. Мне кажется, я проще сделаю это с бабой, которую совсем не знаю: она мне просто понравится при встрече. Но разве это возможно? А когда уже хорошо знаком с девчонкой, то как на это решиться? Как мы узнаем и увидим друг друга в этот момент?

Я не знал, какая Галька, но она мне понравилась, и я поехал ее проводить. Она живет в Дачном.

От метро мы шли пешком. До ее дома доперли во втором часу. Посидели перед домом. Поболтали о жизни. Она все волновалась, как я доберусь на свой Васильевский, а я об этом и не думал. Мне хотелось поцеловать ее, но я не решался. Сидим, разговариваем и вдруг – нате! Она же поймет, что это несерьезно, а так... Я спросил, не будет ли волноваться ее Мама. Она сказала, что Мама работает в ночь. Пригласила зайти.

У них с матерью двухкомнатная квартира. Отец прописан с ними, а сам, вроде моего, только в другую сторону. Дом – шикарный! Два лифта, мусоропровод. Потолки приличные для новостроек. Прихожая большая, стенные шкафы. Обстановка, конечно, не фонтан. У Гальки комната с лоджией. Она показывала квартиру, пока кипятилась вода для жратвы. Я спросил, не страшно ли

жить на четырнадцатом этаже? Она ответила, что отсюда до Бога ближе. Я похвалил ее за остроумие.

Заморив червячка, мы опять разговаривали о разных вещах. Рассказывали о себе, о друзьях. Курили. Другие парни не любят, чтоб девка курила, а по мне все равно. Лишь бы как следует, взятыг. Разговор сникал, а я думал: "Что же дальше?"

Она сказала, что если я хочу спать, то могу лечь. Перед приходом Мамаы она меня разбудит. И я уйду. Мне не хотелось спать, а хотелось еще побыть с ней. Это ведь здорово! Еще сегодня были чужие люди. Она накрашенная, внешне пустая кукла. Не знаю, чем казался я. А теперь сидим в ее доме и говорим, как самые близкие люди. Наверное, мы с ней в чем-то похожи, раз так скоро сошлись.

Я думал об этом, пока она мыла посуду. Потом мы пошли в ее комнату. Закурили. Мне захотелось показать ей порнографический журнал, который мне сегодня вернул Вадим. Я спросил Галю, как она относится к порнографии? Она сказала, что это — ужасная гадость. Но журнал посмотрела и опять сказала то же. Я обратил внимание на то, что мне было приятно, когда Галя смотрела журнал. И когда она подняла голову, которую склонила над ним, то я поцеловал ее. Посадил к себе на колени и продолжал целовать. Мне хотелось узнать все ее тело. Она снимала мои руки с коленей и груди. А у меня было непередаваемое чувство того, что, устроенные природой по-разному, чтоб соединяться в единое целое, мы можем сейчас увидеть и узнать друг друга и что может быть на

свете значительнее?! Она отпихивала меня и хотела уйти. Попросила оставить себя. Я отпустил ее, но в дверях мне захотелось снова ее обнять. И я обнял ее и завалил на диван. Раздел до пояса и поцеловал в правую грудь. Она заметалась в моих руках. Заплакала. Я далее уйти. А сам разделся и лег. Но какой тут сон? Услышал, что она вернулась, и зачем-то притворился спящим. Она была недолго, потом ушла.

Я не мог лежать и пошел к ней. Когда подошел к кровати, меня начала бить дрожь. Галя спросила, что я хочу с ней делать? Странный вопрос. Я сказал, что ничего, прижался к ней. А потом просто поцеловал в лоб и пошел вон. Она позвала меня. Протянула руки. Мы стали целоваться. Галя сняла с себя рубашку и сказала, что согласна на все. В ее голосе звучала торжественность жертвы, которую она мне была готова принести. Мне стало смешно. Потом я понял, что это тот момент, когда в моих руках чистая девчонка, которой я могу воспользоваться. Но я вдруг испугался неизвестности этого дела и еще той пустоты, которая в этот миг скользнула под рукой. Я перестал ее целовать. Сходил за сигаретами. Пока курили, Галя сказала, что мне пора сваливать. Я пошел одеваться. Было стыдно своей минувшей робости. Опять свалил дурака. Но она подумала, что я благородно не воспользовался ее согласием. Ну и ладно. Прощальный поцелуй вышел коротким и стыдливым. Будто в первый раз.

Я приехал домой, когда Мама уже пила кофе. Она привыкла к тому, что я не ночую дома. Ничего

не сказала. Вообще ей сейчас не до меня. Она ждет ребенка от одного кадра, за которого собирается замуж, а ведь ей сорок лет. Виктор на семь лет моложе. Интересно, где они собираются жить с ребенком? У Виктора одиннадцатиметровая комната, а у нас с матерью четырнадцать метров.

Восьмое июля.

XIII.

Из дневника Гали.

Мы с Маринкой и Сашкой напилась. На рождение я их не приглашала из-за Мама, а вчера скинулись на три бутылки портвейна и насосались, как клопы. Маринке, конечно, не стоило так, но что ей скажешь? Не будешь отнимать стакан, а Сашка молчит. Вообще он чудной. Глаза у него очень красивые – кошачьи, цвета каштановой скорлупы. Они ласковые и мягкие, когда он в хорошем настроении. И сам он производит впечатление чего-то очень мягкого, что хочется иногда прямо взять да потискать. Непонятно, как такой может лишать невинности. Он ведь рассказывал Маринке, что до нее у него были три любовницы – и все девочки. Младшей тринадцать лет. Он всегда мечтает – то об учебе, то о карьере на производстве, но, я думаю, что он слишком безвольный, чтобы чего-то добиться в жизни, да и не умен он.

Мы пили у меня – Мама работала. Сашка рассказывал все время анекдоты, Маринка слушала и все время мне говорила, что напрасно не пригласила Толю: он говорил ей, что я ему до сих пор нравлюсь.

Я почти весь вечер молчала и

вспоминала Мишу – то на сцене, то как он меня целовал, а потом ушел и ни разу не позвонил. И не позвонит, наверное, никогда. Что я ему? Он – парень.

Двенадцатое июля.

Из дневника Миши.

Сегодня я опоздал на фабрику на полчаса. Мастер ругался. Начали делать табуретки. Строгали все, кроме Сереги. А он пристроился за задним верстаком и проспал на полу до обеда. А после обеда мы идем домой.

До трамвая шли с Серегой. Он, как всегда, рассказывал про свои подвиги. Вчера надрался с корешками. Пошли гонять народ. Пристали к курсантам морского училища. Тех тоже было восемь. Начали махаться. Серега с друзьями похватала колы, покидали их в моряков. Те в них. Курсанты взялись за ремни. Одному рассекли голову. "Зеленый" был весь в кровищи", – сказал Серега. Набежала милиция и дружинники. Кто-то вызвал "Графа", и "Зеленого" повязали. Остальные разбежались.

Серега уходил проходными. В одном дворе наткнулся на пьяного. Тот валялся около гаражей. Серега расстегнул штаны и помогил тому на лицо. Попал в глаз. Веко, говорит, заворачивалось, и сквозь струю блестел белок.

Я сказал Сереге, что он совсем опустился. Спросил, зачем делает такие вещи? А он ответил, что нефиг валяться на дороге.

Вообще я Серегу побаиваюсь. Думаю, не будь я ему другом, как был он со мной когда-нибудь обошелся? Я крупнее его, но во мне нет его решительной беспощадности и желания делать то, что он.

Может быть, про себя я думаю о таких вещах, но никогда не сделаю.

После поступления в училище, в сентябре, нас отправили в колхоз. Нас поселили там в бывшей пекарне. В ней каждый год живут студенты или ребята из училищ, которые помогают совхозу собрать урожай. Но какая от нас помощь? Все давили сачка. Из турнепса вырезали рожи, а картошкой кидались. Когда мастера говорили, что если мы не соберем столько того-то и того-то, то председатель не даст денег на нашу жратву, то мы собирали сколько надо. По вечерам мастера пили, а мы ходили за два километра в бывшую школу. Там поселили группу ювелиров. В ней было только шесть парней, а остальные девчонки. Нас было две группы, но многие сявки не ходили и драк из-за баб почти не было. Мы устраивали пляс, а потом махались с местными ребятами, если девчонки говорили, что те к ним лезли.

В совхозе мы были около месяца. Потом стали уезжать. Я уехал с первой партией. Потом Леха мне рассказывал, что Серега мучил тех котят, которых ребята откуда-то притащили в пекарню. Их и назвали: одного по кличке Сереги Свинцова — "Бес", а второго по кличке его лучшего друга Потапова — "Лоцман". Серега лил на них йод и бросал в костер. Потом, когда котята с виду были дохлые, играл ими с Юркой в футбол. А ночью, когда все спали, Леха вышел во двор в туалет. Услышал писк. Пошел на звук. Увидел два комка шерсти и мяса, которые лежали друг около друга, только поднимали ослепшие мордочки и

пищали. Леха тут же заплакал, а с Серегой не разговаривает до сих пор.

Один раз я был у Сереги дома. На окне стоял аквариум. Серега постукал пальцем по стеклу, и рыбки сбежались. Он бросил им червей, мотыля. Танцующих в воде червей просвечивал насквозь рефлектор, висящий на аквариуме. Серега сказал, что рыбки его узнают. "Котят в костер кидает, а дома с рыбками беседует", — подумал я.

Меня очень удивило, когда Серега рассказал, как заступился за мать, когда пьяный Батя поднял на нее руку. Наверное, Сереге было просто охота почесать кулаки. А бьет он с наслаждением. Он привык бить. А теперь ему куда девать свое умение и привычку. Раньше он занимался боксом, имел первый разряд и подавал большие надежды. Такой человек мог стать великим боксером. Серега бросил бокс, когда его тренер перешел в другое общество. Сейчас он много курит и пьет, пушается с девками.

Закончил свой рассказ Серега тем, как пошел потом к одной бабе и что там сделал. Он никогда не смакует эти вещи, как все ребята. Там, где он хорош, — он примитивен.

Когда я поступал в училище, то Серега не производил на меня впечатления садиста. Я никогда не могу сразу определить человека по его внешности.

Глаза у Сереги коричневые, холодные, даже мертвые, когда звереет — блестят. Стрижется всегда коротко. Волосы светлые. Он похож на лошадь, симпатичен лицом. Иногда кажется невинным и томным, но присмотришься и

видишь, что Серега, как новенький штиблет, который уже успел окунуться и в придорожную грязь, и в дерьмо скотины, и в его блестящую обувную юность уже въедается и то, и другое. Иногда, когда Серега дремлет на уроках, он похож на старуху. Он здоровый парень. Но как стремительно разматывается катушка, так Сережа жжет свои силы.

Двенадцатое июля.

XIV.

Из дневника Гали.

Наконец позвонил Миша. Я так ждала его звонка. Даже рассердилась. Хотела его позлить и сказала, что Сева сделал мне предложение. А Миша пожелал мне счастья и семейной жизни и повесил трубку. Что же теперь делать? Когда езжу на фабрику, то его не бывает в трамвае. Надо решиться и спросить у Мишиного друга, с которым он всегда держался вместе, что с Мишей?

Всеволод приехал вчера и сразу сделал мне предложение. А я его еле узнала. Совершенно отвыкла. Он стал очень неприятный. Или был? Лицо у него розовое, а руки красные. Он лысеет и носит короткую прическу, только сзади волосы отпущены и завиваются колечками. Глаза, как гороховый суп. Сам небольшого роста, не выше меня, спортивный. Все время серьезный, деловой, все знает. Собирается держать экзамены в ЛИАП. Он провалил туда два раза до армии. Теперь, говорит, после службы, льготы.

Когда я заговариваю с ним о чем-нибудь сложном, то он уводит разговор в сторону. Видно, боится осрамиться. Когда я включаю маг-

нитофон, то он делает вид, что вслушивается и о чем-то внутри себя переживает, а сам в это время стучит ногой — разве можно?

Он — человек, который знает, что ему надо. Вот выбрал меня, и все, хоть лопни, а будь его женой. А может быть, в нем ко мне что человеческое? Так-то он как машина. Одет всегда в бордовый костюм с жилетом, и обязательно галстук. Часы на цепочке, ботинки остроносые. Даже в солнечную погоду носит плащ и шелковый шарфик.

Сева нарассказал мне очень страшных вещей. В часть, где он служил, приходили из поселка одиннадцати-двенадцатилетние девочки, а вечером прибегали матери, били их и тащили домой. На следующий день девочки опять приходили. А взрослые бабы приходили и ложились. Солдаты ставили такой бабе стакан воды и кусок хлеба. Ею пользовался кто хотел. Я не могу себе даже представить такой ужас.

Сева остановился у родных. Встречаемся с ним каждый день. Как раньше я его любила? Ведь он первый учил меня целоваться. Как я могла это с ним делать? Сейчас только назло Мишке разрешаю Всеволоду себя трогать. Мне даже иногда хочется назло Мишке ему отдаться.

Мы с ним вчера выпили за встречу, и он смотрел на меня такими сладкими глазами, что я засмуцалась.

Сегодня Всеволод говорил с Мамою. Он ей давно нравится. Мне она всегда говорила, что мечтает иметь такого зятя. Мама сказала, что с нашим браком надо подождать, пока я хотя бы закончу училище, а это еще два года, и мне

будет как раз восемнадцать. За это время и Всеволод поступит в институт и вообще как-то устроится в Ленинграде.

Пятнадцатое июля.

Из дневника Миши.

Я бросил ходить на практику. Ну их всех к черту! Тошнит меня от этих табуреток! Чтобы мать не догадалась — ухожу утром, будто на фабрику, а сам иду на Петропавловку, залезаю на наш с Лехой бастион и там сплю. Говорят, утром солнечные ванны полезны. Потом иду к зоопарку, перелезаю там через забор и хожу смотрю зверушек.

Позвонил Гальке. Она сказала, что какой-то кадр хочет на ней жениться. Я пожелал ей счастья. Не буду больше звонить.

Пятнадцатое июля.

XV.

Из дневника Гали.

Я сказала Всеволоду, чтобы он не ходил ко мне, не звонил. Не могу его видеть.

Практика кончилась. Проклинаю себя, что не успела поговорить с Мишиным другом. Не могу даже узнать Мишин адрес — не знаю фамилии. Хоть плачь! Да и плачу часто. Все готова ему простить! Только бы он пришел или позвонил. Где он? Что с ним? Может быть, он умер?

Ко мне заходила Маринка. Она сказала, что все мои страдания по Мишке — ерунда. Вот она поняла, что не любит Сашку, а ведь живет с ним. Она от него ничего не получает, не чувствует себя женщиной, только больно всегда, но идет на это ради Сашки — он к ней очень привязан. У них будет ребенок, и

родители разрешили им жить. Сейчас они ходят в исполком, чтобы выбить Маринке разрешение на брак. Она сказала, что зря я отказала Всеволоду, а тем более бросила Толку. Он сейчас из-за меня пьет.

Я рассказала Маринке, как люблю Мишу. Она долго не соглашалась, что можно, как я, сидеть униженной и ждать. Потом сказала, что вообще-то кто его знает. А когда уходила, сказала, хоть я и дура, а она мне завидует.

А я решила, если не буду Мишиной, то ничьей. А если стану его, то после этого покончу с собой.

Девятнадцатое июля.

Из дневника Миши.

Вчера встретил Владлена. Он узнал меня. Поздоровались. Владлен был с двумя друзьями и тремя бабами. Они были поддавши. Он сказал, что если я хочу выпить и послушать фирменный магнитофон, то могу двигаться с ними. Я пошел. Все ребята, кроме Владлена, были хорошо одеты. На нем были старые вельветовые брюки песочного цвета, розовая рубаха, завязанная узлом, и грязные белые кеды. Я был одет плохо и стеснялся своего вида. Мы зашли в угловой магазин. Они взяли три бутылки водки и пять — портвейна. Парень с прической, как у Гоголя, положил бутылки в большой кожаный портфель. Парня звали Володя. Волосы у него были черные, даже с синевою. Лицо белое, будто в меду. Глаза карие, как у коровы, умные. Губы толстые и красные. Зубы плохие, но он все время широко улыбался. Володя был выше Владлена, но очень хилый, только плечи ши-

рокие. Его брюки были цвета яичного желтка, модные, в таких только иностранцы ходят. Очки на пол-лица, дымчатые. На теле белая футболка без рукавов. На ней нарисован черной краской лев (это Владлен ему нарисовал). Под футболкой вычерчивается впалая грудная клетка. Худые руки свисают как плети. Запястья — одна кость, а кисти широкие, пальцы длинные. Часы старинные на толстом кожаном ремешке. А сам словно истощен и изнурен, но, как человек в последней степени утомления, расслаблен и весел.

Мы сели в автобус. Сошли у "Юбилейного". В начале Большого зашли в подворотню. В глубине двора было парадное, у которого парень, который был все время серьезный, сказал, что это и есть "гнездо". Поднялись на шестой этаж. Открыла девица в роскошном халате. Фигура — полный порядок. Волосы цвета спелой пшеницы, стрижка "гаврош". К корням волосы здорово темнеют — видно, крашенные. Лицо русское, здоровое. Глаза, как незабудки: веселые, с виду небрежные к окружающим, а на самом деле она все секет. Она сказала, что думала, мы уже не придем. Владлен нас познакомил. Лариса небрежно на меня посмотрела.

Квартира была трехкомнатная. Комнаты огромные, и мебель в них — тоже. В одной две стены до самого потолка занимали полки с книгами. Стояло старинное бюро и кресло такого же стиля. В углу рояль, а над круглым столом в центре с потолка свисала бронзовая люстра. Во второй комнате стояли два шикарных дивана, трехстворчатый шкаф, трюмо и

очень красивый торшер с большим колпаком. В третьей комнате жила Лариса. У нее стоял японский стереомагнитофон, а стены были завешаны фотографиями.

Володя потащил одну бабу на кухню. Он говорил, что она обязана приготовить жратву, что это ее профессиональный долг, а Симма смеялась и отказывалась, но потом он ее уговорил. Серьезный парень, которого звали Костей, включил магнитофон. У Кости даже прическа была серьезная, а похож он был на ковбоя из американского боевика. Телом сухой, как вобла. Узкий, и плечи на одной линии с бедрами. На нем были попсовые фиолетовые джинсы. Рубашка лимонного цвета, приталенная. На шее кумачовый шарфик в большие черные горошины. На правой руке серебряный перстень. В него вправлен прозрачный, как стекло, камень, под которым нарисовано женское лицо с ползающими по нему муравьями. Это тоже работа Владлена.

Костина баба — Виктория, сказала, что у нее болит голова от этой музыки. Ну и дура! Володя закричал из кухни, чтобы она переложила вату в уши, а не мешала вкушать современные ритмы. Она вообще — противная баба! Лицо, как смывтое дождем объявление: оно все выцветшее, только губы, покрашенные алой помадой, были как у вампира, напившегося крови. На ней были белые брюки такой ширины, каждая штанина которых, если ее зашить с одного конца, могла служить Виктории спальным мешком или саваном. На левой брючине вышита роза. На теле тельняшка, поверх кото-

рой джинсовая куртка. Помесь пирата с ковбоем, а на ногах – босоножки на платформе.

Я спросил Владлена, где его жена? Он сказал, чтобы я лучше поинтересовался, где хозяйка дома. Я пошел искать Ларису. Она курила, облокотившись на роуля и вглядываясь через очередное облако дыма в его полировку. Я спросил, чего она ушла. Лариса сказала, что не выносит Тамару, с которой пришел Владлен. И вообще, женился – ходи с женой!

Володя позвал всех к столу. Сима сделала салат и пельмени. Мы поели. Владлен говорил непонятные мне тосты, а мы пили. Сейчас он вел себя развязно: все время лапал Тамару и лез к ней лизаться. Она была баба ничего. Лицо загорелое. Волосы до груди, черные и вьющиеся. Глаза узкие, скулы широкие, губы пухлые. Ноздри четко раздувала. Казалось, что она только что выловлена из дикого племени и силой наряжена в замшевые брюки, белую гипюровую блузку, а на ноги ей надели совсем непривычные ступне дикарки спортивные тапочки. От нее веяло свежестью. Ей бы танцевать танец с саблями.

Володя с Симой пошли танцевать. За столом Сима все время молчала. На ней было платье цвета весенней травы в черную полоску, и она походила в нем на гусеницу, потому что все время словно хотела свернуться и вела себя так, будто боялась, что с нее сейчас свалится вся одежда и все на нее будут глазеть. Она была темная и измятая. Стрижка короткая, но только подчеркивающая, что Сима старше всех друзей. На лице меньше косметики, чем у остальных. Она все время

снямала Володину руку со своего зада и недовольно на него смотрела, а Володя говорил, что она напрасно это делает – ведь он считается лучшим массажистом глубоких морщин.

Владлен о чем-то спорил с Костей. Он говорил ему очень интересные вещи, которые не везде услышишь, а Костя отвечал то, что я уже давно слышал, к чему привык и что мне надоело. Я хотел это сказать Косте, но он закрыл мне рот рукой, назвав "мальчоночкой", и посоветовал выпить "сельтерской". Я не обиделся на него, потому что он был гораздо старше, как и все ребята, потом ведь я попал в их компанию случайно, задарма ем и пью – чего ж выступать? Я закурил и стал смотреть на Костю: у него был благородный профиль, но я уверен, что он сам не прочь поживиться, а говорил он глупости.

Володя с Симой перестали танцевать и вышли. Виктория вышла за ними. Вернулась и сказала, что они в спальне и уже "того". Владлен сказал, что она сегодня нетерпелива. Он назвал ее "ципой" и пригласил танцевать. А я пригласил Тамару.

Мы выпили уже половину бутылки. Девушки – портвейн, а мы – водку. Я был счастлив, что попал в такую компанию. Хотел поцеловать Тамару, но кто-то ущипнул меня за задницу. Это был Владлен. Он сказал, что не хотел бы конфликтовать с такой "деткой", как я. Я хотел ему что-нибудь ответить, но тут резко вошел Володя и закричал, что больше не подойдет к Симе на пушечный выстрел и что ему нужна "тачка". Хлопнула входная дверь. Это ушла Сима. Володя стал вызывать такси.

Тамара сказала мне, что не любит Володю за его образ жизни. Он не работает: играет по ночам в карты на деньги и тем живет. Умный парень, а целый день торчит в "Сайтоне". Как ни зайдешь в кафетерий — он там. И всегда лезет со всякими гадкими разговорами.

Володя слышал Тамару и сказал, что теперь он прижился в "Ольстере", а ей советует не "испражняться" его биографией так небрежно. Тут зазвонил телефон, и Володе сообщили, что "тачка" едет. Он ушел, сделав нам на прощание двумя руками "общий привет".

Владлен с Ларисой вышли из комнаты. А мы взялись за руки и понеслись по кругу по комнате. Потом, закружившись, упали. Я упал на Тамару и быстро поцеловал ее в губы. Костя с Викторией во время падения закатились под стол, но оттуда, видно, еще долго не собирались вылезать.

Вошел Владлен, назвал Тамару "мамой" и сказал, что пора плыть. Они ушли. Лариса сказала Косте и Викторине, что они могут идти в спальню. Они, взявшись за руки, ушли. Лариса стала скромнее, когда мы остались одни. Я пригласил ее танцевать. Танцевали спокойно. Я поцеловал ее в щеку. Она прижалась ко мне. Кроме ощущения того, что я пьян, я чувствовал, что какая-то сила сейчас сомнет меня в комок и бросит к ней в ноги, чтобы потом распрямить уже другим человеком. И я встал на колени и целовал ее руки. От нее очень приятно пахло. Я поднял ее на руки и отнес на диван. С ее ног упали на пол тапочки изумрудного цвета, шитые золотыми нитками, с помпончиками из красного меха.

Когда мы легли, я раздел ее. Она все время повторяла мое имя. Я замирал и ждал — она что-нибудь скажет, но Лариса только склоняла голову на мое плечо. Я целовал ее и понимал, что меня уже захватывает новое чувство. И когда она хотела помешать, то я властно прошипел: "Лежи..." И она подчинилась.

Девятнадцатое июля.

XVI.

Из дневника Гали.

Мама предлагала мне поехать до конца лета к бабке, а я не согласилась. Конечно, надежды никакой, но я все равно жду. Почти не выхожу из дома. Целыми днями слушаю музыку. Мама сдержала обещание и подарила мне магнитофон. Сашка притащил разных кассет с самой попсовой музыкой.

Я очень люблю музыку. Но не однообразную и дикую, а более человеческую, не такую злую, какую любят ребята. Когда слушаю, то часто даже дрожь берет. И будто музыка мне что-то рассказывает и отвечает на мои мысли. Не могу пересказать словами, но сердце понимает, и иногда мне чудится, будто музыка говорит, что у Миши есть девчонка красивей и умней меня и он сейчас с ней и целует ее, а меня не любит. А если мы с Мишей встретимся, то нас ожидают какие-то огромные события, и я чувствую, какие они громадные и важные. А чаще всего чудится, что там тоже кто-то тоскует, сидит и ждет любимого человека, а может быть, не встретится с ним никогда. И тут же всем телом чувствую стену между мной и Мишей, и чем

нежнее мое чувство, тем меньше ему надежды проникнуть через эту стену, и вижу себя с расстроенными глазами.

Двадцатое июля.

Из дневника Миши.

Вот и я стал мужчиной. Но, странно, кажется, что я уже давно все это проделывал и даже привычка была какая-то. А когда к чему привыкаешь, то это тебя уже не трогает. Вообще Лариска после этого стала для меня из двух половинок, как фильм: люди на экране, а звук из динамиков.

Двадцатое июля.

XVII.

Из дневника Гали.

Иногда мне кажется, что я ненавижу Мишку. Я злюсь на него и думаю, что никогда о нем не вспомню. Но потом вспоминаю и очень хочу, чтобы он хоть минутку побыл рядом, чтобы я могла просто внимательно посмотреть на него. И мне даже хочется поймать Мишку и запереть у себя, чтобы он не мог выйти. Тогда всю жизнь могла бы с ним быть.

Двадцать восьмое июля.

Из дневника Миши.

Не могу больше ходить к Лариске. Она понимает, что я ни капельки ее не люблю и нужна она мне как баба. А она говорит, что влюбилась в меня с первого раза. Раньше она любила Владлена, но он, хоть и талантливый художник, а человек плохой и женщин хочет иметь, как полную пригоршню ягод. А она гордая и не хотела его делить ни с кем. Я пришел как раз в тот момент, когда у них эти дела разваливались, и она его вызы-

вала тогда из комнаты, чтобы сказать, что не любит и не хочет видеть. Мне она сказала, что хоть я и дикарь, а она меня любит.

А я все время вспоминаю Гальку, даже представляю, что это она со мной, когда сплю с Лариской. Очень хочу увидеть Гальку. Как странно устроен человек. Вот я: в меня влюблена баба, которая в самом соку (ей двадцать два года), денег у нее завались и всегда хата. Ее предки сейчас в Венгрии на каком-то конгрессе. Отец — большой ученый, а мать не работает и всю жизнь следит за собой. Они ничего не жалеют для Лариски. Она закончила третий курс театрального института — будет играть в театре. Ну вот, а я рвусь к девке, у которой ни кола, ни двора (вообще-то площадь у нее есть), которая не читала ни Шекспира, ни Гете. Но ничего не могу с собой поделывать, а ведь даже не знаю, за что ее люблю. Передо мной часто возникают ее глаза — большие, шоколадные и обиженные, как у ребенка. Неужели мы больше никогда не увидимся?! Но как я к ней пойду? Ведь я изменил ей?! Да она, наверное, сейчас с этим кадром, как его — Сева?! Тоска!!!

Двадцать восьмое июля.

XVIII.

Из дневника Гали.

Он спал на диване одетый. Мой диван стоит у окна. Миша лежал головой к окну, и на его лице было солнце. Я подошла и села рядом. Его загоревшее лицо вспотело на солнце, оно было спокойно. Около носа было несколько прыщиков. Странно, но мне это совершенно не казалось противным, как у других ребят. Мне было интерес-

но, что он видит во сне? Наверное, зоопарк, куда он хотел меня повести.

Миша был сегодня ночью со мной. Он позвонил вчера вечером. Спросил, можно ли зайти? Конечно, да! У Мамы сейчас отпуск, и на две недели она уехала в санаторий. Но даже если бы она была дома, то я пустила бы Мишу.

Он был выпивши, но не сильно. И опять мы сидели с ним и он был похож на маленького мальчика, а потом стал серьезный, но серьезный, как ребенок. Он взял мою руку, поцеловал и стал говорить, что не может жить без меня, что понял, как я ему дорога, что у него нет никого, кроме меня. А я сказала, что не могу без него, и разревелась, как дура. Он целовал меня. Я хотела стать его, но он сказал, что лучше потом, и мы

проспали остаток ночи вместе просто так.

Миша хочет на мне жениться! Я сказала, что ничем не хочу стеснять его свободы. И не требую от него ничего. А если он полюбит кого-нибудь, то я ему ничего не скажу.

Двадцать шестое августа.

Из дневника Миши.

Вчера я не выдержал и позвонил Гальке. Она разрешила мне прийти. Я пришел, мялся, а потом сказал, что у меня нет никого на свете, кроме нее. Она плакала, говорила, что все время ждала меня. Я и сам чуть не разревелся.

Я очень хочу жениться на ней. Жалко, что нам только шестнадцать лет.

Двадцать шестое августа.

Страна строит демократическое правовое государство с многоукладной экономикой. В нем особенно важны вопросы прав человека. Читательскую аудиторию нашего журнала прежде всего интересуют проблемы социально-правовой защищенности молодого поколения. Многие здесь еще не сложились, процесс перемен идет далеко не гладко, порой – зигзагами. В этих условиях особенно полезно знать уже наработанное юриспруденцией, чтобы молодой человек в возрасте от 14 до 18 четко ориентировался в сложном и быстро меняющемся мире перестройки. Проще говоря: что сегодня можно и чего нельзя?

ЧТО МОЖНО И ЧЕГО НЕЛЬЗЯ?

Об этих и других
правовых проблемах беседуют
заместитель министра юстиции СССР
Михаил Павлович ВЫШИНСКИЙ
и публицист Игорь АЧИЛЬДИЕВ.

Фото Бориса ЗАДВИЛЯ

И.А. Еще вчера многие девушки и юноши связывали решение своих социальных и прочих проблем с принятием Закона о молодежи. Говорили, что он станет основополагающим актом о ее правах, в нем будет зафиксировано сразу все... Какие-то частности и мелочи можно будет дополнить позже. И тогда главные проблемы молодежи будут решены правовым образом. Как обстоит дело с Законом?

М.В. Пока никак. А точнее – Закона о молодежи принимать не намечается.

И.А. Почему? Что случилось?

М.В. Давайте вспомним: идея о принятии Закона о молодежи зародилась многие годы назад. Только на моей памяти разговоры о нем велись не раз и возникли они лет двадцать–двадцать пять назад. Мы тогда чутко следили за развитием событий во Франции, где студенты устроили настоящий бунт, за "культурной революцией" в Китае, где школьники и студенты вершили суд и расправу на площадях. Многие страны в те годы приняли специальные законы о молодежи, например, Германская Демократическая Республика. Мы настаивали на принятии такого же закона у нас в стране. И такая настойчивость понятна. Она оправдывалась массой накопившихся и нерешаемых десятилетиями молодежных проблем. Тут и преступность, и специфические права подростков, и общие права на труд, учебу, на участие в политической жизни, свободу мнений и убеждений. Проекты закона составлялись, обсуждались, отправлялись в директивные и правовые органы, где они благополучно и хоронились без особых

траурных церемоний. В те годы мы полагали, что такое отношение к Закону о молодежи – свидетельство недопонимания ее настоящих проблем. Мы обвиняли руководство в косности, консерватизме, невнимании к запросам и стремлениям молодых. Во многом так оно и было, и в то же время – факт, что во многих демократических странах мира нет специального закона о молодежи, в США, к примеру. И ничего... Видимо, его отсутствие свидетельствует не о ретроградности законодателя, а о каких-то существенных просчетах в самой идее такого Закона.

В самом деле, правовая защищенность несовершеннолетних остается неудовлетворительной. Очевидно, что действующее законодательство нуждается в изменении. Но каким путем?

Помните прекрасный и увлекательный роман Дудинцева "Белые одежды"? Там хорошо показано шарлатанство академика Лысенко, утверждавшего, что человек может не только взять у природы, но и навязать природе свои законы. Теперь мы хорошо знаем, сколько бед и несчастий это принесло биологии и генетике, развитию страны в целом. Законодателя справедливо сравнивают с естествоиспытателем, познающим законы природы и способствующим на их основе рождению новых форм жизни. От сосны рождается сосна, но никак не клен или пшеница. Такое получалось только у Лысенко. Изобретение химер никогда не приводило ни к чему хорошему. Основополагающие принципы правового упорядочения отношений людей, их организации и коллек-

тивов в обществе так же нерушимы, как законы природы.

Молодежь – часть общества, ее касаются все правовые проблемы, какую ни возьми. Система правового регулирования общественных отношений осуществляется по отраслевому признаку. И естественно, что определенный массив правовых норм каждой отрасли законодательства посвящен поколению, вступающему в гражданскую жизнь. Нельзя же в один закон запихнуть сразу все: какие условия следует соблюдать при допросе несовершеннолетних судом и следствием, с какого возраста разрешено им вступать в брак, какую уголовную ответственность они несут при совершении тех или иных преступлений, кем разрешено им работать и т.д. и т.п. Получится сплошная каша...

И не лучше ли, не насилуя природу правового регулирования, сосредоточить юридическую мысль на внесении новелл в трудовое, гражданское, природоохранительное, уголовное и иное законодательство, которые затрагивали бы реальные права молодежи и обеспечили бы ее юридическую защищенность? Скажем, обсуждается закон о статусе депутата – есть ли в нем норма о молодых депутатах, их особых правах и обязанностях? Обсуждается закон о печати – опять новелла: с каких лет молодой человек может организовывать свой орган печати? Рассматривается закон о земле – с каких лет подросток может стать самостоятельным арендатором, до какого возраста освобождается от налогов. Даже в законе о пенсиях есть широкое поле для норм

о правах молодежи, я уж не говорю о законах об аренде, предприятии, свободе совести, общественных объединениях...

Вот где требуется подлинная юридическая инициатива! Даже не проекты каких-то актов или норм – хотя бы перечень требований к будущему закону. Юристы облачили бы их в соответствующую форму.

Вот почему я настаивал и до сих пор говорю: единый Закон о молодежи – это химера. Инициаторы принятия такого закона к подобным мнениям наконец-то вроде бы прислушались. Верховным Советом СССР в первом чтении недавно рассмотрен проект закона об общих началах государственной молодежной политики в СССР. И такой подход мне представляется более продуктивным: государство должно иметь свою молодежную политику. Все мы обязаны думать о правах и обязанностях молодого поколения, гарантиях этих прав. Только такой подход способен более результативно осуществить социально-правовую защиту молодежи, обеспеченную поддержкой общества, государства, его правоприменительных и правоохранительных органов.

И.А. А такой поддержки очень не хватает подросткам! Многие их попытки обрести самостоятельность и независимость разбиваются о каменную стену равнодушия. Трудно, почти невозможно снять комнату и жить отдельно от родителей. На Западе молодой человек или девушка, получающие минимальный заработок, стремятся стать самостоятельными, ведут домашнее хозяйство отдельно от роди-

тельского. Они смолоду приучаются ценить и зарабатывать копейку. У нас же устроиться на какую-нибудь работу подростку – целая проблема! И не потому, что не хватает рабочих мест, в стране требуются десятки, сотни тысяч почтальонов, строителей, станочников, механизаторов... Но подростков на эту работу, как правило, не берут. При этом выдвигаются десятки аргументов, в том числе – правовых.

М.В. За этим явлением стоит целый комплекс острейших юридических, экономических и даже физиологических проблем. Прежде всего скажу о том, что мы, юристы, и не только мы, не замечаем, как физически изменилось подрастающее поколение за последние десятилетия. Ученые пишут об акселератах, а законодатели все еще воображают подростка таким хилым недомерком, едва справляющимся с учебной нагрузкой. Действительно, поколение военного времени не отличалось высоким ростом и большой физической силой, многие молодые рабочие того времени не доставали до шпинделя токарного станка, им ставили специальную скамеечку под ноги. А теперь? Девушка четырнадцати-пятнадцати лет ростом повыше мамы. Юноша в том же возрасте не уступает в силе и росте отцу. А мы все думаем о них как о каких-то слабаках. Неверное это представление. И в законодательстве, думается, надо пересмотреть нормы, ограничивающие права подростков на выполнение многих трудовых функций и операций. Я начинал работать рядовым колхозником в глухой уральской деревушке – в тринадцать лет, трудовая книжка

у меня появилась значительно позже... Я и мои сверстники работали в поле по восемь, по десять часов – и ничего.

Закон, по-моему, обязан пересмотреть ограничения на использование труда подростков, разрешив им работать с 14 лет, особенно на предприятиях по обслуживанию (доставке газет и журналов, общепит, магазин, стройка). Но это лишь одна сторона дела – юридическая.

Посмотрим на проблему с другой стороны. Порой директор предприятия, председатель колхоза или кооператива сознательно не хочет принимать подростков на работу. Даже тогда, когда у него не хватает работников! Задумаемся, почему он это делает и как с ним бороться?

Для начала встанем на его точку зрения и попробуем вникнуть в его аргументы. В самом деле, выгодно ли руководителю брать юношу или девушку на работу? Не очень... У подростков немало особых прав и льгот: на отпуск длиной в 30 дней и исключительно в летнее время, на дополнительный отпуск в связи со сдачей экзаменов, на укороченный рабочий день, на уменьшенную норму выработки и т.д. Дисциплина молодых людей оставляет желать лучшего. Производительность труда у них, как правило, низка, а в списочный состав коллектива они включаются как полноправные его члены. Директор и главный инженер несут повышенную ответственность за соблюдение техники безопасности подростков, чуть что не так – тюрьма! Короче, как видите, руководителю нет никакого резона брать на работу молодого человека. Отсюда и соот-

ветствующее отношение...

Как бороться с этим? Во-первых, чисто юридическим путем. Отказ от принятия на работу может быть обжалован в суд. Это надо знать молодому человеку и при необходимости воспользоваться своим правом. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, надо пересмотреть само отношение законодателя к целому комплексу норм, регулирующих экономику предприятия. Сделать так, чтобы и директору, и коллективу было выгодно! — нанимать подростка. Чтобы он перестал быть "нежелательным элементом" на производстве. То есть экономические интересы подростков и производства должны совпадать, а не противоречить друг другу. Тогда не возникнет проблемы трудоустройства несовершеннолетних. Следует, думаю, и всячески способствовать созданию подлинно молодежных, даже подростковых кооперативов, которые должны пользоваться налоговыми и другими льготами.

И.А. Тем более, что поле для их деятельности сегодня просто необъятное. Недавно инициативная группа по созданию менеджерского лица встречалась в Московском институте управления с учеными, директорами школ, представителями прессы, на этой встрече разговор зашел о том, что неплохо бы молодежи взяться за создание кооперативов по доставке газет и журналов населению. Дело в том, что Минсвязь СССР решило с будущего года повысить расценки на доставку газет и журналов по подписке. Сделано это исходя из сложившейся конъюнктуры труда в отделениях связи. Но при этом совер-

шенно не принято во внимание, что значительную часть работы почтальонов могут взять на себя подростки. Во всем мире газеты и журналы подписчикам разносят школьники. Они уже с детского возраста зарабатывают себе на конфеты, кино, развлечения и удовольствия. У нас — табу!

Многое в жизни подростка определяет и отношение родителей к своим детям. Взрослые не хотят признать их полноправными людьми. Самые распространенные конфликты: не разрешают одеваться так, как хочет подросток, отнимают деньги, вскрывают письма, наказывают физически, унижают, вмешиваются в личные вкусы и привязанности, насильственным путем разрушая дружбу и любовь. Порою дело доходит до настоящих притеснений и издевательств, создающих дома атмосферу концлагеря или тюрьмы. К сожалению, школа, как правило, содействует такой жестокости, организуя ее, подстрекая родителей на суровость. А уж учитель делает все, что ему заблагорассудится! Он может позволить себе оскорбить ученика, а то и ударить его, отобрать записку, предназначенную отнюдь не для чужих глаз... Как бороться с этими притеснениями, хамством, беспардонностью?

М.В. В демократическом государстве не случайно так много внимания уделяется правам человека, в том числе и правам ребенка, подростка. Домашняя и школьная тирания — это, как правило, тирания мелочная, когда девушку или юношу преследуют по пустякам, но порою — злобно и депотически. В самом деле, подумаешь — заглянули в записку, под-

брошенную под парту, – пустяк. Или стукнули по затылку, когда болтал на уроке. Отобрали помаду или пудру – “какие нежности при нашей бедности...”. И что плохого, если заперли в комнате на целый выходной: пусть лучше читает книги, чем гоняет с “хулиганами” по дворам...

Все это как будто мелочи, недостойные внимания права. Между тем, собранные воедино, они обнаруживают чудовищное отношение к личности, умаление достоинства подростка, а это уже категория юридическая. Оно охраняется судом! Да, мы не привыкли, что юноша или девушка могут обратиться в суд за защитой этого своего важнейшего права. Но они могут быть уверены, что суд, прокуратура вступятся за них, за честь и достоинство подростков.

Мы не привыкли к подобного рода искам, потому что зачастую не соблюдали честь и достоинство взрослых людей, граждан страны, а порой и целых народов – где уж тут было думать о детях. Но времена переменялись. Тирания, в чем бы и где бы она ни проявлялась – в школе или дома, на предприятии или в школьном коллективе, среди самих ребят – всегда отвратительна, она калечит души, превращая свободных людей в моральных уродов.

С другой стороны, я уже говорил и отстаивал путь отраслевого регулирования прав и обязанностей подрастающего поколения. Думается, однако, что в отношении наших детей, которые должны действительно быть особо оберегаемым в нашей стране сословием, можно пойти и на принятие отдельного закона о

правах ребенка. Чтобы термин “ребенок” не шокировал наших акселератов, в скобках, так сказать, замечу, что под ребенком в юридическом смысле понимается лицо, не достигшее совершеннолетия. И вот этот закон превратит бы ребенка в самостоятельный объект специальной правовой охраны. Короче говоря, нужен закон о правах ребенка. В нем кроме общеправовых положений могли быть определены права ребенка в семье, в обществе, в государстве. Таким образом, нашли бы отражение самые уязвимые с правовой точки зрения моменты соприкосновения детей с жизнью.

Ведь в существовании прав ребенка никто не сомневается, но обобщенно, в законодательном плане они не зафиксированы. Даже Основы законодательства о браке и семье, республиканские семейные кодексы ограничиваются весьма неопределенным термином “интересы несовершеннолетних”.

И.А. Нравственные искажения – характерная примета нынешней социальной жизни. Речь не только о “высоких материях” – чести, достоинстве, совести, гордости... Кто сейчас вспомнит, к примеру, о законопослушании, когда человек сизмальства приучался блюсти закон? Ныне говорят о правовой ориентации, о просветительстве. Но, думается, дело не только в знании–незнании законов, а в чем-то большем... Быть может, я не прав, но мне всегда казалось, что должно быть еще уважение к закону, даже страх перед ним и наказанием.

М.В. Я полагаю, что закон должен поддерживаться многими средствами, в том числе именно

страхом. Более ста тысяч несовершеннолетних в прошлом году были подвергнуты административным взысканиям за пьянство, а количество детей, доставленных в органы милиции, приблизилось к 1 миллиону! А разве не тревожным является то, что уровень преступности 17-летних в 4 раза выше, чем среди тех, кому за 30? И кто осмелится утверждать, что причиной этого является лишь незнание закона, а не отсутствие нравственных тормозов? В том числе и такого ограничителя как страх.

Я понимаю, мне могут бросить упрек: страх – низменное чувство, он – средство подчинения человека человеку, тоталитарному государству. Но ведь это не всегда так. Человек боится нанести ущерб самому себе и не прыгает в кипяток, он отдергивает руку от пламени огня. Почему же человек не должен бояться переступить закон? Неужели его не должна пугать перспектива нанести ущерб достоинству своей личности или благополучию другого человека? Если он этого не боится, то я только скажу: страшен человек без благодетельного страха. Не парализующего, не унижающего страха, а очищающего страсть, заставляющего делать выбор между добром и злом. Человек, если он претендует на звание человека, должен страшиться делать зло себе и людям.

Нашему обществу неплохо было бы изменить свое отношение к такому страху. И еще – к совести, к тому образу другого, сидящего в нас, от которого нельзя спрятаться. Я совершил проступок, никто не может уличить меня в содеянном, и все же я чув-

ствую, что есть свидетель и обвинитель – наша совесть. Это, если хотите, тоже страх, но направленный на самого себя. Причем, я бы сказал, самый гневный вид страха.

В церковной вере и нашей тоталитарной идеологии он объективирован – соответственно – в идее бога и власти, которые устанавливают запреты и карают за их нарушение. Но прощение и милость бога или власти можно снискать молитвой, лестью, послушанием и т.п. В чистой морали разума сделка с совестью невозможна. С совестью можно иногда играть в прятки. Но никакие сделки с совестью, в конечном счете, невозможны. Рано или поздно она заставит держать ответ за зло, причиненное себе и другим.

Вот эти два "кита" – совесть и страх – основы законопослушания. Тот, кто перешагнул за черту страха и совести, легко идет в тюрьму, ему не больно за себя и не стыдно. Но с этого момента человек кончился! Потом ему очень трудно вернуться к страху и совести. Не потому ли так много рецидивистов?

Разумеется, отношение к совести и страху надо менять не только подросткам. Например, суды и право у нас потеряли меру в наказании, полагая, что наказывать надо жестче, чтобы запугать прочих. Вовсю действуют законы о смертной казни, в том числе за хищение государственной собственности. А чего мы добились такой политической устрашения? Держали в тюрьмах и лагерях столько людей, сколько вся Европа не держала, – и что же, исправили свой народ? До сих пор у нас до 60 процентов преступлений –

корыстные. Наше – не мое, а мое – не наше. Не случайно мы пришли к выводу, что надо не тюрьмы строить, а реорганизовать самую собственность. Сделать ее своей для каждого и тем уберечь ее не столько страхом перед тюрьмой и наказанием, сколько страхом перед причинением вреда себе.

И.А. Да, проблема не из простых. А тут еще проявление многоукладности экономики, новые виды собственности. Люди по-прежнему относятся к ней, как к ничьей. И понятно почему: мы воспитаны в небрежении к чужому, привыкли к всеобщей бесхозности. И не случайно права собственников и арендаторов нарушаются сплошь и рядом руководителями. Быть может, поэтому молодежь так неохотно идет в арендаторы?

Ей вообще свойственна сегодня какая-то инертность, пассивность – вы не находите? Я имею в виду даже не только юридическую, но и вообще гражданскую позицию. Меня это просто поражает! Во всем мире молодежь, подростки занимают в революционных процессах главенствующее положение. Вспомним студентов с площади Тяньаньмынь... А кто вышел на баррикады в Сеуле? Подростки... У нас в стране идет крутой революционный процесс, серьезнейшая ломка всех структур, но молодежь почти не участвует в перестроечных процессах, в политических делах. Ее не видно на митингах и площадях, на демонстрациях, в забастовках, в школьных протестах. Не могу понять, в чем тут дело. Не наступило еще их время, не пришла пора подлинно народных выступлений за перестройку, в

них втянуты узкие круги интеллигенции?.. Или дело в самой нынешней молодежи, ее нравственности и моральном духе?

М.В. Думаю, их перекормили "политикой" в предыдущие десятилетия. Точнее сказать, молодежь устала от псевдополитики и псевдоидеологии. "Дан приказ ему на Запад"... Лозунг был хорош в гражданскую войну. "Дан приказ" на целину и стройку – тоже неплохо, но за этим призывом особенно в годы застоя, скрывалась слишком много бесхозяйственности, экономических неудач и даже поражений.

Молодежь сегодня не может разобраться в фундаментальных условиях бытия: кто мы, что мы, откуда и куда идем?.. Многие связаны с обстоятельствами жизни, которых мы сейчас находимся. Комсомол, к сожалению, не сумел сформулировать альтернативы пустой говорильне и потребительству. Надо признать, что очень внимательно и чутко работает с молодежью церковь. Ей конечно, огромное спасибо. Школа? Воспитание сегодня идет как бы мимо школы и порой вопреки ей...

И.А. Не знаю, есть ли выход из "образовательного" тупика. О нем сегодня столько говорят, пишу, что кажется, вот-вот произойдет чудо и все перевернется. Но чудо не происходит...

М.В. Жизнь сама подсказывает некоторые новые формы воспитания и образования. Приглядитесь: по всей стране сейчас создается новый тип учебного заведения – лицей. И это ведь не просто смена вывесок на школьных зданиях... Суть перемен более глубокая, она затрагивает самую на-

правленность образования. Мы долгие десятилетия стремились к техническому и технологическому могуществу, к покорению природы. Главным для нас было и остается пока техническое образование. К тому же в силу присущего нам стремления не только впадать в крайности, но и неуклонно следовать им мы просмотрели общемировой поворот, как говорят, от "физиков" к "лирикам", к гуманитаризации образования. Возьмите юристов. По сравнению с предвоенными годами их удельный вес в составе высшего образования уменьшился в полтора раза. В США же прием в юридические вузы неизменно возрастал и достиг к настоящему времени 45–47 тысяч против 17 тысяч человек в нашей стране в прошлом году и 19 тысяч в 1988–89 году. Между тем общепризнано, что грядущий XXI век будет веком гуманитарных наук, ориентированных на выработку новых норм нравственности, на распространение гуманитарного знания, на формирование нового мышления и воспитание людей в духе планетарной общности. Без этого у человечества, да и у нас, просто нет будущего.

В этом контексте для юристов создание лицеев особенно важно. Воспитание высочайшего профессионализма и совестливой способности к истинному, справедливому и законному суждению – дело трудное, медленное, требующее психологической тонкости и учительского умения. И чтобы все это – сымальства! А пока в стране всего лишь 8 юридических техникумов. Чувствуете: дань времени в названии сугубо гуманитарных учебных заведений?

Думается, нам нужна разветвленная и полноценная система специальных юридических лицеев. После 8 лет средней школы молодой человек может пойти в юридический лицей и обучиться еще четыре года главным образом гуманитарным наукам и юриспруденции. Обретя основы правовых знаний, выпускники юридических лицеев станут базой для пополнения юридических вузов, начнут свою трудовую деятельность в судах; в иных сферах деятельности.

Стараемся создать широкую сеть лицеев уже в ближайшее время, ведь сегодня юрист – одна из самых "ходовых" специальностей. Да это и понятно: нельзя построить правовое государство без кадров действительно высокообразованных культурных правоведов. Они будут заняты во всех отраслях нашей многоукладной экономики, и в органах государственной власти. Особенно они нужны во всех отраслях нашей экономики и в сфере управления делами общества. Вы можете мне не поверить, но ведь это факт: если в развитых странах Запада 85–90 процентов юристов заняты в сферах хозяйствования и государственного управления и только 10–15 процентов в полиции, прокуратуре, следствии, адвокатуре, нотариате и судах, то у нас наоборот – свыше 80 процентов занято в так называемых правоохранительных органах и только остаток – в материальном производстве и государственном управлении. Объяснение простое: тоталитарному государству требовался свой состав юристов.

И.А. А как Вы, Михаил Павлович, пришли в юриспруденцию?

М.В. После окончания речного техникума я не смог поступить в Херсонскую мореходку – из-за зрения. Меня послали на Куйбышевскую ГЭС. В начале пятидесятых годов это была самая знаменитая стройка и, конечно же, "великая стройка коммунизма". Строгий отбор органами добровольцев! Как сквозь сито пропускался каждый кандидат. Я приехал в 1952-м, огляделся и понял: стройка коммунизма – стройка МВД. Там трудилось более 100 тысяч человек и основная часть работающих – заключенные. Иные расконвоированы, большинство – в лагерях, их только выводят на работы.

Меня поставили прорабом. Надо было уметь делать то, чему меня совсем не учили. А главное, я понять никак не мог: очень много приписок. Порядок был такой: если заключенные выполняют норму на 151 процент, то им засчитывается один день за три дня отбывания срока наказания. Ну, они, естественно, жали на прорабов: закрывай наряды так, чтобы в

них был 151 процент. Я не хотел "натягивать", старался быть честным.

И вот однажды бригадир уголовников подловил меня одного в конторе и начали издеваться. Но тут вошел бригадир "политиков", среди которых было очень много репрессированных коммунистов, военных, окруженцев "националистов", обвиненных, облыжно, порой даже без повода. Спасибо тому бригадиру – вступился... В общем, я скоро понял на собственном опыте, что такое справедливость. Наверное, жизнь на строительстве Куйбышевской ГЭС и дала толчок к выбору новой профессии. Вскоре меня забрали в комитет комсомола, и я поступил учиться в заочный юридический институт. Работал в комсомоле был партследователем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Занимался делами по реабилитации невинно осужденных и репрессированных без суда и следствия, на моей памяти – тысячи дел, судеб... Но это уже другой разговор!

От редакции. В интервью заместителя министра юстиции СССР М.П.ВЫШИНСКОГО затронуты некоторые острые проблемы прав подростков, их социальной защищенности. Иные проблемы лишь упомянуты. Редакция намерена продолжить начатый разговор о правовом положении подрастающего поколения в нашем обществе. Под рубрикой **ТЫ ДОЛЖЕН, ТЕБЕ ДОЛЖНЫ** мы будем публиковать статьи, очерки, заметки юристов, педагогов, журналистов, писателей, самих юношей и девушек. Приглашаем Вас, читатель, участвовать в этом обсуждении!

Василий АКСЕНОВ

МОЙ ДЕДУШКА – ПАМЯТНИК

Повесть об удивительных приключениях
ленинградского пионера Геннадия Стратофонтова,
который хорошо учился в школе
и не растерялся в трудных обстоятельствах

ГЛАВА IX,

*в которой впервые, как средство связи,
появляется ультразвук, вновь слышится пение кота
и музыка ночного Оук-порта*

Часовой с юго-западной сторожевой вышки острова Карбункл, осмотрев пролив и не заметив ничего подозрительного, опустил бинокль.

Широкая лунная дорога пересекала пролив. Маленькие волны беспорядочно плясали в лунной полосе, и в этом мелькании тени и света даже самый зоркий взгляд не заметил бы крохотной черной точки, головы одинокого пловца.

Геннадий Стратофонтов, мерно дыша, плыл вольным стилем в сторону Оук-порта. Движения его были точно рассчитаны на большой заплыв, а в голове царил сумятица: он все еще не мог прийти в себя от всего того, что ему довелось увидеть и услышать немногим более часа назад.

Весь вечер после ужина ему никак не удавалось остаться наедине с мадам Накамура-Бранчевской – полковник не отходил от нее ни на шаг. Геннадий был уверен, что полковник – участник заговора: больше того, он был уверен, что вилла Накамура-Бранчевской кишит его людьми. Как предупредить хозяйку об опасности, как рассказать ей о раз-

Окончание. Начало в № 5–6.

говоре в сенате, о странных телефонных переговорах в подземелии.

Около десяти часов вечера мадам и полковник куда-то исчезли. Доллис потащила Геннадия в спортзал играть в пинг-понг. Мальчик нервничал, играл плохо. Сославшись на усталость, он ушел в отведенную для него комнату.

Стеклянная дверь комнаты выходила на длинную крытую галерею. По галерее этой взад и вперед прогуливался дюжий слуга. В тишине слышимо постукивали кованые каблуки. Всякий раз, проходя мимо двери, слуга как бы ненароком заглядывал в комнату. Сомнений не было – в три часовой, и он приставлен к нему, к Геннадию.

Около часа мальчик лежал в темноте, притворяясь спящим, глядя на висящую на стене фехтовальную маску и скрещенные рапиры. Наверное, было действовать, надо узнать, что произошло в Оук-порте.

Дождавшись, когда шаги соглядатая удалились в конец галереи, Геннадий вскочил с кровати, сорвал со стены маску, положил ее на подушку и прикрыл простыней. Под одеяло он засунул два фехтовальных жилета, придавал им форму человеческого тела и нырнул под кровать. Слуга возвращался. Он заглянул в комнату и спокойно пошел дальше. Геннадий выскользнул за дверь.

Пробежав по мягкому ковру через весь коридор, он вошел в темную комнату, открыл окно. Во внутреннем дворе виплы было пусто. Только под аркой двое парней играли в кости.

Тяжелые ветки ливанского кедра были совсем рядом. Геннадий перелез на кедр... и в этот момент услышал нарастающий шум моторов. Парни под аркой вскочили, один из них отворил ворота. Через минуту во внутренний двор ворвались на полной скорости две машины: низкий двухместный "феррари" и затянутый брезентом "джип".

Из "феррари" вылез полковник Мизераблес, а с места водителя выскочила Накамура-Бранчевска. Она была в кожаной куртке и коротких брюках и напоминала в этот момент какое-то красивое, сильное животное с пружинистой, легкой поступью. Не оглядываясь, она вошла в дом. Полковник, посвистывая, двинулся вслед за ней. Он спотыкался. Из "джипа" вывалились Латтифудо, Мамис и еще какой-то неизвестный Геннадию тип в широкополой шляпе.

Два парня с автоматами вылезли вслед за ними и стали на страже как раз под деревом, на котором сидел Геннадий.

Прошла минута, не больше, и осветилось окно перед его носом. Он увидел богато обставленный кабинет, огромный письменный стол, обставленный телефонами и селекторами, круглый стол для заседаний, мягкие кресла, карты на стенах и большую модель парусного брига с медными буквами на корме: "Голубка".

"Так, кажется, назывался флагманский корабль мадам де Клиссон" – вспомнил Гена.

Над всем в кабинете доминировал огромный портрет баронессы. Она была очень похожа на Накамура-Бранчевскую, в левой руке держала подзорную трубу, в правой – четки.

Накамура-Бранчевска нервно ходила взад-вперед по кабинету, сжимая в руках длинные кожаные перчатки. Лицо ее было неузнаваемым – напряженное, мрачное, исполненное властной решительности.

Бастардо Мизераблес развалился в кресле и сразу наполнил стакан джином "Палата лордов". Меланхолически прошлепал и бухнул в кресло грузный Латтифудо. Голубоглазый утконосый мистер Кингсли Брейнвен Мамис со своей неизменной блуждающей улыбочкой проследовал в угол и скрылся из поля зрения Геннадия. Четвертый, странный тип с тяжелой нордической челюстью и раскосыми глазами, сел к столу, открыл папку и погрузился в какие-то бумаги. Воцарилось молчание, в котором слышны были только шаги Накамура-Бранчевской.

Внезапно мадам резко повернулась и своими длинными перчатками, словно плеткой, огрела по физиономии сначала кавалера Ордена Счастливой Попаты, а потом Латтифудо.

"Так им, гадам!" – чуть не воскликнул Геннадий. Надежно скрытый хвост кедр, он притаился возле полуоткрытого окна, готовясь в любую минуту прийти на помощь своей любезной хозяйке.

– Это за что же, дорогая? – спросил полковник, потирая обожженную ударом щеку.

– Тебе за кретиническую идею с пушкой, – криво улыбаясь, проговорила дама. – А тебе, Латтифудо, ничтожество, проспиртованное чучело, за общую тупость, за всю твою бездарную возню с этим маленьким англичанином-аристократом. Мальчик сразу догадался, что ты связан с делом "Ван-Дейка". Вот что значит голубая кровь! Мне едва удалось его разубедить. Сотню плетей ты заслуживаешь, кретин.

Латтифудо беспомощно моргал белесыми ресницами.

– Впрочем, тебе уже ничто не поможет, – махнула на него рукой мадам. Она повернулась, и Геннадий увидел дрожащие от ярости пунцовые губы и горящие глаза. – Видите, Мамис, с кем приходится работать? – крикнула она в угол. Оттуда послышался смешок. – С такими, как вы, нетрудно провалить все дело! – почти мужским голосом заорала мадам на полковника и Латтифудо. – Ваши плоскостопные кроты только и думают, как бы ограбить винную лавку да побегать за девчонками!

Она села в кресло, опорожнила стакан джину, закурила сигарету и задумалась. Несколько минут прошло в молчании.

– Все-таки ты зря так, дорогая, – пробормотал полковник. – Русские-то все же убралась, наша взяла...

– Молчи! – прикрикнула на него Накамура-Бранчевска. – Нужно собирать команду в Европе. Человек сто, я думаю, будет достаточно.

– Сто пятьдесят, – послышалось из угла.

– Отвечаете за свои слова, Мамис? – спросила дама. – Ребята из Европы нынче стоят недешево...

– Иес, мэм, отвечаю.

Мадам в первый раз удовлетворенно улыбнулась.

– Итак, внимание, – хлопнула она ладонью по столу. – Немедленно наладьте связь с Эр Би. Пусть начинает набор. В Европу полетите вы,

Джерри Чанг. – Нордический китаец молча кивнул. – В городе сохр
нять прежнее положение. "Голубой кит" проследит движение "Але
Поповича". Ясно? Выметайтесь!

Полковник быстро выхлебал свой джин и поднялся. За ним выш
Латтифудо и Джерри Чанг. Когда за ними закрылась дверь, Мам
вышел из своего угла и остановился возле карты архипелага.

– Я должен вам, мадам, сообщить окончательное решение мое
правительства. – Палец его полез вверх по загогулине эмпирейск
запятой. – Полигоны будут устроены на атоллах Фухс и Фее. Там на
ракетчики будут чувствовать себя вполне уютно. Одну из гаван
Оук-порта вы отдаете под ремонтную базу для флота. На Карбунк
будет аэродром. Возражений у вас нет?

– Ну, а что касается моих дел, – сказала Накамура-Бранчевска
Сомнения в моем происхождении и наследственном праве, надею
отпали?

Мамис некоторое время, осклабившись, исподлобья смотрел на
му, потом проговорил:

– Все ваши условия приняты, ваше величество.

Накамура-Бранчевска встала и подошла к карте.

– Это касается и "Анаконды"? – спросила она.

– Мадам, после перехвата "Ван-Дейка" от "Анаконды" осталась од
шура, – усмехнулся Мамис.

– "Анаконда" устроила фабрику по производству нашего товара
островах Кьюри, – резко сказала Накамура-Бранчевска. – Мы не
мерены этого терпеть.

Мамис почесал затылок.

– Американцы могут разозлиться, мадам. Кьюри – это их подопеч
территория.

– Вот об этом я и хотела с вами поговорить, – улыбнулась На
мура-Бранчевска.

Она вдруг совершенно успокоилась и из разъяренной фурии вни
превратилась в обаятельную даму.

– Хорошо, – решительно сказал Мамис. – Мы возьмем это на се

– Ну и прекрасно. – Накамура-Бранчевска вновь улыбнулась. –
знаете, Мамис, мне кажется, что мы что-то упустили в деле с эт
русским научным кораблем. Можно было бы что-нибудь придум
похлеще... Впрочем, может быть, сейчас еще и не время... Прилетит
Би, и мы решим вместе... Эр Би настоящий мужчина, не то что э
тюфяк Фук... Трудно представить себе, что они слеплены из одн
куска теста.

– А во мне вы еще не разочаровались, мадам? – вежливо спрос
Мамис.

– Пока нет, – засмеялась легко и звонко Накамура-Бранчевска.

Они вышли из кабинета. Свет погас.

Лунные капли слетали с ладоней плывущего Геннадия.

...Сколько он ни рыскал по берегу, ему не удалось найти никак
челнока. Причал виллы усиленно охранялся. Впрочем, может быть,

и лучше. Лодку наверняка увидели бы с высокого берега Карбункла, а вплавь он доберется незамеченным. Если только доберется.

— Так вот кто ты такая! Женщина-чудовище, главарь огромной банды, пиратка, авантюристка! Какие дьявольские планы ты вынашиваешь в своей красивой головке! Какую судьбу ты уготовила этим мирным людем, наивным легоперам! Только бы мне добраться до берега! Только бы мне добраться! Может быть, удастся найти того толстяка сенатора, что возражал Мизераблесу, или самого президента Джечина? Только бы добраться!

Уже несколько раз Геннадию казалось, что мышцы правой ноги на грани судороги. Усилием воли он отогнал страх и плыл вперед. И только проплыв треть расстояния, он вдруг с отчетливой ясностью понял, что переоценил свои силы. Никогда ему не пересечь этот проклятый пролив. Повернуть обратно! Нет, ни за что! Вперед! Вперед — куда? Там, впереди, — конец! Что это мелькает под луной? Плавник акулы? Правая нога одеревенела в согнутом положении. Дыхание сбилось. Геннадий задохнулся, хлебнул воды, беспомощно забарахтался на одном месте. Прощайте! Мама, бабушка, папа, Наташа Вертопрахова, Валька Брюквин, улица Рубинштейна, Ленинград, "Алеша Попович", прощайте! Расплылись и потекли в бесконечность оранжевые круги.

— Спасите! — не помня себя, закричал по-русски мальчик.

— Держись — услышал он совсем рядом странный спокойный голос.

Сильное большое тело вытопкнуло мальчика на поверхность. Глотнув воздуха, он открыл глаза и увидел рядом глубоко сидящий глаз, крутой лоб и лукавый рот дельфина.

— Держись за плавник, малый, — сказал дельфин, — не дрейфь. Все будет тип-топ. Мы еще дадим огоньку!

Он говорил на странной смеси русского и американского слэнча, и звук его голоса был странен, и сам он был невероятен.

Схватившись за спинной плавник, Гена лег на спину дельфина и обхватил ногами веретенообразное тело.

— Сейчас я тебя в темпе доставлю куда надо, — сказал дельфин. — В Оук-порт, что ли?

С ходу он развил сумасшедшую скорость, которая и не снилась самым современным торпедным катерам. Вода вокруг забурлила, зашвистел ветер.

— Кто вы такой? — крикнул Геннадий, оправившись от изумления.

— Я дезертир, — ответил его спаситель. — Дезертир из армии Соединенных Штатов Америки. — Он помолчал и добавил: — Чаби Чаккерс, сэр. Бывший мастер — сержант Чаби Чаккерс, учетный номер 007895671138...

— Это невероятно, — прошептал мальчик.

— Чего невероятного? — сказал дельфин. — Зеленый я был, молодой, записался добровольцем. Условия хорошие, рыбы — ешь не хочу, поцотни долларов в неделю жалованья. Научился по-человечески спикать. А потом разные подонки стали учить наше подразделение всяким мерзким штучкам — корабли взрывать, мины ставить... Чаби, сказал я себе, тут дело нечисто. Не хочу людям лакомости делать, и вообще я

против войны. Сманил с собой двух дружков и драпанули. Теперь, его поймают, пожизненная каторга. Только шиш поймают...

– Вы говорите по-английски и по-русски, Чаби?

– Сейчас немного зафоргетил, но вообще-то в частях специального назначения еще и не тому научишься, – фыркнул дельфин. – А русский? Небось с "Алеши Поповича"?

– Меня зовут Геннадий.

– Очень приятно познакомиться.

– Чаби, вы не знаете, из-за чего "Попович" покинул Оук-порт?

– Наверное, из-за шума. Шум там был с утра страшный. Ненавижу шум. Сыт по горло этим шумом.

С этими словами Чаби обогнул волнорез и на малой скорости скользил по темной воде Оук-портовской бухты. Он доставил Геннадия прямо к гранитным ступенькам лестницы, идущей в воду, и сказал прощание:

– В случае чего, крикни "Чаби", и я подгребу мигом. Я тут месяца три застрял, не меньше. Жениться собираюсь.

– А как вас зовут по-дельфиньи, Чаби? – поинтересовался Геннадий. Любезность моего героя, дорогой читатель, не знала границ.

– Все равно не услышишь, – усмехнулся дельфин и пояснил: – У тебя трезвук. – Он открыл рот, и все же до Геннадия откуда-то издалека, будто из космоса, донеслось что-то вроде: – Оооооииииизээээу...

– Оооооииииизээээу? – переспросил мальчик.

– Ну, ты даешь, Гена! Услышал! Теперь мы с тобой дружки. Пока. Он вильнул хвостом и ушел в глубину.

Геннадий поднялся по ступенькам за чугунным львом с кольцом ласти.

Освещенная луной площадь была пуста, только в центре ее выдвинулась позеленевшая бронзовая фигура в треуголке. Поблескивали в лунной немые окна старинных домов, двери амбаров и магазинов были закрыты. Геннадий быстрым, но спокойным шагом пересек площадь и скрылся в тени длинной колоннады. Здесь он снял рубашку и вынул ее. Он взялся было уже за штаны, когда услышал звон гитары и молодые голоса. На площадь из таинственного мрака боковой улочки вышли три парня и две девушки. Красивые, ладные фигуры, ленивый походка – типичные эмпирейцы, беспечные, как птицы.

"Почему бы мне не пойти прямо к ним и не спросить, где резиденция президента Джечкина? – подумал Геннадий. – Этих людей нечего бояться..."

*Под сосной Монтезумы
Танцевали две пумы,
Танцевали, сплетаясь,
Танцевали две пумы
Под сосной Монтезумы
И танцуют сейчас... –*

– напевал гитарист.

– Эй, прекратить пение! – послышался грубый голос, и на площадь вышли четверо квадратных парнюг с карабинами.

– С каких это пор в Оук-порту нельзя петь? – крикнул гитарист.

– Марш по домам! – рявкнул квадратный.

– Катитесь, кроты, в свои ямы! – захохотали эмпирейцы.

Геннадий пробежал под колонной и нырнул в узкую улочку, из которой только что вышли "кроты". Некоторое время он еще слышал шум перебранки, потом все затихло.

Больше часу Геннадий наугад петлял по извилистым улочкам, поднимался по мраморным лестницам, прятался за скульптурами. Иногда он видел костры, возле которых сутулились мрачные типы. Замечал на стенах желтые листочки со зловещими угрозами.

И несмотря на тревожное опасное положение, Геннадий с его отзвучивой и впечатлительной натурой не мог не поддаваться очарованию ночного Оук-порта. Таинственная игра его теней на мраморных плитах и барельефах, на витражах и мозаиках, сверкающие под луной бритвенно-острые коньки крыш, движение и тихая разноголосица его листья, все звуки ночи, то глухие, то неожиданно звонкие, надолго, может быть, на всю жизнь, пленили мальчика.

На одном из старых домов, возле подъезда со скрипящей на слабых петлях, разболтанной дверью, Геннадий вдруг увидел мемориальную доску с полустертым золотым тиснением: "В этом доме часто останавливались русский писатель Александр Грин (по пути из Зурбагана в Гель-Гью), английский писатель Джонатан Свифт (из Лилипутии в Лалу), французский писатель Жюль Верн (из пушки на Луну)".

Едва он успел прочесть эту поразившую его надпись, как дверь резко распахнулась, и на пороге дома появился высокий худой незнакомец в старомодной крылатке песочного цвета и в широкополой шляпе.

– Вы ищете друзей? – спросил незнакомец Геннадия, как бы не разжимая губ и мягко улыбаясь глазами.

Мальчик молча кивнул.

– Пойдемте со мной, – сказал незнакомец и двинулся вдоль витой чугунной решетки, за которой тренькал фонтанчик.

Шаги незнакомца были легки, трость мерно постукивала по мостовой. У него был вид спокойного, чуть грустного, но и не лишнего юмора человека, который никогда никуда не спешит, но никогда никуда не опаздывает. Клетчатый портплед в левой руке не тяготил его, и одежда была удобна, ловка, хоть и небогата.

Возле круглой афишной тумбы он остановился. Бриз, вылетевший из-за угла, взметнул его длинные седые волосы.

– Поворачивайте за угол. Сюда! – Он показал палкой. – Пройдите спокойно и не таясь три дома. Там вас встретят.

– А вы? – тихо спросил Геннадий. Ему почему-то очень не хотелось расставаться с этим любезным незнакомцем.

– К сожалению, дружище, у меня свои дела, – улыбнулся тот, показав длинные зубы, приподнял шляпу и пошел по крутой улочке вниз, к морю, в прозрачную, словно пронизанную серебряной сетью темноту.

Рисунки Владимира ЛЕВИНСОНА

Геннадий смотрел ему вслед, пока он не исчез.

– Кто же это был и на каком языке мы говорили? – подумал мальчик.
– На русском, английском, эмпирейском?.. Может быть, вообще мы не сказали ни слова?”

Он повернул на улочку, косо разделенную луной на темную и светлую части. Чувствуя полное доверие к незнакомцу, он пошел не тая по освещенной стороне и вдруг – о, чудо! – увидел важно шествующего ему навстречу Пушу Шуткина.

– Шуткин, это вы? Не верю своим глазам! – вскричал Геннадий, не сдержав радостного смеха.

– Геннадий, здравствуйте, дружок, – покровительственно приветствовал его Пуша Шуткин. – Сейчас нам не до смеху. Я рад, что смелый мой прыжок закончился успехом...

Он вспрыгнул на подоконник дома и, взявшись правой передней лапой за стену, запел, выразительно жестикулируя левой.

*Да, ради вас пришлось коту
Морской закон нарушить,
Друзей оставить на борту
И спрятаться на суше.
И вот, представьте, дорогой,
С той ночи малохольной
Ваш друг, как верный часовой,
Сидел на колокольне...
Мой зоркий глаз вас разглядел,
А нос учуял запах,
И с колокольни я слетел
На мощных своих лапах.
Я все узнал, во все проник,
Я не лишен смекалки,
И перед вами я возник,
Чтоб вывести вас к цели...*

– Что-то с рифмой у вас не в порядке в последней строфе, – сказал Шуткину Геннадий.

– Это от волнения, – пояснил кот. – В минуты волнения иногда сбиваюсь на прозу. Пойдемте!

Дальше последовал головокружительный рейд по заборам, водосточным и дымовым трубам, карнизам, скатам крыш, по мусорным бакам, деревьям и даже по флюгерам. Несмотря на невероятную скорость, Геннадий успел заметить, что все местные животные, включая ручных леопардов, немедленно прятались при виде несущегося по луной боевого кота с качающимся, как дым, хвостом.

Геннадий задышался, пот лил с него градом. Он не мог понять, как до сих пор не сорвался. Наконец Шуткин кубарем свалился со шпилей кафедрального собора и растянулся в маленьком водосточном желобке на высоте не менее тридцати метров. Геннадию ничего не оставалось, как последовать за ним.

– Приличное сальто-мортале. Надеюсь, мой друг, не устали? – с нескрываемым уважением обратился к нему Пуша.

– Н-нет... – пробормотал Геннадий, стараясь не глядеть вниз. – Но где мы, Шуткин?

– Тихо в пунной сей купели. Ну, а мы уже у цели, – сказал кот и от волнения снова перешел на прозу. – Сможете перепрыгнуть через эту улицу?

– Постараюсь, – проговорил Геннадий, с ужасом глядя вниз.

Несколько минут спустя по узкому карнизу они обогнули какой-то дом, перелезли через перила балкона, и Геннадий увидел перед собой обширную, ярко освещенную комнату, заполненную атлетически сложенными мужчинами.

Это была футбольная команда Республики Большие Эмпиреи и Карбункл, а также часть сенаторов и кабинет министров в полном составе. Поглощая фруктовые соки, массируя друг другу мышцы, разбирая тактические схемы, жуя и хохоча, вся эта компания вела общий разговор, в котором Геннадий, как ни силился, не смог разобрать ни одного слова.

– Какие вы все беззаботные и веселые, господа, – подумал мальчик. – Вы пьете фруктовые соки, массируете друг другу мышцы, разбираете тактические схемы, жуя и хохоча, и не подозреваете, что зловещий хищник уже простер свои крылья над вашими островами, что рядом с вами плетет свою сеть страшная женщина-паук, сияющая своей фальшивой красотой.

Однако мальчик ошибся. Эмпирейцы были не так уж беспечны. Через минуту из глубины комнаты раздался крик.

– Связь установлена! Капитан Рикошетников просит подойти к рации сенатора Нуфнуту Куче.

Не помня себя от радости, Геннадий толкнул балконную дверь и под удивленные возгласы легоперов побежал к рации.

– Это он! – возвел руки к небу сенатор. – Потомок нашего памятника!

ГЛАВА X,

в которой на земле и в воздухе режут моторы системы "ролл-ройс", звучат дифирамбы и клятвы в верности

Гигантский "Боинг-747" компании "ПАН-АМ", миновав воздушные пространства Южной Америки, Океании, Юго-Восточной Азии, Индии и Ближнего Востока, летел теперь над Европой. Командир экипажа Бенджамин Ф. Аллигейтер брился и смотрел вниз на проплывающие малые страны, на молочные реки и кисельные берега густо населенного континента. Б.Ф. Аллигейтеру не особенно нравилось это дрожащее желе неопределенного цвета, именуемое Европой.

Он больше любил красноватое свечение Сахары, темно-зеленый с коричневыми прожилками колер Индии, чередование белых и темных пятен разной глубины и резкости в Гималаях и Кордильерах. Больше же всего мистери Аллигейтеру был по душе простой, без всяких хитростей, синий цвет стратосферы, под которой он водил свое судно.

Вошла стюардесса гаваянка Омара.

– Как там дела, Омара? – спросил командир, хотя и так знал, что все в порядке, что пассажиры первого класса, надрывая животики, смотрят фильм "Живешь только дважды", а пассажиры второго класса скорее всего дрыхнут.

– Вас хочет видеть какой-то господин, – сказала Омара. – Он назывался Румпельштильцхеном.

– Пусть войдет, – сказал командир, ничем не выдав своего удивления. Что занесло сюда старого Румпеля? Не будет он по пустякам совершать межконтинентальные рейсы.

Вошел пожилой господинчик, похожий на какого-нибудь пугающего фабриканта из Гааги, инспектор могущественного Интерпола международной уголовной полиции.

Аллигейтер и Румпельштильцхен встречались не чаще одного раза в год, а знали друг друга давно: ведь браво летчик вот уже много лет считался одной из самых опытных ищек Интерпола.

– Привет, Бен.

– Привет, Румпель.

– Стареешь, Бен. Не заметил меня.

– Где ты сел?

– В Бангкоке, но наши ребята провожают тебя еще с Монтевидео. Руководство опасалось за твою копымагу, Бен.

– Даже так?

– Ты слышал о нападении на теплоход "Ван-Дейк"? Здесь в самолете типы из той же компании.

– Наркотики?

– Изолото. Главное, Бен, тут в том, что подпольная империя "Анаконда" ведет войну с какой-то другой мафией, еще более сильной и скрытой от нас. Мы знаем только, что и те и другие сейчас у тебя на борту, но не знаем, кто они, как выглядят, где они сели в самолет.

– Через час тридцать пять будет Лондон, – сказал Аллигейтер.

– Слава богу, – вздохнул Румпельштильцхен. – Надеюсь, теперь они уже не поднимут бучу. У наших судорога начинается от напряжения.

– Об "Анаконде" я кое-что слышал, – задумчиво проговорил командир, – но кто их враги?

– Они действуют очень широко. То в Гонконге, то в Лаосе, то в Австралии, то в Европе мы находим их следы, но следы всегда обрываются... Где-то у них есть тайная база. Но где? Кто их главарь?

– Может быть, мадам Вонг? – усмехнулся Аллигейтер, вспомнив полумифическую женщину-пиратку, о которой несколько лет назад кричали все газеты мира. Тайнственная китайка, лица которой не видел ни один смертный. Специалисты сошлись на том, что под этой романтической маской скрывалась просто группа гонконгских уголовников.

Румпельштильцхен отмахнулся от шутки:

– Мне лично кажется, что им покровительствует разведка какой-то мощной страны. Это мое личное мнение. Слушай, Бен, пройдишь-ка ты скорее по своей копымаге. Может быть, что-нибудь заметишь.

– Сейчас, добреюсь...

Пока электробритва очищала правую щеку капитана, миновали Австрию, Аллигейтер подтянул галстук, нацепил профессионально-приветливую улыбку и вышел в салон.

Так и есть: в первом классе пассажиры кисли от смеха. На экране Шон Коннори молотил бронзовой статуэткой по голове гиганта борца сумо. Кто из этих вылощенных богатеев может оказаться гангстером? Любой – и никто.

Командир прошел в салон второго класса. Больше сотни людей самых разных наций томились в креслах. Все уже устали от столь долгого полета. Спортсмены, туристы, монашки, бизнесмены средней руки, компания хиппи... Вот, пожалуй, один подозрительный тип – узкоглазый, с тяжелой нордической челюстью... Что-то почти неуловимое в облике сближает его с теми холоднокровными гадами, с которыми жизнь не раз сталкивала Б.Ф. Аллигейтера. Но рядом с ним сидит какой-то славный мальчишка, лобастый, ясноглазый крепыш, и они мирно беседуют. Вряд ли этот паренек из мафии...

Командир прошел через салон и остановился в багажном отделении. Туда же скользнул старший стюард Карриган, похожий на дрессированного павиана.

– Кажется, все в порядке, чиф? – сказал он, широко улыбаясь.

Командир заглянул в рыжие глаза своего старшего стюарда. Вот самая темная пичность на борту. Кто он: агент Интерпола, гангстер, человек ЦРУ, контрабандист? Черт бы побрал этот шпионский, шпионский, шпионский, тайный, порочный, блудливый мир! То ли дело простой голубой цвет стратосферы.

– Все в порядке, Карриган, – буркнул командир.

Между тем лобастый, ясноглазый крепыш (читатель, конечно, уже догадался, кто это!) обратился к своему спутнику:

– Я, пожалуй, сосну часок перед прилетом, мистер Чанг.

– Не возражаю, Джин, – ответил спутник и вдруг подмигнул обоими глазами, передернул неподвижную маску своего лица. – А сколько миллиончиков в сундуке у твоей бабки, Джинни-бой?

Эта странная судорожная ухмылка и шутка, которую Джерри Чанг повторил по меньшей мере раз пятьдесят за многочасовой полет, вконец опротивели Геннадию. Однако он вежливо в пятидесятый раз ответил:

– Я не посвящен в финансовые дела своей бабушки, мистер Чанг.

Он закрыл глаза и вновь, в который раз, перед ним закружились события последних дней, лунные пятна и солнечный блеск Больших Эмпиреев...

...В середине пролива Рикко Силла выключил мотор своей подки и сел за весла. Уже занимался рассвет. Геннадий волновался, но лучший легопер мира подмигивал ему ободряюще, а вид его мускулов и сахарно-белых зубов вселял уверенность.

Лодка уткнулась в гальку. Геннадий пожал руку гиганта, спрыгнул на берег острова Карбункл. Короткими перебежками пересекал он освещенные луной куски пляжа, прятался за валунами. Нависшая над

морем базальтовая стена Карбункла была уже близко, когда Геннадий вдруг услышал голос:

– Стой!

Перед ним в маленькой нише сидела, поджав под себя ноги в белых джинсах, Наташа Вертопрахова, то бишь Доллис Накамура-Бранчевска.

– Где ты был? – спросила она сурово.

– Там, – растерянно махнул рукой Геннадий, – в море...

– Ты был в Оук-порте, Джин, – сказала Доллис.

– Нет, нет, что ты! – забормотал Геннадий. – Просто мне не спалось, я спустился к морю... здесь какой-то рыбацк покатал меня...

– Джин, – голос девочки зазвенел от напряжения, – что ты скрываешь? Расскажи мне все! Я буду твоим другом!..

Геннадий посмотрел девочке прямо в глаза. В них дрожала неясная тревога. Она ничего не знает о подлинной сути своей матери. Было бы слишком жестоко сказать ей сразу обо всем.

– Доллис, ты веришь мне? – спросил он и взял ее за руку. – Ты знаешь, что я не замышляю ничего дурного?

– Да, – сказала она, уже готовая к принятию тайны.

– Тогда не спрашивай меня ни о чем. Тебе будет тяжело узнавать правду. Скоро ты все узнаешь, но я не хочу первым причинять тебе боль, Наташа...

– Как ты меня назвал? – округлила глаза девочка.

– Итак, сэръ, повторяю, – звенящим от восхищения голосом сказал старший стюард Карриган мистеру Джерри Чангу, представителю фирмы "Райские перья и благовония". – Повторяю, сэръ: спаржа, русская икра, салат ля паризьен, черепаховый суп, стейк по-техасски, фрукты. Замечательный вкус, сэръ! Виски "Кинг Джорд IV"? Гениально! Целую бутылку? Сверхгениально, сэръ! Поздравляю!

Вихляя задом, старший стюард удалился.

– Такой обильный заказ, мистер Чанг, – сказал Геннадий. – До Лондона ведь всего один час...

– Не отказываться же от бесплатной закуски, – ухмыльнулся Чанг.

– А выпивка в воздухе в два раза дешевле, чем на земле. Скажи-ка Джинни-бой, сколько миллиончиков в сундуке у твоей бабушки?

– Я не посвящен в финансовые дела моей бабушки, мистер Чанг, сквозь зубы проговорил Геннадий и снова закрыл глаза.

...Голос Рикошетникова в наушнике звучал ясно, как если бы он находился в соседней комнате.

– Все хорошо, что хорошо кончается, Гена. На борту расскажете обо всем подробно. Нуфнуту Куче на катере доставит вас сюда. Мы в пятидесяти милях, координаты известны. Почему вы молчите?

Набравшись мужества, Геннадий проговорил:

– Товарищ капитан, разрешите мне... остаться у Накамура-Бранчевской. Это очень важно, товарищ капитан...

– Что за глупости! – вдруг закричал Рикошетников. Это был первый случай, когда невозмутимый капитан повысил голос. – Что за бред у вас в голове? Я отвечаю за каждого члена экипажа, а за вас, Геннадий,

вдвойне. Вернее, втройне! Не забывайте, что вы еще только мальчик! Выполняйте приказание!

У Геннадия закружилась голова. Это испытание оказалось для него потруднее, чем бегство из башни и допрос в подземелье Карбункла. Возражать своему старшему другу и капитану?! Оспаривать его приказ?! Он посмотрел на столпившихся вокруг рации мускулистых людей, лица которых, возможно впервые за их жизнь, были скованы напряжением.

— Николай Ефимович, — он с трудом проглотил комок в горле. — Большим Эмпиреям и всему народу угрожает беда. Никто, кроме меня, не сможет проникнуть в центр страшного заговора. Я уверен, что вы на моем месте остались бы здесь, а я бы на вашем месте не возражал. Николай Ефимович, пионер не может поступить иначе... поймите меня...

Геннадий замолчал. В наушнике слышался только треск атмосферных разрядов. Капитан тоже молчал. Геннадий приободрился.

— Николай Ефимович, ведь я теперь не один, я связался с патриотами. Кроме того, каждую ночь вам будет сообщать обо мне некто по имени Чаби Чаккерс. Это вполне надежный... — Геннадий запнулся было, — вполне надежный человек. Мне ничего не угрожает. На Карбункле уверены, что я просто английский мальчишка с романтическими бреднями в голове...

— Ждите у рации. Мы посоветуемся, — сухо сказал капитан.

... — Ледис энд джентльменс аттеншен, плиз, — послышался нежный голос стюардессы. — Просим прекратить курение и пристегнуть ремни. Через пятнадцать минут наш самолет произведет посадку в лондонском аэропорту.

Представитель фирмы "Райские перья и благовония", не жуя, заглатывал огромные куски техасского бифштекса. Геннадий заглянул в потемневшее уже окно. Внизу до самого горизонта извивались, пересекаясь, линии оранжевых бестеневых фонарей. Самолет кружил вокруг Лондона, ожидая очереди на посадку.

Немыслимо дерзкая мысль лететь в Лондон вместе с Джерри Чангом пришла в голову Геннадию не сразу. Несколько дней он жил на вилле Накамура-Бранчевской, играл в теннис с Долпис, мило беседовал с хозяйкой, а ночью тайно спускался к проливу и условным ультразвуковым свистом вызывал верного Чаби. За эти дни он узнал многое, но главное открылось ему только в предпоследний день. Из разговора подвыпивших Мизераблеса и Латтифудо он понял, о каких "парнях из Европы" говорила мадам в ту памятную ночь. Это были не кто иные, как пресловутые "мерсенеры", белые наемники, "рыцари" Буронго, Фриманны, Джигалии, в джунглях которых наводили кровавый "порядок" эти сверхсолдаты, мастера войны, способные за "приличное вознаграждение" стрелять в любую сторону, куда прикажут. Именно они должны были сыграть последнюю часть страшного концерта под дирижерскую палочку женщины-чудовища. Именно из этих профессиональных убийц набирал в Лондоне команду неизвестный Геннадию Эр Би, "настоящий мужчина".

Посоветовавшись с сенатором Куче и патриотами, Гена решил попытаться проникнуть в эту команду для того, чтобы узнать их дьявольские планы.

– Мадам, – сказал он как-то Накамура-Бранчевской, – к сожалению я вынужден покинуть ваш дом. Могу ли я позвонить в Лондон, чтобы попросить у бабушки денег на билет?

– О, Джин! – всплеснула руками очаровательная дама. – Как вы можете говорить о деньгах? Мы с вами люди одного круга, мой мальчик. Нам ли не помогать друг другу? Как раз завтра вылетает в Зурбага а оттуда в Лондон служащий моей фирмы мистер Чанг. Вы сможете лететь с ним, я дам соответствующие указания. Ах, Джин, – Накамура-Бранчевска притронулась к его руке и вздохнула, – поверьте, мне не легко расставаться с вами, но я надеюсь скоро быть в Лондоне, может быть, леди Леконсфильд... – Голос дамы слегка дрогнул.

– Бабушка будет рада принять вас у себя, – сказал Геннадий. – Ой и ее брат...

– Сэр Лемюэль Кроссли-Датчмен? – округлила глаза Накамура-Бранчевска. – Тот самый, внучка которого, Сьюзер, в прошлом году порвала с Ирвингом Диблатоу, девятым бароном...

– Да-да, – небрежно подхватил Геннадий, – с тем самым Ирвингом по кличке "Памфи", который приходится кузеном баронессе Шапунь-Собакиной, той, что в сентябре прошлого года в родовом поместье Йелоу-Кэтс-Хаус объявила о помолвке с гонщиком графом Хендеркутта, братом и хорошим товарищем известного своими конюшнями виконта Бромурала де Кольденберга, отец которого, магараджа Аздарамг, этой весной купил остров Силли-Иллис у его матери княжны Патриции Уайт-Торадзе, корни которой, как вам, конечно, известны мадам, уходят к славному роду Паддингтон-Лазар-Савеловский...

– О да, о да... – еле слышно прошептала Накамура-Бранчевска. Со священным трепетом она смотрела на юного аристократа. На ее щеках пылал нервический румянец.

Геннадий давно уже заметил, что эта страшная женщина со стальными нервами и холодной кровью совершенно теряла голову перед аристократическими именами и титулами. Ей так хотелось войти в этот круг бездельников и хлыщей, что называется "хай-лайт" (высший свет). Не лишенный воображения, мальчик болтал что в голову придет о своих "светских" связях, и мадам в такие минуты смотрела на него, как кролик на удава...

"Как проникнуть в логово наемных солдат?" – думал Геннадий, идя по стеклянному коридору лондонского аэропорта рядом с мистером Чангом, движения которого отличались каким-то особым механическим свойством, придавая ему сходство с плохо отлаженным роботом.

В последнюю ночь на Больших Эмпиреях сенатор Куче, Рикко Силли и президент Джечкин дали мальчику множество советов, как вести себя в Лондоне, но все они были настолько наивны, что Геннадий, никогда раньше не бывавший в британской столице, но знавший о ней кое-что по литературе, прессе и телевидению, приказал себе немедленно

забыть. Правда, Рикко Силла раздобыл где-то толстенный путеводитель. Геннадий изучил его от корки до корки, и ему казалось, что он может с закрытыми глазами пройти от Паддингтонского, к примеру, вокзала до Белгрейв-сквер, где жила его "бабушка" педи Леконсфильд.

Сейчас он шагал в толпе пассажиров внешне спокойный, держа под мышкой портфель с эмпирейскими сувенирами. Читатель, конечно, уже заметил, что наш герой отличался исключительным самообладанием.

– Ну, Джин, где твоя золотая бабуля? – проскрипел мистер Чанг, буравя глазами толпу встречающих.

– Меня никто не встречает, мистер Чанг. Я решил не беспокоить бабушку телеграммами.

– Как же ты доберешься?

– Ну... – Геннадий искоса взглянул на Чанга и заметил, что "робот" тоже косит на него глазом-индикатором, – хотя бы на такси или... вы меня подвезете, мистер Чанг... Ведь вас встречают?

– Мальчик с вами? – спросил у Чанга полицейский чиновник, сидящий на высоком табурете у турникета, за которым начиналась территория Великобритании.

– Да, офицер. Мальчик со мной.

– Уелкам, сэ, проходите.

Чанг и Геннадий прошли через турникет. Чанг махнул кому-то рукой, осклабился с какой-то подобострастной наглостью. Геннадий повернулся и увидел не кого иного, как полковника Бастардо Мизераблеса ди Порк-и-Гусано. Да, это был несомненно он – бананообразный нос, гусеницы бровей, подбородок утюгом... Но что-то в нем изменилось – исчезла тупая мрачность из глаз, а со щек пропали синие алкогольные паучки. Мизераблес был подтянут, гладок, элегантен, на губах его блуждала улыбка, полная добродушно-коварного юмора, столь свойственного властным, сильным натурам.

– Полковник, каким образом вы смогли опередить нас? – воскликнул Геннадий.

– Мистер Стрейтфонд? – усмехнулся встречавший. – Очень рад. Мадам сообщила мне о вас. Должен вас огорчить, мистер Стрейтфонд: перед вами всего лишь брат блестящего полковника, зеркальная копия кавалера Ордена Счастливой Лопаты. Я лишь скромный коммерсант. Ричард Буги к вашим услугам.

– Ричард Буги?! – вскричал с неподдельным изумлением Геннадий. – Уж не потомок ли вы, сэ, знаменитого адмирала Рокера Буги?

В глазах Эр Би (теперь Геннадий понял, кто это такой) появилась заинтересованность.

– Приятно удивлен, мой мальчик, что вы хотя бы слышали это имя. Соотечественники редко ценят своих истинных героев. Слава часто достается дутым фигурам.

– Слышал это имя! – воскликнул с горячностью Геннадий. – Да ведь это мой кумир, сэ! Я преклоняюсь перед памятью адмирала Буги! Но почему ваш брат, сэ, носит другое имя?

Ричард Буги снисходительно усмехнулся.

– Фук всегда испытывал тягу к пышным титулам и именам...

– Разве может быть имя прекраснее имени Буги! – вскричал Геннадий. Он продолжал разыгрывать восторженность. – Да я бы отдал полжизни за это имя!

Тяжелая рука с перстнем опустилась на плечо мальчика, клавиатуры челюстей обнажилась в довольной улыбке, низкий голос прогудел:

– О'кей, бой!

Чанг занялся оформлением багажа, кованных сундуков с перьями райских птиц и благовониями, а Геннадий и Ричард Буги медленно направились к выходу из здания аэропорта. Геннадий не умолкал на минуту. Он видел, что Ричарду Буги чрезвычайно приятно вышивать дифирамбы в адрес своего предка. Если бы знал потомков кровавого пирата, что рядом с ним идет праправнук капитана Стратофонтова, пустившего на дно сумасшедшие мечты императора Рокера II!

Они вышли на площадь, заполненную сотнями разномастных автомобилей и автобусов. Огни реклам дрожали на лакированных крышах и стеклах машин. Гудки, крики, обрывки музыки, близкий шум мощных авиамоторов... Зарево Лондона освещало половину неба. Геннадию стало немного не по себе. Что может сделать здесь один, в незнакомом огромном городе?

Ричард Буги остановился возле огромного черного "роллс-ройса".

– Вот моя тележка, – сказал он с плохо скрытой гордостью.

– Отличная машина, сэр, – похвалил Геннадий. – Очень похожа на автомобиль моего двоюродного дедушки Лемюэля Кроссли-Датчмена.

– Верно, – подтвердил Буги. – С той лишь разницей, что я вожу сам. Мне нравится чувствовать свою власть над этой большой штукой.

– Понимаю, сэр, – кивнул Геннадий. – Что может быть приятнее для настоящего мужчины, чем чувство власти?

Буги захохотал.

– Эге, паренек, я вижу, ты не так прост!

Подождал Чанг и проскрипел:

– С багажом все в порядке, Дик.

После этого он вдруг перешел на карбункльское наречие эмпирийского языка. Геннадий, делая вид, что осматривает машину, насторожился.

– Слушай, Дик, ты знаешь, сколько миллиончиков в сундуке у бабушки этого щенка?

– Думаю, немало, – буркнул Буги. – А тебе-то какое дело?

– Есть идея, Дик. Давай-ка спрячем мальчишку в твоей берлоге, бабуле пошлем письмо от двух доброжелателей. Можно огрести по сотне тысяч.

Сердце Геннадия заколотилось.

– Браво, Чанг! Пробраться в берлогу Эр Би – это уже удача! Впрочем, бабушка может проговориться, что я русский... Страшный риск, но без риска..."

Ричард Буги печально вздохнул.

– Эх, Джерри Чанг... – Как ты был мелкой шпаной из Коулун-сити, так и остался. Ни размаха в тебе, ни воображения...

Он повернулся к Геннадию и приподнял шляпу.

– К сожалению, мистер Стрейтфонд, мы вынуждены сейчас с вами проститься. Вам нужно в центр города... Белгрейв-сквер, двенадцать, не так ли? А мы с этим механическим джентльменом, – он бесцеремонно ткнул Чанга пальцем в живот, – направимся в противоположную сторону по Хиллингдон-роуд. Прошу меня простить, Джин.

– Неужели мы больше никогда не увидимся, мистер Буги? Сэр! – воскликнул Геннадий. – Мне хотелось бы еще поговорить с вами о вашем славном предке. Может быть, вы дадите мне свой телефон или адрес?

– Обязательно увидимся. – Буги протянул руку. – Я позвоню вам сам. Геннадию ничего не оставалось, как направиться к стоянке такси. Возле стоянки он оглянулся. Буги и Чанг распорядились погрузкой в "роллс-ройс" кованых сундуков с перьями.

– Выезжай из ряда, – услышал он за спиной знакомый голос. – Главное не прозевать, когда они тронутся с места.

Он обернулся и увидел, что из ближайшего такси за Буги и Чангом напряженно следят суженные глаза старшего стюарда самолета "ПАН-АМ". Рядом с ним сидел еще какой-то мужчина, но лица его в темноте не было видно.

Огромный желто-красный автобус с надписью на боку "Польский бакон – лучший в мире" медленно выехал в коридорчик между стоянкой такси и машиной Буги. Геннадий мгновенно принял решение. Он юркнул за автобус, подбежал к "роллс-ройсу" и быстро проговорил:

– Мистер Буги, там против вас затевается что-то недоброе.

Словно испуганный хищник, Буги отпрыгнул в сторону и мгновенно сунул руку за пазуху.

– Что? Что ты говоришь?

– Там... трое в такси... хотят вас преследовать, – сказал Геннадий.

– "Анаконда!" – взвизгнул не смазанными шестеренками Чанг.

– Молчать! Быстро в машину! – скомандовал Буги.

Он бросился за руль. Чанг обежал "роллс-ройс" с другой стороны. Ни секунды не раздумывая, Геннадий открыл заднюю дверь и упал на пол автомобиля.

Со второго этажа, из кафе, смотрели на площадь командир корабля Аллигейтер и инспектор Интерпола Румпельштильцхен.

– Слава богу, все кончилось благополучно, – устало вздохнул инспектор.

– Ты доволен? – спросил летчик.

– Еще бы.

– Но ведь ты никого не поймал, Румпель.

– Хорошо, что они нас не поймали...

В темноте моргали стоп-сигналы выезжающих на автостраду машин. Геннадий не знал, видели ли Буги с Чангом, как он прыгнул в

”роллс-ройс”. Лежа на полу, он не слышал ни одного их слова: переднее сиденье было отделено от задних перегородкой из толстого стекла. Он почувствовал, что ”роллс-ройс” идет на сумасшедшей скорости, не меньше 150 километров в час. Следовательно, они едут в сторону от Лондона, по большому городу так не поедешь. Оторвались ли они от погони? Во всяком случае, дело принимало неплохой оборот. ”Я решил быть с вами до конца, мистер Буги, – скажет он. – Спина спине у мачты, сэр...”

Скорость вдруг резко упала. Машина сделала поворот и поехала по боковой дороге. Блики большой автострады перестали мелькать по стенкам. Машина остановилась, открылась передняя дверь, голос Буги прогудел:

– Слышал, Чанг? Они проскочили мимо. Сейчас мы смоемся, а потом рассчитаемся с ними на островах Кьюри...

Он захлопнул дверь, развернул машину и поехал назад к автостраде. Перед выездом был небольшой подъем. Буги включил вторую передачу, и вдруг машина дернулась, взревел мотор.

Почувствовав неладное, Геннадий поднял голову и увидел, что передний отсек ”роллс-ройса” наполнился голубоватым светящимся дымом, в котором, словно припадочные, бились Буги и Чанг. Судороги продолжались несколько мгновений, потом Буги и Чанг уронили головы. Геннадий увидел двух подбегающих мужчин в странных масках. В руках одного из них было короткое ружье с широким, будто бы стеклянным стволом. Второй распахнул дверку машины, нажал на тормоз, выключил зажигание. Светящийся газ мгновенно испарился. Нападавшие сняли маски, деловито приступили к обыску бесчувственных Буги и Чанга. Геннадий заметил, что широкоствольное ружье лежит рядом с машиной на асфальте. Он выскочил из машины, схватил ружье и, увидев изумленные физиономии старшего стюарда и его дружка, нажал спусковой щелчок; мелькнул узенький язычок огня. ”роллс-ройс” вновь наполнился голубым дымом. Геннадий бросился прочь и упал в кювет – носом в мокрую траву.

Когда потомок великого императора Рокера I очнулся, он увидел перед собой ясные, доброжелательные глаза Джина Стрейтфонда.

– Что произошло? – заплетаящимся языком пробормотал Буги.

– Все в порядке, сэр. Они связаны, – бодро ответил мальчик.

– Откуда ты взялся?

– Всегда с вами, сэр. До конца. Спина к спине у мачты.

Ричард Буги со стоном приподнялся, увидел связанных врагов икающего Чанга и расхохотался:

– Ей-ей, ты мне по душе, малый!

ГЛАВА XI,

*в которой слышится ”Песня авантюристки”
и звучат голоса умалишенных*

После соревнований в Кракове (Польша) в жизни Наташи Вертограховой произошло значительное событие: ее портрет в полный рост

и с обручем был напечатан на обложке журнала "Смена". Неизбежное следствие таких публикаций – поток писем. Наташа даже и не представляла, как велик в нашей стране интерес к художественной гимнастике, этому эстетическому виду спорта. Ей писали школьники всех возрастов, юные и зрелые спортсмены, просто любители прекрасного, курсанты суворовских и нахимовских училищ... Большую часть свободного времени Наташа посвящала теперь разбору писем и ответам на них.

Была уже довольно глубокая ночь, когда она приступила к двадцать седьмому за этот день ответу. Она писала пожилому пенсионеру из города Тишинска, книголюбу и рыболову.

"Уважаемый Олег Михайлович! Вы интересуетесь моей жизнью, учебой и успехами в спорте. Вы не пропускаете ни одного соревнования по художественной гимнастике. Большое вам за это спасибо!

Зазвонил телефон. Удивленная столь поздним звонком, Наташа сняла трубку и услышала усталый голос телефонистки:

– Вертопрахова? Поговорите с Лондоном.

Вслед за этим что-то щелкнуло, немного погудело, потом затараторило на ста языках сразу, а потом в тишине женский голос сказал:

– Мисс Вертопрахова? Джаст уан момент, плиз!

"Неужели уже до Лондона докатилось? – подумала с некоторым волнением Наташа. – Неужели и в Лондоне заинтересовались художественной гимнастикой?"

И вдруг она услышала невероятно знакомый, спокойный голос:

– Наташа, здравствуй. Это я, Гена.

– Кто? – закричала изумленная Наташа.

– Гена Стратофонтов. Я звонил нашим, но никто не ответил. Вероятно, все на даче. Тогда решил... к тебе...

– Откуда ты? Что за глупый розыгрыш? Тоже мне – Лондон, Лондон...

– Я действительно звоню из Лондона.

– Да ну тебя, Генка! Вечно ты что-нибудь выдумашь!

– Послушай, Наташа, – у Геннадия был такой серьезный голос, что Наташа сразу же забыла свое раздражение. – Слушай внимательно и передай все моей бабушке Марии Спиридоновне. Я сейчас в Лондоне, куда прилетел с Больших Эмпиреев, по очень важному делу. Скоро возвращаюсь на архипелаг. Пусть не волнуются. Подробности я сообщу письмом. Это все. Запомнила?

– Да, – тихо проговорила Наташа.

Она вдруг сквозь весь свой спортивно-популярный туман вспомнила, что Генаша розовым невским вечером что-то лепетал об архипелаге Большие Эмпирей, о каком-то судне, вообще какой-то вздор. Может быть, все это не такой уж и вздор? Сердце ее вдруг пронзила какая-то неясная тревога.

– Гена! – закричала вдруг она.

– Доллис! – вдруг закричал он.

– Что такое? – поразилась Наташа. – Как ты меня назвал?

– Прости, Наташа! Как было в Кракове?

- Первый приз!
- Поздравляю!
- Я все передам твоей бабушке! Когда ты вернешься?
- Надеюсь управиться до начала учебного года. Пока, Наташа!

Внизу в холле леди Леконсфильд веселым старческим голосом не певала какой-то романс. Винстон фонировал низким утробным воением.

Старая дама была счастлива. Ее юный спаситель, русский "хрустальный дельфинчик", был выше всякой критики. Он называл ее "гранни" и часами вел с ней задушевные серьезные беседы. Она уже подумывала, не отчислить ли ему еще процентов пять из доли Винстона, хотя Геннадий вторично самым категорическим образом отказался от ее капиталов как человек, воспитанный в принципиально другой системе.

Во избежание случайностей Геннадию пришлось приоткрыть старую даме завесу тайны. Леди Леконсфильд еще со времен зубопротезной деятельности своего мужа научилась держать язык за зубами. Надо было говорить о том, что она была потрясена мужеством и самоотверженностью своего "хрустального дельфинчика".

– О, Джин, ты рискуешь жизнью ради спасения столь малой народности! О, нет-нет, ты – святой! Не спорь, мой мальчик, я вижу над тобой ореол святости!

Геннадий сдержанно объяснил ей вздорность всяких религиозных предрассудков, а также сказал, что на его месте любой советский пионер повел бы себя так же, ибо советскому пионеру не безразлична судьба как больших, так и малых наций. Геннадия волновало то, что Ричард Буги вот уже двое суток не давал о себе знать. После столь чудесного спасения и пылкой клятвы в верности мистер Буги доставил мальчика в Лондон, а сам укатил в неизвестном направлении, пообещав в самое ближайшее время объявиться. Геннадию оставалось теперь только ждать. Он был уверен, что завоевал симпатии Буги и что рано или поздно ему удастся проникнуть в его логово. Но вот прошло уже два дня...

Часы на столе перед потрясенной Наташей Вертопраховой показывали 21.30, часы на столе перед озабоченным Геннадием Стратофонтовым показывали 18.30. Такова разница во времени между Лондоном и Ленинградом. Вдруг Геннадий услышал прямо под своим окном автомобильный сигнал, напоминающий первые такты из оперы Россини "Сорока-воровка".

Вот оно! Геннадий одним прыжком достиг окна, выглянул. Да, по окнам в открытом двухместном вишневого цвета "феррари" сидел, ухмыляясь в усы, мистер Ричард Буги. Большим пальцем правой руки он показал Геннадию на свободное сиденье, а затем указательным постучал по часам: давай, мол, в темпе!

– Уес, сэр! – весело крикнул Геннадий и кубарем скатился вниз, в холл. – Бабушка, за мной заехал один из эмпирейских друзей, – сказал он леди Леконсфильд. – Вы понимаете?

Старая леди ахнула, встала из-за фортепьяно и попыталась вооружить Гену огромным ржавым револьвером времен англо-бурской войны. С чувством глубокой признательности мальчик отказался от этого предмета, так же как и от арбалета эпохи Столетней войны и от кельтского меча времен вторжения норманнов.

Он выскочил из дома и с ходу прыгнул на кожаное сиденье "феррари", пожал каменную ладонь своего нового "друга".

– Ну, аристократишка, – улыбнулся Буги, – сегодня ты увидишь много интересного. Ничему не удивляйся, парень.

Возле южной границы квартала Сохо на одной из узких улочек над маленькой дверью висит ржавая вывеска: "Мешок гвоздей". Многие десятилетия это была ничем не примечательная пивнушка, где отдыхали грузчики, продавцы и всякий темный люд из Сохо.

И вдруг в последний год возле "Мешка гвоздей" стали все чаще останавливаться шикарные "ягуары" и "бентли". Элегантные дамы и господа спускались по полустертым ступенькам в подвал, в кисло пахнущий сводчатый зал, чтобы послушать новую разгорающуюся звезду певичку Бубу Флауэр.

Муллат-ударник бешено колотил по барабанам руками и ногами. Саксофонист качался, закрыв глаза. Вдруг наступала пауза, и на эстраде появлялась девица в широких шелковых брюках и длинной блузе.

– Буба! Буба! – кричали из публики. – "Песню авантюристки!"

*Я – авантюристка Буба!
Рост, лицо, фигура, зубы
Выше всех похвал!
Токио, Нью-Йорк и Дели,
Восемь стран за две недели!
Риск – мой идеал!
Бокс, дзюдо и каратэ,
Электроды, химикаты,
Акваланг, кинжал!
Фунты, доллары и йены,
Ловкость барса, нюх гиены –
Все мне дьявол дал!
Я могла бы быть артисткой,
Кулинарум, журналисткой,
Но шпионкой-аферисткой,
Хищницей-авантюристкой
Мир меня назвал!*

Маленький оркестр взвыл на пределе возможностей человеческого уха. Певичка подняла руки, сделала несколько сумасшедших па, потом откинула волосы со лба, подмигнула восторженным леди и джентльменам, свистнула в два пальца и улыбнулась откровенно хулиганской улыбкой.

– Представь себе, Джинни-бой, – сказал Ричард Буги, – все эти

индюки думают, что Буба просто певичка. Но есть здесь, малыш, люди, которые знают, что она поет эту песенку неспроста... да, неспроста.

– Он загадочно улыбнулся.

Геннадий вспомнил, что спасенные с "Ван-Дейка" говорили о какой-то девице, безжалостной гадине с автоматом. Может быть, это та самая Буба? А может быть, в шайке Накамура-Бранчевской десятки сотни таких Буб?

– Неужели это возможно? – изобразил наивное удивление Геннадий.

– Я думал, что такие вещи существуют только в книгах.

– Ты слышал о стране Буронго, малыш? – усмехнулся Буги. – Слышал ты о городе Трандонге, об острове Корнео? Слышал ты о тех людях, которые...

Буги не успел закончить фразы. К их столику в сводчатой нише, углу, сквозь толпу танцующих протолкались двое широкоплечих парней среднего роста в одинаковых серых костюмах. Один – блондин с коричневым лицом, другой – узкоглазый темноволосый азиат. Скрестив руки на груди, они несколько секунд с неопределенными ухмылками смотрели на Буги, а Буги с такой же ухмылкой смотрел на них. Затем Геннадий стал свидетелем любопытного разговора.

– Говорят, сэр, что вы набираете знающих людей в археологическую экспедицию? – сказал первый парень с явным немецким акцентом.

– Присаживайтесь, джентльмены, – пригласил Буги и, когда парни навалились локтями на дубовый стол, улыбнулся. – Я вижу, у вас одинаковый вкус, друзья. Серые костюмы по тридцать фунтов с Олд-Бонд-стрит, голубые галстуки из "Либерти"...

– Только что прибыли, сэр, – сказал темноволосый, – решили приодеться по-человечески.

– Откуда прибыли?

– Из жарких мест, сэр.

– Это я вижу. Точнее.

– Южная Фриманна, сэр.

– Ваше имя? – спросил Буги темноволосого.

– Лакендра Туцу, сэр, но больше известен под именем "Буллит". Несколько лет назад демобилизовался из британской армии, домохозяйки решил не возвращаться, участвовал в четырех экспедициях.

– Инструментами владеете?

– За исключением музыкальных, любыми, сэр.

– Вы гурк?

– Да.

– Вы подойдете, – коротко сказал Буги и повернулся к блондину.

Ну, а вы, искатель приключений? Идеалист из Мюнхена?

– Обижаете, сэр, – жестко сказал блондин. – Мы с Буллитом расстаемся пять лет. Вместе отступали из Лайонвиля. Должно быть, слышали о деревне Касамбо? Вы со своим отрядом тогда...

– Много болтаете для профессионала, – буркнул Буги и сделал жест бармену.

Когда на столе появилось три стаканчика джина с тоником, Буги широко, дружески улыбнулся.

– Значит, только вернулись, ребята, и уже снова на работу тянет?

– Точно, сэр. Разве здесь жизнь?

– А вы знаете, куда мы отправимся?

– Нет, сэр. Но уж наверняка в веселое местечко, а?

– Вот что, – Буги вырвал листок из блокнота, – завтра явитесь по этому адресу в Камден-таун для заключения договоров.

– Условия, сэр?

– Там все скажут. Пока. Мы отчаливаем. Джин, попрощайся с господами археологами.

Солнце уже сильно клонилось к закату, когда темно-вишневый "феррари" обогнул статую Эроса и устремился на запад по Пикадилли. Ярко пылали стекла красных двухэтажных автобусов и крыши бесчисленных автомобилей. Вот уже третий день Геннадий в Лондоне, а знаменитыми туманами не пахнет. Солнце с рассвета до заката царит в безоблачном небе.

– Знаете, сэр, – сказал Геннадий, – я испытываю какое-то странное чувство, нечто вроде ностальгии по Большим Эмпиреям. Не было ли в экипаже вашего предка кого-нибудь из Стрейфондов? Неужели я никогда не попаду больше на этот архипелаг?

Ричард Буги быстро взглянул на мальчика.

– Ты не заметил там ничего странного, Джин? – спросил он.

– Нет, сэр. . . впрочем. . . я не знаю тамошнего языка, сэр. Но, может

быть, я ошибаюсь, кажется, там что-то готовится, какие-то перемены. . .

– Правильно заметил, Джин, – кивнул Буги. – Скоро там все будет по-иному.

Они выехали на Консингтон-роуд, проехали мимо Гайд-парка и памятника принцу Альберту.

– Ты мне спас жизнь, парень, – сказал Буги, – и вообще ты мне нравишься. Сегодня ты увидишь, что род адмирала Буги не оскудел и что не все еще мужчины белой расы превратились в неврастеников. Увидишь такое, что и не снилось ни одному мальчишке твоих лет.

Читатель легко может себе представить, какие чувства охватили Гену после этих слов. Он лоял, что близок к цели.

Через полчаса "феррари" выбрался на магистраль, а еще через десять минут свернул на какую-то узкую ветку, в начале которой стоял щит с надписью: "Частная дорога". Дорога эта привела к высоким глухим воротам с вывеской: "Частная психиатрическая лечебница доктора Сильвестра Лафоню". Ворота бесшумно раскрылись, и "феррари" въехал в обширный двор с типичным английским ярко-зеленым лугом, подстриженными кустами, приветливым белым зданием в глубине, за которым виднелись деревья парка. Все здесь было специально создано для спокойствия, для починки поломанной нервной системы; все было тихо и смиренно, если не считать кровавого заката, отражающегося в окнах дома.

Едва "феррари" подъехал к дому, оттуда выскочил рыжеволосый субъект в синей униформе и распахнул дверцы машины.

- Где больные, Мак? – спросил Буги.
- Все в порядке, сэр. Больные в парке, на занятиях.
- Пройдем через дом, Джин, – пригласил Буги. – Посмотришь, как занимаются наши бедняжки.

Они вошли в дом, прошли по пустому гулкому холлу в длинный темноватый коридор, по которому прогуливался рослый детина с коротким карабином в руках.

- Ну как, Орландо? – спросил Буги.
- За дурачка меня принимаете, босс? – обиженно прогудел детина.
- В жизни им не проникнуть сюда. Что вы, меня не знаете? Как-никак

Большая черная лапа, появившаяся из-за угла коридора, схватила его за лицо. Из-за скульптуры Аполлона мелькнула какая-то тень, часовая исчез, исчез бесследно, как будто его здесь и не было. Сверзавшись с потолка, послышался насмешливый голос:

- Привет, босс! Я уже полчаса вишу над Орландо, как летучая мышь. Все вас дожидались.

- Ну ладно, выходите, – рассмеялся Буги.
Геннадий готов был поклясться, что на потолке никого не было, все-таки откуда бесшумно прыгнул какой-то человек, а из-за угла появились двое других в странных широких одеждах.

- Эти три парня тренируются по системе "Ниндзя", древних японских разведчиков-невидимок, – объяснил Буги. – За большие деньги нам удалось выцарапать эту тайную систему. Ну, ребята, куда вы дева беднягу Орландо?

- Вот он, босс, – ответил один из "ниндзя" и извлек из складки одежды неизвестно как поместившегося там огромного "беднягу Сандо".

- Протестую, Дик, – прохрипел полузадушенный страж. – С нечистой силой воевать не нанимался.

- Если бы он обнаружил их, он бы стал стрелять? – спросил Геннадий Ричарда Буги.

- Конечно.
- Боевыми патронами?
- Нет, холостыми. "Ниндзя" – слишком дорогой товар. Но должен тебе сказать, что очень часто даже на тренировках мы стреляем боевыми. Мы здесь шутить не любим. Пойдем дальше, Джин.

Они прошли еще метров двадцать по коридору, и вдруг за одной дверей Геннадий услышал русскую речь.

- Стой! Руки вверх! – орал дикий голос с невероятным акцентом. Где спрятал оружие?

Геннадий остановился как вкопанный.
- Кажется, какой-то славянский язык, сэр? – спросил он.
- Урок русского языка, – объяснил Буги.

- А это зачем, сэр? Уж не собираетесь ли вы воевать с Россией?
- Геннадий еле-еле смог скрыть усмешку.

- С русскими у меня особые счеты, – буркнул Буги. – Тот клиент сорвал планы моего деда. У них было больше пушек и скорость выше

Проклятый русский капитан загнал нашу эскадру в залив Сильвер-Бей. Может быть, пьяница Фук и забыл об этом, но Ричард Буги не таков. Пару лет назад я был в Ленинграде и узнал, что там еще живут потомки Стратофонтова.

Он остановился, вынул сигарету, чиркнул зажигалкой, закурил и усмехнулся. И тотчас в памяти Геннадия вспыхнул снежный вечер на Марсовом поле, памятник Суворову, Кировский мост... Так вот кем был тот неприятный иностранец, на которого они обратили внимание с капитаном Рикошетниковым!

– Я уничтожу памятник этому паршивому Стратофуду и на его месте поставлю памятник истинному герою – адмиралу вольного флота и императору Рокеру Буги! – горячечно зашептал Ричард.

– Вы истинный Буги! – воскликнул Геннадий.

Маленький психолог, как уже известно, нащупал слабую струнку своего противника. Ричард при этих словах застыл в монументальной позе, словно сам себя вообразил уже памятником.

– Но все-таки зачем на Эмпиреях русский язык сейчас? – осторожно спросил мальчик.

Буги стряхнул бронзовое оцепенение.

– Понадобился...

“Они замышляют что-то против “Алеши Поповича”. – подумал Гена.

– Помнится, мадам говорила об этом Мамису...”

Они вышли из дома и по идиллическим тенистым аллеям углубились в парк. То тут, то там среди деревьев стремительно перемещались короткими перебежками “пациенты” доктора Сильвестра Лафоню. Группа душевнобольных, собравшись под навесом, изучала новенький бронетранспортер марки “мерседес”. То тут, то там мирно гукали автоматические винтовки, снабженные глушителями.

– А какие у вас отношения с полицией, сэз? – спросил Геннадий.

Буги захохотал и обнял его за плечи.

– Толковый ты паренек, Джинни! Вопрос в самую точку. Видишь ли, местный констебль человек покладистый. Он отлично понимает, что несчастным шизофреникам и истерикам необходимо для печения какое-нибудь увлекательное дело, хороший спорт. Хочешь познакомиться с инвентарем нашей клиники?

Он ввел Геннадия в низкий сарайчик, зажег свет, и Геннадий увидел целый арсенал: десяток автоматов в гнездах вдоль стены, два гранатомета, пулемет, ящики с патронами, какая-то радиоаппаратура, гирлянда наручников...

– Все самое современное, из Мьетвиня, прямо из пекла, по знакомству, – горделиво сказал Буги. – Винтовки “ЭМ-14”, гранаты...

На пороге сарайчика вырос рыжеволосый субъект в униформе.

– Босс, вас вызывают на связь! – возбужденно заорал он.

– Сама? – испуганно спросил Буги.

– Кажется, да...

От спокойной величавости императорского потомка не осталось и следа. Он быстро юркнул в дверь и исчез.

В течение четверти часа Геннадий в полном одиночестве усиленно

знакомился с оружием. Прервал это занятие приятный, мягкий голос

– Будьте любезны, поставьте на место мой автомат.

Геннадий резко обернулся. В дверях стоял высокий человек довольно странного вида. Волнистые, до плеч, волосы, тонкие усики, острая бородка делали его похожим на мушкетера, но полосатая майка и вельветовые джинсы с широким поясом сообщали вполне современный вид.

– Прошу прощения, сэр, я просто хотел посмотреть, – сказал Геннадий и представился: – Джин Стрейтфонд.

– Мое имя Джон Грей, – поклонился длинноволосый. – Как вы попали сюда?

– Меня привел... – начал было Геннадий, но в это время в сарай свалились десять других наемников во главе с гориллой лет сорока пяти.

Все они орали по-русски: "Стой, стрелять буду! Ложись на палубу" – и дико хохотали. Геннадий понял, что эта группа явилась с занятием по русскому языку.

– Хватит гоготать! Разобрать оружие! – заорал горилла. – Сейчас ночные стрельбы попрямся! Эй, что тут за щенок болтается? Иди сюда, мальчик!

– Повезливей, мистер Горилла! – крикнул ему в ответ Геннадий.

Наемники грохнули:

– Ай да мальчонка! Верно он Пабста окрестил Гориллой! Горилла она и есть горилла! Чистая горилла!

Горилла Пабст ринулся на Геннадия, пытался схватить его за ворот, но мальчик увернулся и сильно ударил Пабста ногой в зад. Пабст взревел и выхватил из гнезда свой автомат.

– Хотите меня застрелить, Горилла? – вежливо спросил Геннадий.

– Попался бы ты мне в Буронго, щенок!.. – прорычал Пабст.

– А вы вообразите, что вы в Буронго, сэр. Уверяю, что не попадете в меня, даже с десятка метров.

На этот раз наемники засмеялись уже над мальчиком.

– Да-да, джентльмены, – серьезно сказал Геннадий. – Никто из вас не попадет в меня с десятка метров при стрельбе одиночными в стрелы.

– Это почему же, бой? – крикнул кто-то.

– Я умею увертываться от пуль, – сказал Геннадий, снял с одного наемников огромную шляпу, так называемый "шестигалонный стейсон", водрузил ее себе на голову и отошел в глубину сарая. – Попробуйте хотя бы сбить с меня эту шляпу, джентльмены.

– Мальчишка издевается над нами! – загудели наемники.

Один из них положил руку на плечо Джону Грею.

– Ну-ка, Силач-Повеса, покажи ему свою руку.

– Я не Вильгельм Телль, – сказал Джон Грей и присел со своим автоматом в угол.

– Если бы он был черномазым, я бы рискнул, – буркнул другой наемник.

– Трусы! – резко крикнул Геннадий.

Сразу же в ответ хлопнул выстрел. Геннадий махнул головой – шляпа осталась на месте. Еще один выстрел. Геннадий крутанулся волчком – шляпа осталась на голове. Еще выстрел – та же картина!

– Да вы что, стрелять разучились, ублюдки? – взревел Пабст.

В наступившей тишине Джон Грей вежливо спросил Геннадия:

– Как вам это удается?

– Воля к жизни, – бойко ответил мальчик.

– А-а, понимаю, понимаю, – покивал Джон Грей. – Воля к жизни.

– Воля к жизни и свободе, – добавил Геннадий.

– И к свободе, – задумчиво проговорил Джон Грей. – Неплохо сказано – воля к жизни и свободе...

– Хватит болтать! Лови-ка пулю! – гаркнул Пабст, поднял автомат одной рукой и выстрелил.

Геннадий отскочил в сторону и подул в ладошки.

– поймал, сэр! Вот она, горяченькая!

Наступило молчание. Дюжие наемники, раскрыв рты, смотрели на удивительного мальчика. Пабст, выучив глаза, вытирал пот со лба. Геннадий снял целехонькую шляпу и отвесил присутствующим шутовской церемонный поклон.

– Вот это малый! Такого бы в нашу команду! – сказал кто-то.

– Ей-ей, малыш! Тебе бы нашлось местечко в моем "джипе", – буркнул Пабст.

– Джентльмены, я мечтал бы работать вместе с вами, – проговорил Геннадий.

Джон Грей встал, обнял мальчика за плечи и отвел его в сторону.

– В мой автомат вы не успели вставить холостую обойму, – тихо сказал он.

– Да, сэр, ваш был последний, я не успел, – признался Геннадий.

– И все-таки вы рискнули затеять эту игру?

– Да, рискнул.

– А если бы выстрелил я?

– Вы бы не выстрелили, сэр.

– Вы уверены?

– Конечно. Ведь вы же тот самый Джон Грей – Силач-Повеса. Очень странно было увидеть вас здесь, но я вас сразу узнал. "Джон Грей – Силач-Повеса, сильнее Геркулеса, храбрый, как Дон-Кихот..."

– А-а, эта песенка! – улыбнулся Джон Грей. – В ней много преувеличено. Помните, там какая-то ерунда про ковбоя Гарри?

– Еще бы не помнить! – воскликнул Геннадий.

– Все же я не убивал этого прохвоста. Непли сама его выгнала... Но все-таки мне очень приятно, что вы помните... Да, да, бывало всякое, при свете лунном кружились пары, да-да... Слушайте, а зачем вам понадобилось устраивать этот цирк с холостыми патронами?

– Мне нужно попасть в вашу команду, мистер Джон Грей, – прошептал Геннадий.

– Тайна? – деловито осведомился Силач-Повеса. Он протянул Геннадия узкую длинную палочку, и по ее пожатию мальчик понял, что Грей вполне заслуживает первую половину своего прозвища.

Хлопнула дверь, и на пороге появился веселый, энергичный Ричард Буги.

– Эй, леопарды! – закричал он. – Не обидели тут моего гостя? Джин, познакомился с современными джентльменами удачи?

– Твой гость – настоящий бесенок, Дик, – сказал Пабст. – Я бы нашёл для него местечко в своем "джипе", ей-ей...

– Эти люди, малыш, знают цену жизни! Они беспощадны, но и се не щадят. Каждый из них стоит целого батальона простых солдат. Се умеют убивать и умирать. В джунглях и в песках, в воздухе, в горах, в море нет более страшного зверя, чем белый наемник! Соль земли они несут из глубины веков то, чем славна белая раса, покорившая все континенты: мужество, боевую спайку, авантюризм и великую бел мечту!

Голос Ричарда Буги звенел, глаза пылали, и если бы Геннадий знал цену этой фальшивой человеконенавистнической расистской мантики, он мог бы, пожалуй, даже увлечься вдохновенными пассажами бандита. Нет, он знал всему этому цену и был начеку.

Геннадий сидел в мягком кресле кабинета Буги и изображал нем восторг. Стены кабинета украшали африканские маски и оружие, а на потолке висела большая модель все того же пресловутого "Голубого Кита". Но главным предметом в комнате был огромный портрет Рокка Бразильского, сделанный в старинной манере, подобно гравюрам, изображавшим пиратов XVII века: Рокка Бразильского, Джона Морганна Франсуа Олонэ – свирепое, вполборота лицо и обнаженный палец на плече.

Ричард разглагольствовал, прогуливаясь по кабинету с бокалом шампанского в руке.

– Не в пример своему спившемуся брату, пью только французское шампанское, – пояснил он. – Всегда возю с собой запас этого благородного напитка. Однажды в Буронго запас кончился. Тогда я со своим отрядом напал на один городок под предлогом очистки его от коммунистов и захватил в местном отеле дюжину ящиков "Вдовы Клико".

– И должно быть, переколотили немало народа, сэр? – усмехнулся Геннадий.

– Там мы не считали, – хохотнул Буги.

Ненависть к этому ухмыляющемуся фанфарону-убийце сжигала мальчика, но выдержке его мог бы позавидовать любой взрослый мужчина.

– Да, дружище Джин, – продолжал Буги. – Пациенты доктора Сивестра Лафоню видали всякое. Большинство из них служили под знаменами единственного белого из африканцев Чуиза Томбе, колотили своих противников так, что голубые каски разлетались как яичная скорлупа.

– А Джон Грей? – спросил Геннадий.

– Силача-Повесу я знаю меньше. Он работал в Центральной Америке, на Гаити и, кажется, в Санто-Доминго. Его рекомендовал мне покойного Артура Пейна как лучшего стрелка, летчика и парашютиста. Но остальных мальчиков я знаю почти всех. Вместе мы сражались г

началом Джека Доллара, полковника Брома, Бу-мю, ну, а теперь у меня будет своя команда.

– Разрешите вопрос, сэр? Куда вы направитесь из Англии, каковы ваши планы?

Буги откупорил еще бутылку, ухмыльнулся и, явно рассчитывая на эффект, медленно произнес:

– На Большие Эмпиреи, сынок, на твои любимые Большие Эмпиреи.

– Как? – вскричал Геннадий. – Не ослышался ли я?

– Нет, не ослышался. Мадам уже ждет не дожждется.

– Какая мадам?

– Наша хозяйка, – саркастически улыбнулся Буги, – мадам Накамура-Бранчевска.

– Мадам Накамура-Бранчевска ваша хозяйка? – Геннадий вскочил.

– Это шутка, сэр? Мадам увлекается цветами, пишет стихи!

– Старая бандитка! – захохотал Буги; приложившись к горлышку, он выпил полбутылки благородного напитка. Уши его налились внутренним огнем. – Джинни-бой, я делаю на тебя ставку и поэтому расскажу все об этой бабе. Мадам – глава огромной подпольной империи. Начиная она, как и все мы, в Трандонге, в Коулун-сити, где за каждой бамбуковой шторкой можно получить порцию гашиша или свинца. Она оказалась повчее всех, эта ведьма. Она втерлась в доверие к доктору Кабэ, королю золота и опиума. По дешевке мадам купила три ржавых торпедных катера и стала нападать на торговые суда. Я сам служил на одном из этих катеров простым пулеметчиком. Уже тогда она нажила огромные деньги, но потом влипла в историю: ограбила американский военный транспорт. Многих из наших тогда похватали, но мадам быстро нашла общий язык с ЦРУ. Пока судьба носила меня по всему белому свету, мадам устраивала свои делишки как нельзя лучше. Теперь у нее миллионы и страшная власть, а у меня, кроме этой маленькой штучки, – он показал мальчику пистолет "беретта", – никакой собственности. Все, что ты видел здесь, все на ее деньги.

– Скажите, сэр, а ее дочь Доллис знает о том, кто ее мать?..

– Дочь! – захохотал Буги. – У кобры еще никогда не рождались человеческие детеныши. Доллис похищена у каких-то французских аристократешек. Мадам помешана на аристократизме. Она и тебя отпустила домой только для того, чтобы пролезть в аристократические круги. Не будь твоя бабка Леконсфильд, полакомились бы тобой акулы. Теперь по ее плану мы должны разогнать эмпирейских сенаторов-легоперов и объявить ее королевой Больших Эмпиреев и Карбункла как законную наследницу основательницы Оук-порта баронессы де Клиссон. Ну, Джин, что ты на это скажешь?

Ричард Буги уперся кулаками в подлокотники Гениного кресла и приблизил к нему свои пронизывающие глаза.

Для того чтобы почувствовать остроту ситуации, любезный читатель может представить в десяти сантиметрах от своего лица глаза рыси.

– Я... я... – пробормотал Геннадий, лихорадочно нащупывая правильный ответ, – не могу сказать, чтобы мне это особенно нравилось, сэр...

Буги отпрыгнул, захохотал и воздел к потолку сжатые кулаки:
– Баронесса де Криссон! Королева! Ее мамаша до сих пор по ночам торгует лапшой в Йокогаме, а папаша тачает сапоги в Триесте.

– В то время, как вы, сэр, истинный Буги! – вдохновенно подхватил Геннадий. – Стопроцентный, неповторимый Буги!

Ричард опорожнил одним махом еще одну бутылку благородного напитка и засветился изнутри, как китайский фонарь. Он вдруг вскакивает на кончики пальцев, на пуанты, и сделал посреди кабинета медленный балетный поворот.

– Посмотрите на эту фигуру, Джин Стрейтфонд! – почти запел он. – Разве отсутствует в ней величавость, разве не присутствует в ней державная осанка? Посмотрите на эту шею, Джин Стрейтфонд, на этот мощный и тугий мускулюс! Разве не похож он на звенящий от напряжения вант адмиральского корабля? Посмотрите, Джин Стрейтфонд, на этот гордый чеканный профиль! Разве не достоин он украшать денежные знаки, разменную монету и ассигнации?

Буги слегка подпрыгнул, хлопнул в ладоши и закружился в странном танце под одному ему слышимую чудовищную музыку.

– Крочи, мой мальчик, крочи, чурочи рикотуэр! Малази холион кукубу! Буги не будет мальчиком на побегушках! В делях Лабрадора живет принцесса Вуги, он женится на ней, и на Больших Эмпире воцарится династия Буги-Вуги, Фремоностр чу ра!

Глядя на этот танец, Геннадий подумал, что в клинике доктор Сильвестра Лафоню есть, по крайней мере, один человек, нуждающийся в серьезном психиатрическом лечении.

ГЛАВА XII,

в которой снова рокочут авиационные моторы и гремит автоматическое оружие

Небольшой двухмоторный самолет фирмы "Локхид" медленно полетел в огромной тропической ночи, словно невидимый вирус, попавший в бутылку чернил.

– Простите меня, Джон, но вы довольно забавно выглядите в шлемофоне, – сказал Геннадий Силачу-Повесе.

Самолет шел на автопилоте, и поэтому Джон Грей и Геннадий могли свободно болтать. Джон Грей покуривал, мельком взглядывая на приборы, Геннадий сидел рядом в кресле второго пилота. Сзади в фюзеляже, храпели на мешках со снаряжением молодчики команды Пабста.

Силач-Повеса поправил длинные свои локоны, выбившиеся из шлемофона, подкрутил усики, погладил бородку.

– Милый Джин, – улыбнулся он, – люди, которые осмеливаются подшучивать над моей внешностью, недолго задерживаются на этом свете, а мне самому моя внешность очень нравится. Что касается вас, то вы, мой друг, тоже довольно странно выглядите в кресле второго пилота. Согласитесь, что вам больше бы подошел уютный детский горшок.

Оба беззлобно посмеялись. За две недели подготовки в клинике для душевнобольных они успели подружиться. Легендарный Джон Грей – Силач-Повеса нравился Геннадию своими вежливыми манерами, мягкостью, странной для наемника задумчивостью. Оружием и техникой он владел действительно безупречно и обладал невероятной, чуть ли не сверхъестественной силой. Непонятна была только вторая половина его прозвища – никаких свойств повесы Геннадий за ним не заметил. Все свободное время Джон Грей проводил в своей койке за чтением Британской энциклопедии или стихов Т.С. Эллиота. Непонятно было также, как этот мягкий, добрый джентльмен попал в компанию отпетых бандитов.

Мальчик понравился бывалому Греку своей смелостью, ловкостью, прямоотой и целеустремленностью, которая не ускользала от наблюдательного Силача-Повесы.

Итак, они сдружились, что называется, сошлись на короткой ноге, и вот теперь сидели вместе в пилотской кабине, в слабо освещенной железной коробке, ползущей в черном небе над черным океаном.

Это был последний этап утомительного пути из Британии на Большие Эмпирии. Из Лондона их команда вылетела рейсовым самолетом компании "ВЕА" в Барселону под видом туристов, интересующихся боем быков. Из Барселоны на странной моторной яхте они отбыли как любители рыбной ловли, члены профсоюза текстильщиков, на крохотный, почти безлюдный островок, имевший тем не менее взлетно-посадочную полосу. Там они погрузились в этот самолет, пилотировать который взялся Джон Грей – Силач-Повеса. Они сделали несколько посадок в разных странах на тайных аэродромах и вот теперь с дополнительными баками горючего совершали многочасовой перелет над океаном.

– Джон, я давно хотел задать вам один важный вопрос, – сказал Геннадий.

– Я знаю, – невозмутимо ответил Силач-Повеса. – Вы давно хотели спросить, что у меня общего с людьми вроде Гориппы Пабста.

– Правильно, – удивился Геннадий.

– Видите ли, Джин, – Силач-Повеса пощипал свои усики, – по своей натуре я авантюрист. Такова и моя профессия, сэр, я – авантюрист. В Латинской Америке я участвовал по меньшей мере в семи так называемых революциях, связывался с разными темными личностями, они приходили к власти, а я сматывался. Брось, Джон, говорил я себе, что толку во всех этих опереточных революциях, кому от них польза – народу, тебе, Рите, крошке Нелли? Но, увы, такова моя натура, и профессия моя такова. Тянет меня к авантюрам, и все!

Последний раз я ввязался в одно совершенно сумасшедшее дело, но оно, к сожалению, кончилось крахом.

– Что же было дальше? – осторожно спросил Геннадий.

– В Порт-о-Пренсе я нанялся матросом на старый плейдовский пароход, идущий в Европу, а в Европе... э-э... – Джон Грей махнул рукой, – чем мне только не пришлось заниматься: был мусорщиком, пел в паршивом ресторанчике за тарелку супа, таскал мешки с цементом на

товарных станциях. Все мне стало безразлично. Кто бы мог узнать Джона Грея, который "за всех заплатит, который всегда таков". У Ричарда и крошки Нелли хватило такта оставить меня в покое.

Потом мне вдруг повезло. Я поступил в школу парашютистов знаменитого Жака Дюбура. Вот это была жизнь! Ребята были все выше класса, особенно один летчик, швейцарец Герман Гейгар, царство небесное его отчаянной душе. – Силач-Повеса перекрестился. – Последний год я работал трюкачом на киностудии Лауристини, неплохо зарабатывал, начал даже оказывать материальную помощь Рите крошке Нелли. Ну, а потом услышал, что собирается новая освободительная экспедиция. Не выдержала моя авантюристическая натура и вот вы видите меня, сэр, за штурвалом этого самолета.

– Вы называете нашу экспедицию освободительной? – спросил Геннадий. – Вы думаете, мистер Буги или Горилла Пабст освободит Больших Эмпиреев?

Джон Грей остро взглянул на Геннадия.

– Простите меня, Джон, но вы наивный идеалист, – сказал Геннадий. – Буги и Пабст, и все прочие – обыкновенные наемные убийцы, а Буги еще и честолюбивый маньяк. Хотите знать подоплеку всей этой истории?

И Геннадий рассказал Силачу-Повесе о Больших Эмпиреях, о мадам Накамура-Бранчевской и о планах Ричарда Буги. Ему необходим был союзник в команде наемников, а Джон Грей казался подходящим человеком.

Когда он кончил, Джон Грей некоторое время молчал, а потом резко повернулся к мальчику:

– А теперь разрешите мне задать вам, Джин, вопрос, который давненько уже вертится у меня на языке. Вы действительно англичанин? Или действительно тот, за кого себя выдаете?

Геннадий не успел ответить, за их спинами появился Горилла Пабст. Почесывая волосатую грудь и зевая, он сказал:

– Слушай, Джон, будь повнимательнее при посадке. Здесь взлетно-посадочная полоса насыпная, узкая ленточка в море. Вчера сержант Гамбл промазал и нырнул на самое дно.

– Небось, Гамбл садился по приборам?

– Ясно, по приборам, как же еще?

– Ну, а мы на глазок, Пабст, мы на глазок, – усмехнулся Грей и подмигнул Геннадию. – Мы с ним видим, как коты...

Самолет резко пошел вниз.

Наемники прибывали на Карбункл в течение трех дней. Их помещали в старинном замке, слегка переоборудованном под казармы. Солдаты скучали, слонялись по узким коридорам и сводчатым казематам, глядя в узкие окна, на заманчивый силуэт Оук-порта. Выход за пределы казарменного двора был запрещен.

Все эти дни Геннадий провел в замке, он ни разу не видел ни Ричарда Буги, ни мадам, ни Мизераблеса, ни Латтифудо, никого из знакомых. Больше того, утром, после прибытия, он не нашел на соседних койках

Джона Грея, Пабста и еще четырех парней из команды: бельгийца Клемана, немца Беккера и двух американцев – Луиса и Эрни.

Они вернулись в вечеру третьего дня грязные и усталые, в порванных тропических комбинезонах. Пятеро отправились в душ, а Джон Грей, кивнув Геннадю, вышел на площадку башни, сел там в углу и подставил лицо ветру.

– Где вы были, Джон? – спросил Геннадий.

– На островах Кьюри, – зло процедил сквозь зубы Силач-Повеса. – Маленькая увеселительная прогулка в обществе товарищей по освободительной миссии.

Оказалось, что их шестерых подняли ночью, погрузили на десантное судно, в трюме которого стоял уже бронетранспортер, и сказали, что они должны уничтожить какой-то опиумный завод на одном из островов Кьюри.

– Это удар по конкурентам, по банде "Анаконда", – сказал Геннадий.

– Слушай, что было дальше.

Они ехали на бронетранспортере по узкой просеке в джунглях. Джон Грей был за рулем. Пабст поливал все вокруг пулеметным огнем, а остальные четверо лежали на полу и играли в карты. Наконец из-за пальм показалась лужайка, а на ней низкое кирпичное строение с большой вытяжной трубой. Из окон вели интенсивный автоматный огонь. Пабст приказал Беккеру и Луису подавить огонь. Парни бросили карты, высунулись, осмотрелись и спокойно перелезли через борт броневика. Сквозь "мертвые зоны" они шли, как по бульвару, а зоны прострела пересекали со скоростью гепардов. Таким образом они приблизились вплотную к стенам фабрики и забросали окна гранатами. После этого осталось только вытащить трупы, прикончить раненых, погрузить на бронетранспортер мешки с опиумом и взорвать оборудование. Операция прошла на самом высоком уровне.

Рядом с фабрикой оказалась крохотная деревушка. Местные полуголые жители, их было не больше полусотни вместе с детьми, вылезли из своих лачуг и смотрели на солдат с опаской, но с нескрываемой радостью. Видимо, "химики" "Анаконды" здорово им насопили.

Пабст связался по радио с центром и доложил, что задание выполнено.

– Население приветствует силы возмездия! – захохотал он. – Организован показ купальных костюмов.

– И тогда я услышал женский голос, – рассказывал Джон Грей. – "Население нужно убрать полностью", – сказал женский голос. Даже Пабст растерялся. "Как – убрать?" – спрашивает. "Не мне вас учить, – отвечает женский голос. – Вспомните Буронго". Пабст выключил радио. "Эй! – закричал он островитянам. – Есть у вас, ребята, лопаты? Яму, яму копать!" Я схватился за автомат, но в это время кто-то сзади, кажется Клеман, огрел меня по каске. Когда я пришел в себя, яма уже была зарыта...

Силач-Повеса встал, подошел к краю площадки и посмотрел из-под ладони на четко вырисовывающийся под заходящим солнцем Оук-порт.

– Ты прав, Джин, здесь готовится какой-то дьявольский концерт.

Давай-ка попробуем вместе помешать этому. – Он протянул Геннадию руку. – Только у нас не должно быть тайн друг от друга.

– Я русский, – сказал Геннадий, – советский пионер Геннадий Стратофонов. В том городе стоит памятник моему прапрадедушке.

В это время по всему замку прогремел сильный звонок, затопал сапоги, слышались голоса:

– Босс! Босс приехал!

ГЛАВА XIII,

большинство участников которой устраивают страшный шум, но некоторые разговаривают вполголоса

В канун ежегодного традиционного праздника Кассиопеи на Болших Эмпиреях произошла сенсация: в Оук-порт прибыл без всякого приглашения, проездом из Зурбагана в Эдинбург, огромный международный симфонический оркестр под руководством дирижера князя Грегори фон Нофирогерга. Сторонники выхода на международную арену в сенате пиковали: вот они, результаты последней победы на финском банкнотозом со счетом 1 05 : 3! Если уж прибыли музыканты значит, жди теперь какую-нибудь знаменитую футбольную команду "Манчестер Юнайтед" или "Сантос", а то и ленинградский "Зенит".

Толпы жителей столицы собрались вокруг отеля "Катамаран", котором поселились музыканты. Музыканты всем понравились. Рослые, плечистые, с сизыми носами, с серьгами в ушах, они легко несли в татуированных руках футляры со скрипками, виолончелями, фаготами, контрабасами. Поразила всех внешность дирижера: черная ассирийская борода, рыжие кудри, темные очки, закрывающие пол-лица, треугольная шляпа с плюмажем, фигура десятиборца, огромная узловатая дирижерская палочка величиной с палицу Геракла.

– Крепкие ребята, – сказал Нуфнути Куче лучшему легоперу в сенатской палате Рикко Силле.

Они стояли в первом ряду и разглядывали музыкантов.

– Может, вызовем их на булоножный поединок? – спросил Силла.

– Неплохая идея, – проговорил Нуфнути и вдруг схватил легопера за плечо. – Рикко! Смотри! Смотри, кто среди них!

От автобуса к отелю шел крепкий загорелый мальчик с целой охапкой медных тарелок в руках. Рядом с ним, нагруженный барабанами разных калибров, двигался высокий стройный мужчина с длинными волнистыми волосами, с усами и бородкой.

– Это Геннадий, – проговорил Рикко Силла. – Значит...

– Молчи, – шепнул Нуфнути Куче.

Геннадий уже заметил их. Подойдя ближе, он намеренно уронил тарелки и быстро сказал нагнувшемуся сенатору:

– После захода солнца ждите меня возле памятника дедушке. Ждите столько, сколько понадобится. Рядом со мной – друг.

Едва последние музыканты скрылись в отеле, из окон грянула искрометная музыка Россини.

– Репетируют, – умиленно говорили в толпе.

Ассирийская борода и шляпа с плюмажем мелькала в окнах. Нестройное пение, крики, хохот и бульканье летели из отеля. Официанты сбились с ног, поднося в номера лошадиные дозы "Горного дубняка". Потом послышался мощный храп, перекрывающий музыку Россини.

– Спят или репетируют? – недоумевали в толпе.

– И спят, и репетируют, – говорили знатоки.

Во второй половине дня Геннадий нанес визит мадам Накамура-Бранчевской.

– О Джин! – протянув руки, сияя своей самой очаровательной улыбкой, воскликнула дама. – Как я рада видеть вас вновь! Мистер Ричард Буги сказал мне, что вы решили посвятить себя борьбе за свободу моего народа. Он очень высокого мнения о вас, а это немало, мой мальчик. Но не будем о политике, она меня мало интересует, я лишь сочувствую патриотам.

В это время в комнату вошла Доллис. Она хмуро посмотрела на Геннадия и буркнула:

– Ты снова здесь?

– Доллис, как ты нелюбезна! – пожурила ее мадам. – Джин проделал такой большой путь, чтобы вновь увидеть нас. Как здоровье вашей бабушки, Джин?

– Спасибо, мадам. Бабушка и ее брат шлют вам самый сердечный привет. О вас много говорят в наших кругах. О вашем розарии ходят просто фантастические слухи. На последнем уикэнде граф Чарли Бартлет Эстерхази-младший, ну тот самый, что отличился в океанской гонке на яхте "Клубника", читал ваши стихи из журнала "Лестница", а несравненная Грейс, княгиня Монако, увидев ваш снимок в журнале, сказала, что, по ее мнению, ваш род восходит к древнейшим французским фамилиям.

Накамура-Бранчевска от волнения даже покрылась красными пятнами и вроде бы закатилась – на секунду потеряла сознание.

– Но как попал в Англию журнал "Лестница"? – пролепетала она.

– Это я привез его, мадам, – внутренне хохоча, с полупоклоном ответил Геннадий.

– О Джин! О мой друг! – совсем уже расплылась в благостной истоме будущая королева, но в это время в парке послышались мужские голоса, и она пружинисто вскочила, глаза ее сузились, движения приобрели привычную хищную гибкость.

– Извините, мой друг, у меня сейчас заседание правления фирмы. Мы увидимся завтра на празднике Кассиопеи. Вы, конечно, знаете, что это будет очень интересный праздник, – добавила она многозначительно и вышла.

Посмотрев в окно, Геннадий увидел Буги, Мизераблеса, Чанга и Латтифудо, идущих по аллее к дому. Собранные вместе, эти господа казались персонажами страшного сна.

– Ненавижу всю эту банду, – сказала за его спиной Доллис.

Он обернулся и увидел, что девочка смотрит на него нахмуренным, злым взглядом.

– Что за чушь ты болтал матери о французских фамилиях? – про-

говорила она и вдруг схватила Геннадия за руку: – Знаешь, кто мать? Знаешь? – Доллис передернулась, как от судороги. Лицо ее искажилось. – Она преступница!

– Ты что-нибудь узнала? – быстро спросил Геннадий.

– Очень многое. Она преступница! Она хочет поработить наш народ, отдать его в кабалу иностранцам! Я все знаю, и, если ты из их банды иди, доноси!

– Здесь нельзя говорить, – сказал Геннадий. – Давай выйдем в парк.

Они уселись на краю большого круглого бассейна. Ветви вавилонской ивы надежно скрывали их. Здесь Доллис, волнуясь и чуть не в слезах, рассказала Геннадию все, что он давно уже знал. Оказалось, что она случайно услышала разговор своей матери с Мамисом, а потом многое другое. Противоречивые чувства раздирали девочку. Еще больше – ведь она привыкла любить свою мать и даже преклонялась перед ней перед ее красотой и умом. Сейчас, когда ей открылась страшная правда, она не знала, что предпринять: высказать матери все в глаза или убежать из дому, может быть, покончить с собой?

Она никогда не видела своего отца, погибшего во время цунами капитана дальнего плавания. Но была уверена, что если бы он был жив, он не дал бы матери скатиться к преступлению.

С горечью слушал Геннадий исповедь своей маленькой подружки, столь похожей на гордую ленинградскую чемпионку Наташу Вертограхову.

Это был ветреный тревожный вечер. Пятна кроваво-красного заката, сквозившего сквозь ветви агавы и юкки, северных пальм и итальянских сосен, ливанского кедра и японской вишни, филодендрона, благородного лавра, колыхались на глади бассейна.

– Этот бассейн сообщается с морем? – спросил Геннадий.

– Да, через подземный тоннель, – машинально ответила Доллис, глядя прямо перед собой остановившимся взглядом. – Там есть решетка-фильтр...

– Решетку можно поднять?

– Стоит только нажать вон ту кнопку.

Геннадий сбегал по ступенькам к самой воде, нажал кнопку и несколько раз негромко позвал:

– Чаби! Чаби! Чаккерс!

После этого он засунул голову в воду и несколько раз позвал друга ультразвуком.

– Ты не спятил, Джин? – спросила изумленная Доллис.

– Слушай, Доллис, сегодня решительный вечер. Многое зависит от нас, от тебя и от меня. Слушай меня внимательно.

Он рассказал ей обо всем: о том, как он попал в плен, на острове Карбункл, о своей поездке в Лондон, о коварных планах Накамура Бранчевской и об откровениях Ричарда Буги.

– Значит, я не ее дочь, – тихо проговорила Доллис. – Значит, все эти годы я была для нее только игрушкой. Значит, никакого отца-капитана у меня не было...

Геннадий давно уже заметил, что по бассейну кругами ходит Чаккерс.

керс. Врожденная деликатность, вероятно, мешала бывшему сержанту прервать разговор девочки и мальчика.

– Доллис, ты должна узнать, о чем сейчас совещаются заговорщики. Опасность угрожает не только Оук-порту, но и нашему научному кораблю "Алеша Попович". Готова ты на это? – спросил Геннадий.

– Да, – решительно ответила девочка.

– После двенадцати ночи я буду ждать тебя на Львиной лестнице. Связным у тебя будет один мой друг. Чаби!

Доллис вздрогнула: из воды высунулась лукавая круглолобая физиономия дельфина.

– Привет, Гена, – хрипло сказал Чаби по-русски. – Ну как тебе бабушка, Лондон? Ужас небось какой шум, а?

– Чаби, познакомься, это Доллис.

– Очень приятно, мисс.

– Будешь связным, Чаби. Тут большие дела начинаются.

– Да, я уже слышал, можешь на меня рассчитывать. Кстати, Генок, привет тебе от ваших ребят. Я с ними на прошлой неделе болтал.

– Ну как они? – с волнением спросил Геннадий.

– Да все в порядке, работают по плану. Хорошие мужики: и Рикшетников – настоящая морская душа, и Верестищев, и Шпиер-Довеико, этот всякое видал, и помполит Хрящиков всегда найдет нужное слово, и Барабанчиков, и Телескопов. И, что характерно, Генок, не унижают эти ребята твоего человеческого достоинства. Вот что характерно – понимают нашего брата!

При этих словах Геннадий особенно остро почувствовал, как не хватало ему все это время его друзей, с которыми сам черт не страшен. Однако предаваться размышлениям времени не было. Он встал и сказал:

– Доллис, Чаби, друзья! Готовы ли вы бороться до конца за идеалы свободы и справедливости?

– Готовы! – в один гопос ответили дельфин и девочка.

– Давайте скрепим нашу дружбу и клятву рукопожатием! – торжественно сказал Геннадий.

– За неимением рук предлагаю потереться носами, – смущенно проговорил дельфин.

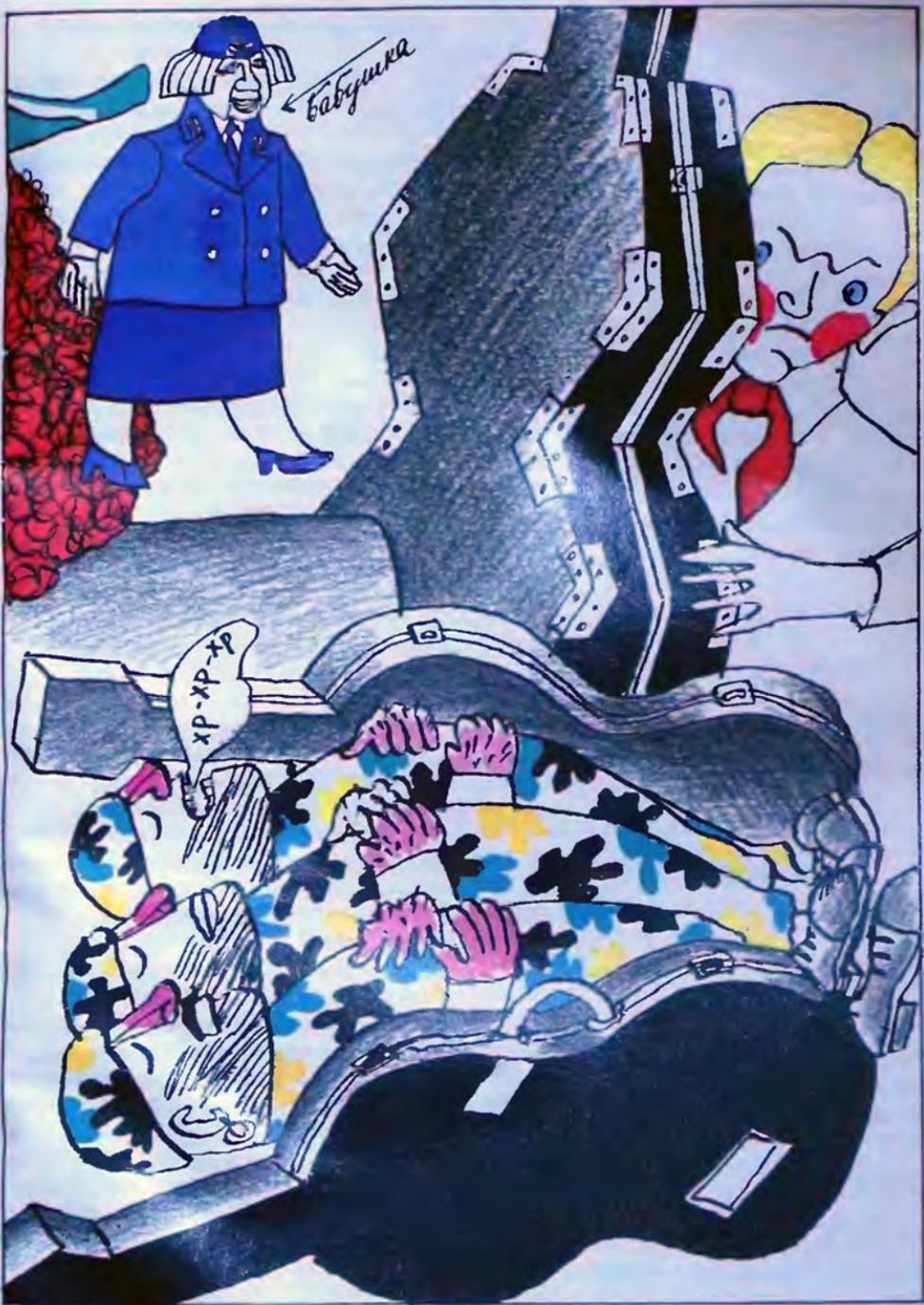
Мальчик и девочка наклонились и потерлись носами о влажный клюв морского человека.

– Да ну вас, ребята, – пробормотал Чаби. – В такие минуты плакать хочется.

Луна спряталась за голову Серхо Филимоныч Страттофудо, когда Геннадий по водосточной трубе спустился на Сенатскую площадь. Огромная тень памятника закрывала половину площади, и в этой тени за неосвещенными окнами маленького кафе мерцали сигаретки эмпирейских легоперов.

– Геннадий, – бросились к нему сенатор Куче, Рикко Силла и Токтомуран Джечкин. – Как мы рады снова видеть вас, потомка нашего памятника, в добром здравии!

– Спокойно, друзья, сейчас не время для сантиментов! – жестко сказал мальчик. – Есть у вас оружие?

– Есть! – гордо ответил Джечкин. – Шпаги, абордажные сабли, двухствольные пистолеты, пики! Мы очистили весь национальный музей.

Геннадий только усмехнулся, вообразив себе вооруженное таким образом войско, сражающееся против Ричарда Буги.

– Ну хорошо, оружие у вас будет, – сказал он. – Ответьте мне только на такой вопрос. Сможете ли вы за два часа достать двадцать четыре скрипки, шесть виолончелей, шесть контрабасов, десять труб, септимафлейту, три кларнета, две арфы, пять гобоев, четыре валторны?..

– С валторнами у нас плохо, – прикинул сенатор Куче.

– Я достану валторны, – решительно заявил Рикко Силла.

– Прекрасно, – сказал Геннадий. – Теперь слушайте, друзья...

Через час Геннадий соскользнул по громоотводу прямо ко входу в отель "Катамаран". В отеле все шло по плану. В зале ресторана Джон Грей – Силач-Повеса накачивал "товарищей по оружию". Он стоял посередине огромного стола, размахивал большим, как флаг, эмпирейским велюром и пел:

*Пока на белом свете
Деньжатами разит,
Солдат в лихом берете
Всегда обут и сыт.
Все для тебя несложно,
Покуда ты – солдат!
Твой нож не дремлет в ножнах,
Кулак твой волосат!
А принципы надежно
В швейцарском банке спят!*

Захмелевшие ландскнехты бизоньими глотками восторженно рвали:

*А принципы надежно
В швейцарском банке спят!*

Официанты по знаку Джона Грея вкатывали все новые бочки не сравненного "Горного дубняка". Они были изумлены поведением международных музыкантов, но так как прежде никогда международных музыкантов не видели, то полагали, что так они себя и должны вести, эти международные музыканты.

– Эй, чертенок, – закричал Геннадию Пабст, – иди сюда! Ну-ка, глотни этого бальзама! Завтра ты исполнишь свое соло-пикколо, а чертенок – Он склонил к Геннадию свою дремучую рожу и вдруг прослезился. – Не зови меня, пожалуйста, гориллой, Джинни. Очень прошу, не зови. Разве я похож на гориллу? Разве у меня такие руки, как у гориллы? Разве у меня такие надбровные дуги?

– Именно такие, сэръ, – сказал Геннадий.

– Ну хорошо, допускаю... руки, дуги... – хныкал Пабст. – Но разве умеет горилла разговаривать, а, Джинни? Ведь не умеет же, а?

– Умеет, – сказал Джинн. – Горилла разговаривает не хуже вас, сэръ.

– Как? Горилла умеет разговаривать?! – взревел Пабст. Он встал и пошел вдоль стола, взывая к товарищам: – Ребята, горилла, оказывается, умеет разговаривать! Слыхали новость? Горилла! Умеет!

В конце стола он свалился.

Через час и все музыканты оркестра, включая солистов-виртуозов, были готовы. Официанты с большим трудом оттащили гастролеров в номера. Начался невыносимый концерт. Храп, носовой свист, стоны, дьявольский хохот и бредовые выкрики слились в потрясающую симфонию.

Тогда Геннадий и Джон Грей взялись за свое дело. Им нужно было закончить его, пока не явился с совещания маэстро Грегори фон Нифирогерг.

Во внутреннем дворе гостиницы возле пожарной лестницы уже ждали легоперы во главе с Рикко Силлой. Хозяин гостиницы, левый полузакитник дублирующего состава, был предупрежден. Геннадий и Джон Грей заходили поочередно во все номера и везде делали свое дело.

Работа была уже закончена, когда друзей застигли в коридоре звуки быстрых шагов и веселые голоса. Скрыться было негде. Джон Грей прислонил к стене футляр с контрабасом и на всякий случай сунул руку в карман, где у него лежал всегда пружинный нож.

Голоса приближались, и вот из-за угла коридора появилась группа людей, впереди которой крупным командирским шагом шла не кто иная, как... родная, личная, неповторимая бабушка Геннадия Мария Спиридоновна Стратофонтова!

Первым желанием Геннадия было, не раздумывая, броситься в объятия родному человеку. Вторым желанием было немедленно спрятаться за футляр контрабаса, что он и сделал. Бабушка! Его бабушка на Больших Эмпиреях! Уму непостижимо, как она сюда попала! Но что это? Рядом с бабушкой, отставая на шаг, шествует со своей застывшей улыбкой генеральный консул Старжен Фиц, а за ними несколько пенинградских, явно ленинградских девочек, и среди них Доллис, вернее, не Доллис, а самая настоящая Наташа Вертопрахова. А дальше группа почтенных эмпирейских и советских граждан, и отец Наташи, доктор геологических наук Вертопрахов, и огромный ленинградский поэт Борис Горошкин. Уж не снится ли это ему? Уж не галлюцинация ли это? Уж не результат ли это нервного напряжения?

Из-за контрабаса Геннадий услышал голос Наташи:

– Девочки, посмотрите, как похож этот бледный красивый музыкант на Джона Грея – Силача-Повесу! Бон суар, месье!

– Бон суар, мадемуазель! – быстро ответил "бледный красивый музыкант".

Геннадий схватил Джона за штанину.

В полном смятении чувств провел Геннадий всю ночь на Львиной лестнице. Тревожно вслушивался он в каждый шорох, вглядывался в темные воды бухты. Ни Доллис, ни Чаби Чаккерс не явились.

ГЛАВА XIV,

в которой над кашлем, хлопаньем и хрустом коленных суставов преобладает мощный голос Марии Спиридоновны а также звучат стихи огромного поэта

Благосклонный читатель должен простить автору то, что в этой главе он вынужден прервать описание напряженных драматических событий, оставить своего героя в сомнениях и тревоге на Львиной лестнице Оук-порта, и совершить не очень-то грациозный скачок в недалекое прошлое, в прохладные июльские дни города Ленинграда.

Было прекрасное дождливое утро, когда Наташа Вертопрахова приехала на дачу Стратофонтовых в Лисий Нос. Мария Спиридоновна в это время, напевая песенку "Мы парни brave, brave, brave... неумелыми пальцами мастерила котлеты, похожие на аэростаты заграждения.

– Мы должны действовать, – коротко сказала она, выслушав рассказ Наташи о вчерашнем лондонском звонке.

– Но как? – пролепетала растерянная девочка. – Мария Спиридоновна, я очень тревожусь за Генку, ведь он такой фантазер! Однажды в турпоходе наша группа столкнулась с огромным стадом. Стадо шло мимо нас очень долго, и все дрожали, боясь быка. И вдруг, представьте, мы видим – верхом на быке едет ваш внук, и бык помахивает хвостом словно обыкновенное домашнее животное...

– Моя школа! – не без гордости сказала подполковник. – Я совершенно не боюсь за Геннадия: он смелый, находчивый и благородный мальчик. Но мы должны действовать, мы должны узнать хотя бы, что там происходит.

– Но как? В газетах совсем ничего не пишут об этой маленькой стране.

– Мы должны поехать на Большие Эмпирей!

– Мария Спиридоновна, но это же нереально!

– Нереально? – сверкнула очами штурман, смешала в бесформенную массу "аэростаты заграждения", вышла и вернулась в голубую аэрофлотской форме с орденской колодкой.

И при взгляде на нее Наташа поняла, что это реально, что все реально, что в мире нет ничего нереального.

Бабушка начала свою деятельность с Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Здесь в кратчайшие сроки она проштудировала все материалы по Республике Большие Эмпирей и Карбункл. Помогла и семейные архивы. В частности, в походном сундучке адмирала бабушка обнаружила русско-эмпирейский словарь, составленный врачом клипера "Безупречный" Фогель-Кукушкиным. В результате не прошло и недели, а Мария Спиридоновна уже прекрасно разобралась

в истории, этнографии и экономике далекой, но близкой страны и могла сносно объясняться по-эмпирейски.

После этого бабушка обратилась с запросом в общество "Альбатрос", которое занималось культурными связями с народами Океании.

– Увы! – сказал научный консультант. – Наши связи с Большими Эмпиреями очень ограничены. Мы пытаемся наладить с ними обмен книгами, картинами, просто добрым словом, но увы... страна эта так далека, а их единственный дипломат Старжен Фиц, проживающий в Токио, не отвечает на наши письма.

– Это дело поправимое, – энергично сказала бабушка, и консультант приободрился.

Бабушка направилась в соответствующие организации с предложениями усилить работу "Альбатроса" по части связей с Большими Эмпиреями. Соответствующие организации отнеслись к ее предложениям положительно.

– Пусть сокращаются большие расстояния, – сказали они. – А вам, Мария Спиридоновна, спасибо за хорошую инициативу. Видим, что есть у вас еще порох в пороховницах.

Порох у бабушки действительно был. С невероятной энергией она взялась за дело. Вскоре в общество влились три коллективных члена: фабрика мягкой игрушки № 4, крупный северный аэропорт и огромный ленинградский поэт Борис Горошкин. Почетным президентом общества был избран один из первых русских дарвинистов академик Флюоресцентоф. Надо ли говорить о том, что во всех начинаниях содействовала Марии Спиридоновне юная чемпионка Наталья Вертопрахова. Добровольным курьером крутился вокруг на общественных началах наперсник детских игр Валька Брюквин. В Страну Восходящего Солнца полетели телеграммы. Ответа не последовало. Бабушка села на телефон. Двое суток она не сомкнула глаз, разыскивая Старжена Фица через муниципалитет и полицейское управление японской столицы. Наконец в трубке послышался кашель.

– Господин Старжен Фиц! С вами говорят из общества "Альбатрос"! – закричала бабушка.

– Очень, очень, очень... – послышалось в трубке.

Потом все стихло.

– Господин Старжен Фиц! – крикнула бабушка.

– Очень приятно, мисс, – сразу же отозвался приветливый старческий голос.

– Я не мисс! – крикнула бабушка.

– Пардон, мадам, – скрипнул Старжен Фиц.

– Я не мадам!

– Как же мне вас называть?

Бабушка на миг растерялась. Действительно, как же ему ее называть? Ведь не "товарищем штурманом", в самом деле...

– Зовите меня Марией! – крикнула Бабушка.

– Мария! – закричал Старжен Фиц. – Мария, Мария, Мария...

– Господин генеральный консул, почему вы не отвечали на наши телеграммы? – спросила бабушка.

– Не было средств, – хлопнул носом консул. – Конъюнктура в
время падает, Мария. Тресты душат мелкого буржуа.

– Господин Старжен Фиц, мы приглашаем вас на переговоры
вопросу культурных контактов между нашими странами.

– С едой?

– В каком смысле?

– Кроме дороги, гостиницы и карманных денег, еда оплачивается

– Уж будьте уверены! – теряя терпение, гаркнула бабушка.

Повесив трубку, она вдруг изумилась: весь разговор с эмпирейским
дипломатом шел на чистом русском языке!

Итак, на средства двух коллективных членов общества, (фабри
мягкой игрушки № 4 и крупный северный аэропорт) старина Старж
Фиц снялся с насиженного места и прибыл самолетом в Ленинград

Общество встречало почетного гостя почти в полном составе,
исключением Бориса Горошкина.

Дипломат был прекрасен в расшитом золотом мундире и в тради
онном головном уборе, отдаленно напоминавшем поварской колпак.
хрустом преклонив колено, он, пощелкав бетон аэропорта, обвел р
ками пространство и воскликнул:

– Узнаю! Все встало в памяти, господа! Ведь я, господа, стар
петербуржец!

В это время радио любезным голосом сказала:

– Господин Севрюгин Феликс Вениаминович, прибывший из Токи
вас встречает ваша сестра Таисия. В руках у Таисии гладиолус.

Вскрикнув от радости, Старжен Фиц заключил в объятия ближайшу
старушку с гладиолусом.

– Тасенька, родная! Ничуть не изменилась! Ни капельки!

Старушка вырывалась до тех пор, пока не подошла настоящая Т
сенька, которая тоже за шестьдесят лет "ничуть не изменилась".

По дороге из аэропорта в "Асторию" дипломат проявлял вежливо
но настойчивое любопытство:

– Этот у-ни-вер-маг частный? – спрашивал он Марию Спиридоновн

– У нас, Феликс Вениаминович, все государственное, – поясня
бабушка.

– Да-да, понимаю, – сочувственно кивал Старжен Фиц. – Я все п
нимаю, Мария. Скажите, а эти "Фрукты-овощи" частные?

– Все государственное, – терпеливо говорила бабушка.

– Да-да, все, абсолютно все! А эта парикмахерская частная?

– Феликс Вениаминович, – немного даже рассердилась бабушка.
вы же русский человек! Неужели не понимаете! Ничего у нас нет час
ного, и никакие монополии на нас не дают.

В честь высокого гостя общество устроило обед в ресторане Дог
архитектора.

Обед прошел на замечательном уровне, если не считать того, ч
гость то и дело убежал на кухню и совал нос во все кастрюли.

В конце обеда поэт Горошкин, который, конечно же, на сей р
присутствовал, прочел начало новой поэмы:

*Эмпиреи!
Я немею!
Чую ветер голубой!
Чую, но не очумею!
Ближе берег мне родной!*

– Браво, вы просто Апухтин! – воскликнул Старжен, отчего огромный поэт едва не подавился стручком.

После обеда Старжен Фиц и Мария Спиридоновна удалились на деловое совещание.

– Ну вот, господин генеральный консул, вы познакомились теперь с членами нашего "Альбатроса", – начала Мария Спиридоновна. – К сожалению, наш президент академик Флюоресцентов уже много лет прикован к постели.

– Прикован к постели? – воскликнул Старжен Фиц. – А чем его печат?

– Думаю, что антибиотиками, – ответила Мария Спиридоновна.

– Аку! – закричал консул. – Аку, аку, аку. – Он замолчал с застывшей улыбкой на устах.

Привыкшая уже к этому феномену, бабушка спокойно выждала.

– Аку, аку-пунктура! – завопил консул. – Только иглоукальвание спасет нашего друга. Берусь за умеренное вознаграждение поставить академика на ноги. Я лучший знаток тибетской медицины в Юго-Восточной Азии, и если бы не интриги...

– Давайте вернемся к этому позднее, – сказала бабушка. – Не веритесь, пожалуйста, господин генеральный консул.

– Что делается на кухне? – спросил Старжен Фиц, тревожно прихиваясь.

– Моют посуду, – начала сердиться бабушка.

– Чем? – вскричал дипломат. – Неужели они обходятся без порошка "Сальвиола"? Я немедленно берусь доставить пробную партию этого чудо-порошка! Об условиях договоримся.

– Господин генеральный консул! – повысила голос бабушка.

– Дайте вашу руку, Мария! – прошептал дипломат. – Нет, левую. Бугор Венеры, Мария, у вас резко выделен, линия таланта уникальная и пересекается с линией чести. Бойтесь первых двух дней полнолуния, Мария. Эти дни...

– Послушайте, перестаньте пороть этот вздор! – вскричала бабушка. – Я бывший штурман авиации, прошла всестороннюю подготовку. Понятно? Мы хотим послать в вашу страну культурно-спортивную делегацию. Как вы и ваше правительство посмотрите на это?

– Милости просим! – возопил Старжен Фиц. – Я буду вам сопутствовать, конечно с едой, и сам с удовольствием познакомлюсь со своей страной.

– Вы хотите сказать, что вы...

– Да, Мария, я никогда не был в своей стране. Увы, Мария, таковы гримасы нашей потусторонней жизни!

Мария Спиридоновна почувствовала сильное головокружение, как будто вошла в пике.

– Так, – сказала она, выходя из пике. – Состав делегации таков. – глава. Одновременно собираюсь выступить в соревнованиях по баттерфляю и по прыжкам с трамплина. Поэт Горошкин прочтет стих. Доктор геологии Вертопрахов расскажет о разведке наших и зарубежных недр. Его дочь Наталья возглавит команду “Юная грация”. По-моему, состав очень представительный.

– В высшей степени представительный! – воскликнул генеральный консул. – Мужчинам могу предложить чикагские носки и запонки, а вам, дамы... – он заговорщически подмигнул, – ожерелья из почти настоящего жемчуга. За все одиннадцать рублей девяносто копеек.

– Эх, Феликс Вениаминович, Феликс Вениаминович, – покачал головой бабушка, – как крепко засел в вас этот дух наживы...

Итак, в то время, когда наш герой совершал тайный рейс в компании наемников, делегация “Альбатрос” на совершенно законных основаниях продвигалась к Большим Эмпиреям лайнером компании “ПАВ АМ”. Аллигейтор, Румпельштильцхен и другие агенты Интерпола все рейсы до Зурбагана не сводили глаз с суетливого Старжена Фица, также с поэта Горошкина, который брал на карандаш зарубежные впечатления.

Любезный читатель, еще раз прими мои извинения за вынужденное отступление в недалекое прошлое. Дай руку, мой благосклонный друг, и мы вместе, набравшись мужества, подойдем к порогу решительных и яростных событий.

Дело в том, что, пока я рассказывал об обществе “Альбатрос”, тропической ночи близ атолла Фео, в полукабельтове от мирно дремавшего на якоре “Алеши Поповича” всплыла пиратская подлодка “Голубой кит”.

Чаби Чаккерс, посланный Доллис, опоздал...

ГЛАВА XV,

и последняя, в которой смешались все звуки

В канун Дня Кассиопеи популярнейшая на островах газета “Ежедневный фонтан” опубликовала статью:

“С праздником, дорогие друзья!

Мы рады сообщить вам, что в этом году День Кассиопеи будет особенно торжественным. Успехи наших мужественных легоперов, особенно последние победы над финским банановозом, либерийским бензовозом и норвежским жировозом, создали нашей маленькой стране международную известность.

Мы рады приветствовать здесь культурно-спортивную делегацию общества “Альбатрос” во главе с госпожой Марией. Кстати, сообщаем, что вчера госпожа Мария (рост 185, вес 90) показала в плавании баттерфляем лучший результат сезона. Bravo, Мария! Так держать! Мы надеемся, что ленинградская команда “Юная грация” полностью устранила последствия печального недоразумения с фрегатом “Алеша По

пович". Мы посылаем свой привет экипажу этого научного галеона! Не обижайтесь на нас, дорогие друзья! Милости просим!

Гвоздем завтрашней программы безусловно явится выступление огромного международного оркестра под управлением выдающегося маэстро Грегори фон Нофирогерга. Он исполнит Второй концерт для фортепиано с оркестром Чайковского, а также сюиту известного композитора-авангардиста Джорджа Садовника "Скандал на центральном вокзале".

Праздник закончится массовым булонгом вокруг памятника спасителю нашей свободы Серхо Филимоныч Страттофудо. Мы надеемся, что даже у наших братьев с острова Карбункл будет в этот день сносное настроение".

И вот перед нами, читатель, центральная набережная Оук-порта, запруженная праздничной, яркой толпой. На эстраде покоряют сердца юные мастерицы художественной гимнастики. На трибуне для почетных гостей, в центре, восседает мадам Накамура-Бранчевска в царственно прекрасном наряде с ожерельями, браслетами и диадемами. На помосте для оркестра, кряхтя, стеная, держась за затылки, глотая таблетки, kloкоча пивом, усаживаются виртуозы.

Легкой пружинистой походкой поднялся маэстро Грегори фон Нофирогерг. Поглаживая ассирийскую бороду, подкручивая огненно-рыжие кудри, постукивая узловатой палицей, блестя сумасшедшим огнем сквозь темные очки, он прошелся среди своих музыкантов, ободряя их:

– Выше головы, шакалы! Кто хочет опохмелиться, опохмеляйтесь! Главное, чтобы руки не дрожали.

Геннадий со своей флейтой-пикколо (миниатюрным автоматом "Стенли") прятался в глубине, за футлярами арф. Он дрожал от возбуждения: пройдет ли все так, как он задумал, не подведут ли простые леоперы?

Буги-Нофирогерг подсел к нему и зашептал на ухо:

– Смотри, малыш, королева на месте. Только короны пока не хватает, но я уверен, что и корону она уже припасла. Ждет начала концерта, ждет, когда я сброшу бороду и парик и объявлю ее владычицей Больших Эмпиреев и Карбункл. Ха-ха! Представляю ее вид, когда я объявлю. Объявить-то объявлю, да только не ее. Ну, малыш, устроим мы сегодня фестиваль! Первым делом открою огонь из минометов по памятнику! Минометики-то у меня в контрабасах или как?

– В контрабасах, сэр! – подтвердил Геннадий.

– А ведь правда неплохая идея с оркестром? – ухмыльнулся Буги. – Голова у меня пока что работает, а, Джин? Только эти олухи разинут рты, чтобы послушать Чайковского, как мы достанем свои игрушки. Только сперва еще один сюрприз будет. Увидишь – закачаешься!

Маэстро фон Нофирогерг похлопал мальчика по плечу и отправился поднимать боевой дух струнной группы.

Геннадий тревожно обвел взглядом набережную, пеструю толпу, в первых рядах которой сидели на чемоданах леоперы во главе с Рикко Силлой, трибуну для почетных гостей, среди которых сидела его до-

рогая бабушка, доктор Вертопрахов и поэт Горошкин. Что это за сюрприз, о котором сказал Буги? Почему не пришла на Львиную лестницу Доллис? Куда исчез Чаби Чаккерс?

Послышались бешеные аплодисменты и крики "Увай-увай", которыми эмпирейцы выражают восторг. Команда "Юная грация" покидает круглую эстраду. По радио объявили:

"А сейчас выступит юная ленинградская чемпионка Натали Вертуго! Вы увидите изящество и мощь, скромность и артистизм!"

Снова послышались хлопки и крики "Увай-увай", но вдруг эти веселые звуки были перекрыты низким утробным воем судовой сирены.

Из-за углового бастиона появился благородный нос корабля нау "Алеши Поповича". В толпе произошло сильное движение, послышались приветствия, но потом воцарилось смущенное молчание. Эмпирейцам было стыдно за тот ужасающий день, когда "Алеше Поповичу" пришлось покинуть гавань. Споры об этом инциденте кипели весь месяц в барах и кафе, и все сошлись на том, что хотя во всем виноваты "кроты", но они, граждане Оук-порта, тоже хороши – повеселились какой-то ерундой, дешевой фальшивке.

В полном молчании "Алеша Попович" обогнул волнолом, пересек бухту и стал к стенке. Но что это? Вместо симпатичных, улыбающихся моряков на палубе орудовали какие-то мрачные типы в тропическом комбинезонах.

"Вот он, этот дьявольский сюрприз!" – похлопал, догадался Геннадий.

Благосклонный читатель, не обессудь, но сейчас нам с тобой придется вернуться к событиям прошедшей ночи.

Расставшись с Геннадием, Доллис бросилась в кабинет своей "матери". Она едва успела спрятаться в огромной китайской вазе, как в кабинет, побрякивая кубиками льда в бокалах, вошли заговорщики. Не прошло и получаса, как девочка услышала обо всем: и об автоматах скрипичных футлярах, и о плане захвата с провокационной целью "Поповича", и о том, что завтра ее "мать" станет королевой Эмпирейской.

– Ты просто гений, Дик, – волнуящим голосом сказала мадам. – Было так гениально придумано, что неудачи быть не может. Ну, а на крайний случай я припасла еще кое-что. – И она сказала такое, что Доллис едва не потеряла сознания.

Едва бандиты покинули кабинет, Доллис ринулась к бассейну, звала Чаби и приказала ему мчаться с советскому судну, чтобы предупредить об опасности. Чаби тут же без лишних разговоров ушел в глубину, а Доллис побежала было уже в город на свидание с Геной, когда вдруг была застигнута задыхающимся глыбоподобным Кафро Латифудо.

– Эй, девчонка, то есть ваше высочество! – прохрипел он. – Приказано вас препроводить в ваши покои и, будь оно проклято, не сходить от вас ни на шаг.

– Это кем же приказано? – закричала Доллис, пытаясь вырваться.

– Мамашей твоей, то есть ее величеством. Не отходи, говорит, ни на шаг.

шаг, все равно, говорит, ни на что больше не годишься. И это мне, кандидату в сенаторы! Вот она, монархиня, шутить не любит! – Латтифудо икнул, отчего с соседнего дерева сразу поднялось несколько птиц.

– Пустите, чудовище! – крикнула Доллис.

– Не пуцу, сокровище! – хмыкнул Латтифудо.

Мы уже знаем, что Чаби Чаккерс опоздал. Что подделаешь – радиосигналы обгоняют даже дельфинов! Получив по радио приказ, "Голубой кит" взял на бордаж мирное научное судно.

Приблизившись к судну, Чаби Чаккерс увидел, что на борту его кипит схватка – безоружные моряки и ученые пытались дать отпор вооруженным до зубов бандитам. Могучий Шлиер-Довейко направо и налево крушил квадратные челюсти "рыцарей Запада". Друг его Володя Телескопов оборонялся плотницким инструментом. Капитан Рикшетников, помполит Хрящиков и несколько матросов героически защищали радиорубку, откуда Витя Поповичатый вещал всему миру о беспрецедентном пиратском нападении на мирный советский корабль.

Надо сказать, что рукопашная схватка складывалась отнюдь не в пользу тренированных по специальной методике пандскнехтов. Особенно туго им пришлось в районе камбуза, где как Есеналиев со своими артельщиками встретили их остатками вчерашнего борща, кашей, люре, прочими гарнирами, струями томатного сока и компота.

Однако затрещали автоматы, пролилась кровь, и капитан Рикшетников приказал прекратить бессмысленное сопротивление. Увы, пули есть пули...

Наемники согнали весь экипаж в помещение столовой. Возле каждого иллюминатора встали автоматчики. С подводной лодки на борт "Алеши Поповича" началась спешная погрузка какого-то старого оружия, ржавых винтовок, поломанных минометов и пулеметов. В этом и состоял зловещный план Ричарда Буги: показать наивным эмпирицам, что "Алеша Попович" набит оружием, что советские моряки вовсе не исследовали прибрежный шельф и впадину Яу, а, напротив, готовились захватить их маленькую страну.

Чаби Чаккерс в ярости от бессилия и невозможности помочь друзьям кружил вокруг "Алеши Поповича". Вдруг он услышал крик:

– Эй, да это, никак, ты, сержант?

С борта "Поповича" свешивался долговязый татуированный детина. Чаби сразу узнал его и хрипло выругался.

– Годдем! Это ты, Фрэнки Карбо! Мало тебе Мьетвиня, сукин сын!

– Здесь мне побольше платят! – хвастливо крикнул Фрэнки.

– Чтоб ты подавился этими деньгами, ублюдок! – гаркнул дельфин.

– Плачет по тебе военно-полевой суд, дезертир! – заорал Фрэнки.

– Рыви плачет! – рявкнул Чаби, выпрыгнул из воды, схватил своими могучими челюстями негодяя за чуб и увлек его в пучину. Одним бандитом в мире стало меньше.

Между тем в помещение столовой вошел элегантный господин в светлом костюме, мистер Кингсли Брейнвен Мамис.

– Господин капитан, господа! – вежливо обратился он к экипажу

“Поповича”. – Вы можете чувствовать себя почти в полной безопасности. От вас требуется очень немного. Нужно, чтобы по приходу в Оук-порт один из вас – предпочтительно вы, господин капитан, выступил перед населением и рассказал всю правду.

– Какую правду? – спросил, скрестив руки на груди, Рикошетников.

– Нужно снять маску, сэр, – улыбнулся Мамис. – Рассказать народ о военном характере вашей экспедиции, о планах захвата этих живописных островов. Ведь ваше судно напичкано оружием, буквально нафаршировано им, сэр.

Рев возмущения вырвался из десятков глоток. Рикошетников встал.

– Никто из нас никогда не пойдет на это. Ваша провокация обречена на провал.

– В таком случае вас всех придется уничтожить, – печально улыбнулся Мамис.

– Наше правительство этого так не оставит, – спокойно сказал Рикошетников. – Шутите с огнем, мистер.

– Ваше правительство далеко, а наши автоматы близко. – Мамис посмотрел на часы. – Десять минут на размышление, господа. После этого откроем огонь.

Прошло пять минут. Мамису стало не по себе под взглядами этих словно высеченных из камня лиц.

– Начнем с вас, капитан, – пробормотал он.

– Благодарю за честь, – усмехнулся Рикошетников.

“Крепкие ребяташки, – нервно подумал Мамис. – Неужели придется стрелять? С советскими действительно шутки плохи”.

– Отдаю должное вашему мужеству, господа, но я тоже выполняю свой долг.

– Грязный долг, – пробасил Шлиер-Довейко.

Прошло десять минут, когда вдруг поднялся плотник Володя Телескопов.

– Ну, ребята, раз уж никто из вас не хочет рассказать правду, тогда уж мне придется, – сказал он, почесывая в затылке.

– Английским владеете? – радостно крикнул Мамис.

– А как же, – ухмыльнулся Телескопов, – Сёртенли¹.

– Идите за мной!

Итак, “Алеша Попович” под взглядами тысяч глаз стал к стенке. Еще не были заведены швартовы и спущен трап, когда на палубе появились Кингсли Брейнвен Мамис и Володя Телескопов. Мамис взял в руки микрофон и сказал:

– С праздником, дорогие друзья эмпирейцы!

В толпе возник ропот.

– Кто этот иностранец? Что это за господин неприятной наружности? Что ему нужно на корабле дружественной страны?

Как бы ни были наивны эмпирейцы, но они сразу почувствовали недоброе.

¹ Конечно, разумеется (англ.).

Мамис улыбнулся:

– Господа, я представитель страны, которая ценит юмор, но не любит шутить. Наша довольно-таки мощная держава обожает малые страны. В доказательство этого я приношу на алтарь нашей дружбы этого жирного тельца, – он обвел руками судно, – это советский военный корабль. Да-да, господа, русские водили вас за нос. Они только делали вид, что исследуют океан, а на самом деле готовили захват Оук-порта. Но смелые люди помешали этим проискам!

– Ложь! – крикнули в толпе. – Русские – хорошие ребята!

– Согласен, – сказал Мамис, – это хорошие ребята, они очень хорошо стреляют из автоматов и взрывают дома. Вы сможете сами убедиться в том, что “Алеша Попович” буквально нафарширован оружием. Но прежде перед вами выступит псевдоплотник, а в действительности майор советской разведки Владимир Телескопов. Он расскажет вам всю правду. Пожалуйста, Владимир Екатеринович.

Мамис передал микрофон Телескопову. Володя малость засмутился, но потом, откашлявшись, заговорил на прекрасном эмпирейском языке.

– Значит, с праздником! Я тут у вас, товарищи, не первый раз гуляю. Еще в шестьдесят четвертом проезде из Халигалии за рубанком заезжал. Может, кто помнит?

– Еще бы не помнить! – закричали два эмпирейца, слесарь Фирциг и библиотекарь Градус. – Еще бы не помнить Володечку! Смутно припоминаем.

– Это очень даже приятно, что не забыли, – сказал Володя. – Ну, а что касается правды, так этот вот утконосый господинчик, – он показал через плечо большим пальцем на Мамиса, – со своим хулиганьем совершили против нашего корабля науки чистойшую международную провокацию. Никто их не приглашал на наше судно, а тем более с огнестрельным оружием. В таких условиях исследовать океанские глубины довольно-таки трудно, а ведь каждый знает, что океан – это будущее человечества! И насчет майорского звания брехня, потому что я ефрейтор запаса, действительную протрубил на складе “бэ-у” то есть подержанного обмундирования. Прошу представителей органов милиции подняться на борт и составить акт. Спасибо за внимание.

Взбешенный Мамис, не помня себя, выхватил из кармана пистолет и направил на Володю. Володя вытер нос рукавом и, набычившись, пошел на Мамиса.

– Стрелять хочешь, позорник? А ну попробуй, стрельни!

Толпа на мгновение оцепенела. Вдруг в воздухе что-то пронеслось, и все увидели на голове Мамиса огромного кота с развевающимся хвостом.

Пуша Шуткин, а это был он, могучими лапами растерзал прическу авантюриста, свалил его на палубу и взволнованно пропел:

*Мазстро Шуткин никогда
Не трогал человека,
Но сей мерзавец, господа,*

*Духовная калека!
Подонок белобрысый
Достоин быть лишь крысой!*

Толпа взревела и бросилась по трапу на борт "Алеши Поповича". Ничего не понимающие наемники тут же были разоружены советскими моряками и разгневанными эмпирейцами. Некоторые наемники прыгали за борт на радость Чаби Чаккерсу. Мамис рыдал в железных объятиях Шлиер-Довейко.

На набережной творилось что-то невообразимое. Геннадий ликовал, мадам Накамура-Бранчевска, покусав некоторое время свои прекрасные пунцовые губы, отбросила перламутровый веер и подошла к микрофону.

– Друзья, – сказала она своим глубоким голосом, и толпа сразу затихла, потому что привыкла прислушиваться к словам обаятельной дамы. – Друзья, давайте не будем нарушать нашего дивного, священного праздника. Наш народ издавна любил и понимал музыку. Клисины баронессы де Клиссон, находящиеся в моем доме, лучше всех слов говорят об этом. Итак, забудем все грубое, жуткое, некрасивое и предоставим слово скрипкам, фортепьяно, арфам, валторнам... Маэстро фон Нофирогерг, вуаля!

В тишине, наступившей после этих слов, четко простучали шаги удивительного дирижера. Он встал перед пультом, резко взмахнул своей палицей и рявкнул:

– Открыть футляры!

Наемники бросились к футлярам и стали извлекать оттуда на своих божий скрипки, контрабасы, виолончели, валторны. Изумлению их не было предела, и оно еще усилилось, когда они увидели, что из толпы на них смотрят их любимые игрушки – автоматы, гранатометы и даже маленькая безотказная пушка.

Маэстро фон Нофирогерг не верил своим глазам. Все закружилось перед ним, когда он увидел, что к нему приближаются, наставив автоматы, его верный паж Джин Стрейтфонд и Джон Грей – Силач-Повеса.

– Эй, шакалы, в чем дело? – заорал дирижер.

– Руки вверх! – крикнул ему Силач-Повеса, а Геннадий сорвал рыжий парик и ассирийскую бороду.

– Братцы, да это же Дик Буги! – закричали в толпе. – Ишь, пройдох! Мало его били в трактире "Синька"!

Перекрывая весь шум, над набережной прокатился голос народного любимца Рикко Силлы:

– Наемные убийцы, сдавайтесь! Вы все под прицелом!

В оркестре руки поползли вверх, послышались рыдания, кое-кто в том числе Горилла Пабст, потерял сознание. На эстраду мячико вспрыгнул сенатор Нуфнути Куче в своей неизменной майке с цифрой "3".

– Друзья! – закричал он. – Наш народ едва не стал жертвой заговора этой недостойной дамы Накамура-Бранчевска и известного всем на

мошенника Ричарда Буги. Заговор сорван, дорогие друзья, и сорван он благодаря вот этому храброму мальчику! – Нуфнути Куче положил руку на плечо Геннадию. – Этот мальчик, друзья, советский пионер Геннадий Стратофонов, прямой потомок нашего памятника, русского адмирала Серхо Филимоныч Страттофудо!

Восторженный рев потряс набережную. В воздух взлетели шляпы. Радостно загудел "Алеша Попович".

Геннадий стоял, вытнувшись в струнку, и, что греха таить, слезы застыли у него на глазах. Сквозь эти слезы он видел только свою дорожку бабушку, которая широкими плечами прокладывала к нему путь в толпе. Движения ее, как всегда, напомнили баттерфляй.

– В знак нашей глубокой признательности мы награждаем Геннадия Стратофопова "знаком Почетного Эмпирейца"! – торжественно провозгласил сенатор и повесил на шею Геннадия якорек с припаянной к нему старинной монетой.

К сожалению, любезный читатель, на этом наше повествование не кончается, и ты должен временно сдержать вздох облегчения, слезы умиления и даже жизнерадостный смех.

– Проклятый щенок! Предатель! – вдруг завопил не своим голосом Ричард Буги.

Отпрыгнув в сторону, он метнул прямо в Геннадия свою палицу, на конце которой сверкнуло в лучах солнца тонкое стальное жало. С горнанным криком наперерез палице бросился Джон Грей – Силач-Повеса и рухнул к ногам Геннадия, пораженный в грудь.

Геннадий упал на колени рядом с другом. Джон Грей, оскалив зубы, катался по помосту и пытался вырвать из своей груди страшный клинок.

– Джон, не надо! Не трогай нож! – отчаянно закричал Геннадий, но было уже поздно.

Обезумевший от боли, Грей вырвал из груди клинок, кровь брызнула фонтаном.

– Джон! Джон! – кричал Геннадий, пытаясь зажать рану.

Мгновенно побледневший как полотно, Джон Грей улыбнулся – боль оставила его.

– Прощай, Гена, – проговорил он. – Ты парень первого класса.

– Доктора! – закричал Геннадий. – Джон, подожди...

– Доктора уже не нужно... – проговорил еле слышно Джон Грей. – Послушай, Гена, может, я не совсем правильно жил, но умираю я правильно. Напиши об этом Рите и Нелли. – Он снова улыбнулся. – А все-таки что-то было, что-то было... при свете лунном кружились пары...

Голова легендарного Силача-Повесы бессильно упала набок. Потрясенный этой мгновенной трагедией, мальчик некоторое время не мог двинуться с места. А набережная тем временем бурлила в какой-то хаотической неразберихе.

Сжав зубы, Геннадий вскочил на ноги.

– Где Буги? Схвачен? Где мадам? – спросил он Рикко Силлу.

– Буги? Мадам? – растерянно переспросил Силла. – А черт их знает, где они. Куда-то ушли.

Простодушные эмпирейцы и не подумали задерживать преступни-

ков. Они вообще не привыкли кого-то задерживать, хватать, преследовать.

Из толпы вынырнула и подбежала к Геннадию Доллис. Она была в купальном костюме, мокрая, задыхающаяся, с расширенными до невероятности глазами.

– Геннадий, быстрее... За мной гонится Латтифудо... я проплыла через тоннель... Они, мать и Буги, удрали катером на Карбункл... Я все узнала, они хотят взорвать наш вулкан, вызвать извержение, чтобы началась паника. Они приготовили это давно, на крайний случай. Кабель проложен по дну пролива, в катере тротил...

В этот момент к мальчику наконец пробрались бабушка и Наташа.

– Геннадий, дорогой! – вскричала Мария Спиридоновна, заключая внука в могучие объятия. Каково же было ее удивление, когда внук ускользнул из ее рук.

– Извини, бабуля, мне нужно бежать.

Краем глаза Геннадий заметил, что Доллис и Наташа с удивлением смотрят друг на друга. Доллис в купальнике казалась почти зеркальной копией Наташи, одетой в спортивное трико, и наоборот.

Сломав голову Геннадий бросился к бухте. Сильно оттолкнувшись от стенки, он прыгнул в воду и поплыл стремительным кролем.

Вскоре он почувствовал, что за ним плывет кто-то еще.

Он оглянулся и увидел Доллис.

– Доллис, – крикнул он, – где сейчас Чаби Чаккерс?

– Я не Доллис! Я Наташа! – последовал ответ. – Ту девочку схватил какой-то безобразный толстяк.

– Только тебя тут не хватало, Наташка! – рассердился Гена. – Поворачивай назад! Чаби! Чаби! О-оо-н-н-н-э-э-э-у!

Дельфин вынырнул из глубины в воротах порта.

– Забирайтесь! – крикнул он. – Держитесь крепче!

– Чаби, видишь впереди пенный бурун? Нужно догнать этот катер – прокричал Геннадий.

– Вас понял! Попробую!

Чаби достиг берега Карбункла в тот момент, когда Накамура-Бранчевска, подобрав королевское платье, и Ричард Буги с развевающимися фалдами фрака карабкались по крутой тропинке вверх. Геннадий и Наташа устремились за ними.

Сквозь колючие заросли, по дорожкам парка, по мягкому мху и песку мальчик и девочка выскочили на холмистое плоскогорье, над которым возвышалась старинная башня – место первого заточения Геннадия. Между деревьев мелькало королевское платье и дирижерский фрак. Мадам и Буги бежали к башне. Вскоре они исчезли из виду.

– Стой, Наташка! – скомандовал Геннадий, когда они оказались у подножия мрачного сооружения.

Наташа расширенными от изумления глазами смотрела, как Гена Стратофонов, этот ничем особенно-то не примечательный ее одноклассник, деловито отваливает какой-то валун, вынимает из ямки тляжелый автомат и ставит его на боевой взвод.

– Ты со мной не пойдешь, – сказал Гена, – это опасно.

– Я от тебя не отстану! – сердито сказала Наташа. – Чем я хуже этой твоей Доллис?

– Времени нет спорить! Пошли!

Они осторожно обогнули башню и увидели, что входная дверь не заперта. Геннадий шагнул первым и чуть не вскрикнул: нога его повисла в воздухе – пола в башне не было.

Геннадий понял, что каменный пол башни опускается и поднимается наподобие лифта. Он осмотрелся и увидел, что одна из щелей между камнями кладки шире других. Просунув в эту щель палец, он нащупал две кнопки и нажал верхнюю. Послышался тихий гул – из тьмы колодца поднялся пол. Мальчик и девочка вбежали в башню. Нажатие нижней кнопки – и пол пошел вниз.

Он остановился перед входом в длинный, слабо освещенный тоннель. Геннадий и Наташа ринулись вперед.

– Генка, скажи хотя бы, куда мы бежим? – спросила Наташа.

– Они хотят взорвать кратер вулкана и уничтожить город! – ответил на бегу Геннадий.

Тоннель резко повернул вправо, и впереди метрах в пятидесяти они увидели две мужские фигуры. Одного из мужчин Геннадий сразу узнал – это был Грумло, тот самый, что чуть не прикончил его в недалеком прошлом.

– Стой! – крикнул Геннадию Грумло. – Стрелять будем!

Геннадий увидел направленные на них карабины. Он остановился.

– Что вам здесь надо? – Охранники медленно приближались, держа пальцы на спусковых крючках.

Геннадий бросился на пол, выстрелил на лету в Грумло, а вторым выстрелом, уже с пола, сразил его напарника.

Перепрыгнув через неподвижные тела, мальчик и девочка бросились вперед. Еще один поворот, еще, еще, и вдруг перед ними открылась картина невысказанной красоты. За распахнутой стальной дверью был большой зал с огромной стеклянной стеной, и за этой стеной ветвились кораллы, колыхались стебли подводных растений, проплывали стайки рыб. Вот повис на своих крыльях, выпучив маленькие глазки, желтобрюхий скат. Из расселины показались щупальца осьминога.

Наташа и Геннадий, ошеломленные, стояли на пороге этого подводного зала. В зеленоватых сумерках, в фантастической игре света и тени они не сразу заметили тех, за кем гнались. Те, в свою очередь, тоже не видели их.

Несостоявшаяся королева Больших Эмпиреев и Карбункла и незадачливый основатель династии Буги-Вуги сидели в креслах перед каким-то сложным пультом и устало курили.

– Ты меня не бросишь, Дик, не предашь? – хриплым голосом спросила Накамура-Бранчевска. – Учти, у меня еще остались зубы.

– Включай, дарлинг! Устрой им фейерверк к праздничку! – усмехнулся Буги.

– Включаю первый заряд! – резко сказала мадам и повернула какой-то рубильник.

В следующую минуту Геннадий длинной очередью из автомата превратил пульт в дымящуюся искореженную кучу металла.

Мальчик и девочка вбежали в зал.

– Руки вверх, преступники! – крикнул Геннадий.

Подняв руки над головой, с искаженными от страха и ненависти лицами мадам и Буги медленно отступали к дверям.

– Опять это ты, дьяволенок, русский гаденьш, – шипел Буги.

– А это ты, моя доченька, ты, мое сокровище, – проговорила мадам гипнотизируя Наташу огромными страшными глазами. – Ты тоже с ним заодно... Ну так получай же! – Она вдруг дико вскрикнула, закинула правую руку за спину и резко выбросила ее вперед.

В воздухе просвистел аргентинский пружинистый нож. Геннадий едва успел вскинуть руку перед Наташиным лицом.

Нож пробил ему ладонь.

Буги бросился вперед, как бешеный зверь, но, наткнувшись на пулю, упал лицом вперед. Мадам скользнула в коридор.

Тяжелая бронированная дверь захлопнулась за ней.

– Гена, Геночка... – плакала Наташа, пытаясь вытащить нож из ладони мальчика. Вскоре ей это удалось. Хлынула кровь.

– Разорви мою рубашку и затампонируй рану, – сказал Геннадий. – Сейчас главное – придумать, как выбраться отсюда...

– Сейчас нам всем будет конец, – вдруг прохрипел Буги.

– А вы еще живы, император? – усмехнулся Геннадий. – Почему же нам всем конец?

– Сейчас увидишь, – странным тоном сказал Буги и приподнялся на локтях.

Он смотрел прямо на стеклянную стену, отделяющую зал от дна океана.

Минуту спустя стена стала медленно подниматься.

Вода хлынула в зал и сразу поднялась до колен. Буги жутко захотел:

– У этой бабы все здесь предусмотрено. Так что, Джин, пиши пропало... Глубина семьдесят пять метров... Ты меня победил, но и сам пойдешь акулам в зубы. Встретимся в аду, разберемся. Или ты считаешь, что попадешь в рай?

Вода, бурно клокоча, вливалась в зал. Вот она уже поднялась до груди.

Раскинув руки и ноги, Ричард Буги лежал в воде на спине и продолжал дико хохотать. Ясно было, что он окончательно спятил.

– Кажется, мы погибаем, Наташа, – шепнул Геннадий.

– Кажется, да, – ответила девочка.

Геннадий был поражен ее спокойствием. Наташа только закусила губы, чтобы не закричать от ужаса.

– Плыви за мной! – отчаянно крикнул Геннадий и поднырнул под стеклянную стену.

Они успели проплыть через заросли кораллов. Теперь под ними была бездонная черная бездна, а наверху, очень высоко, безнадежно высоко, разливалось солнечное сияние.

Геннадий обернулся и увидел стройную фигурку девочки, отчаянно рвущуюся вверх.

– Ооооуууииеееау! – позвал Геннадий, и все закружилось перед ним в немыслимом последнем хороводе.

Страшная тяжесть со всех сторон сдавила тело. Последнее, что он увидел, было раздутое пунцовое чудовище с огромными трагическими глазами, поднимающееся из глубины.

“Рыба намадзу, – вспомнил мальчик. – Она предвещает землетрясение...”

После этого он потерял сознание.

Доктор геологических наук Вертопрахов сиял от редкого счастья, выпавшего на его долю. Он стоял, обняв за плечи левой рукой дочь свою Наташу, а правой – ее зеркальную копию Доллис. Многочисленные корреспонденты эмпирейских газет окружали красивую троицу, красивую потому, что ученый тоже не был лишен своеобразной мужской красоты.

– Да, господа, Доллис – моя дочь и ее настоящее имя Даша, то есть Дарья. Даша и Наташа – близнецы, родившиеся в Ленинграде с интервалом в четыре минуты. Неопровержимым доказательством являются своеобразные родинки, похожие на маленьких бабочек, расположенные у Даши под правым, а у Наташи под левым ухом. В этом легко убедиться, откинув соответствующие пряди.

Девочки легко откинули соответствующие пряди и показали изумленным корреспондентам совершенно одинаковые родинки.

– Типичные однояйцевые близнецы, – прошептал биолог Верещищев.

– А дело было так, – продолжал Вертопрахов. – В середине пятидесятих годов мы с моей женой, крупным теоретиком и практиком, возглавили геологическую экспедицию в дружественной нейтральной Бирме. Мы объяснялись с инженерами-бирманцами по-французски, и поэтому местное население принимало нас за французов. Наши малютки были с нами, и, представьте себе, господа, тропики ничуть не вредили их развитию. Целыми днями крошки играли среди бурной бирманской растительности, забавляясь с мангустами, желтопузиками, шакалятами.

Однажды из джунглей выскочил бешеный слон с несколькими безумцами на спине. Злоумышленники пытались разрушить наш лагерь, но получили достойный отпор и скрылись...

Увы, вместе с ними исчезла одна из наших дочек... Пропала Даша... – сказал он неуверенно и, помолчав, добавил: – А может быть, Наташа... – Он смущенно хихикнул.

– Как, папка? – воскликнула изумленная Наташа. – Значит, может быть, это я пропала?

– А я, может быть, осталась? – вскричала Доллис-Даша.

– Да-да, вполне возможно... – пробормотал ученый муж.

– А как же родинки? – спросил один из журналистов.

– Дело в том, что мы с женой все время путали, у кого из дочерей

под каким ухом... – Вертопрахов мучительно покраснел. – Геологический кабинет господина, в то время поглощала все наши мысли. Сейчас, конечно, другое дело... Наташенька, Дашенька, доченьки мои! Мама будет очень удивлена, увидев вас вместе.

– Вы не будете обижаться, если я опишу этот любопытный случай в новой поэме? – спросил огромный поэт Горошкин.

– Будьте любезны, опишите. Буду вам даже признателен, если опишете.

“Внимание! – сказала радио. – Объявляется посадка на самолете компании “Кассиопея”, выполняющий рейс Оук-порт – Зурбаган”.

Да, дорогой читатель, интервью это происходило на аэродроме Дряхленький “Дуглас-Дакота” уже гостеприимно распахнул перед пассажирами свою ненадежную дверь. Значительная группа наших героев должна была улететь на нем в Зурбаган, чтобы там переселиться на какой-нибудь реактивный лайнер.

Читатель, конечно, уже догадался, что Геннадий и Наташа были спасены глубоководной полумифической рыбой намадзу. Именно он – случайно или сознательно – вынес два тела на поверхность, где они были подхвачены верным и неутомимым Чаби Чаккерсом.

Сейчас пришла пора прощаться. Весь Оук-порт собрался на аэродроме, чтобы проводить на родину своего нового героя Джина Д’Эдуардас Страттофудо, его бабушку Марию и других членов общества “Альбатрос”.

– Ну, Геннадий, – говорили, заключив мальчика в объятия, президент Токтомуран Джечкин, сенатор Нуфнуту Куче и лучший легионер вселенной Рикко Силла. – Мы не говорим тебе “прощай”, мы говорим “до свидания”. Ты и твои товарищи многому нас научили. Мы теперь не будем так простодушны, мы будем бдительны, мы будем отстаивать свою независимость.

– Друзья мои, держите порох сухим, – посоветовал на прощанье мальчик, с трудом сдерживая слезы.

– До скорой встречи в Питере, Гена, – сказал капитан Рикошетников. – Мы еще с вами поплаваем, дружище.

“Алеша Попович” после бандитского нападения должен был стать на малый ремонт в Оук-порте, и поэтому Геннадий был вынужден и брать воздушный путь, чтобы не опоздать к началу учебного года.

– Если бы не учеба, Николай, вы понимаете, я бы никогда... – прошептал Геннадий, опять же пытаясь сдержать слезы. – Шесть футов под килем, Николай!

– На “Поповиче” будет пусто без вас, Геннадий, – пробасил Шлиер-Довейко. – Скорее кончайте образование, будь оно неладно, и идите к нам.

– Привет городу-герою и вашей пионерской организации, – дрогнувшим голосом сказал Хрящиков.

– Пока, Генок, – шлепнул его по спине ладошкой Володя Телесков. – В гости приеду, не выгонишь?

– Геннадий, помните, ваша будущность в науке, – сказал гидробиолог Верестищев, – а гидробиология – это наука будущего.

– Поцелуйте моего Чаби, – шепнул ему Геннадий.

И вот старенькая "Дакота", отчаянно тарахтя, поднялась в закатное небо и взялась описывать прощальный круг над Оук-портом.

Припав к окну, Геннадий, уже не скрывая слез, смотрел на черепичные крыши, на блестящие мраморные мостовые, на многочисленные памятники, среди которых выделялся памятник его предку, на прозрачные до самого дна бухты воды, на "Алешу Поповича", на все, что стало ему таким близким и родным.

Самолет начал набирать высоту, и в поле зрения всплыл эмпирейский вулкан, над которым теперь, после взрыва (к счастью, только одного), как в былые незапамятные времена, колыхался султан розового дыма.

Самолет лег на курс... Показались мрачные базальтовые отвесы острова Карбункл.

– Смотрите! – вдруг в ужасе закричала Доллис-Даша. – Смотрите, это она!

Со стороны острова Карбункл к "Дакоте" стремительно приближался остроносый реактивный истребитель.

– Она вылетела прямо из той скалы! – крикнула Доллис. – Это мадам, она сейчас будет стрелять!

Накамура-Бранчевска не торопилась сбивать беззащитную "Дакоту". Некоторое время она летела вровень с ней в опасной близости, так что было даже видно ее бледное лицо и мстительно улыбающиеся пунцовые губы. Потом истребитель свечкой ушел в зенит.

"Сейчас будет заходить на атаку", – догадалась Мария Спиридоновна. Она вскочила и бросилась в пилотскую рубку. Оттолкнув растерявшегося парнишку-пилота, бабушка села к штурвалу.

Первая очередь из крупнокалиберного пулемета пробила фюзеляж и крылья, но не причинила никому вреда.

Бабушка резко бросила самолет и пошла над самой водой, то и дело меняя курс.

Был, был у бабушки некоторый опыт в таких делах. Не раз ей приходилось во время войны с растраченным боезапасом увильнуть от "мессершмиттов".

Теряя голову от сатанинской ненависти, бросилась Накамура-Бранчевска в атаку на ползущий над гребешками волн неуловимый тихоход. Вторая атака... третья... "Дуглас" вдруг, резко задрал нос, устремился вверх.

Самолет Накамура-Бранчевской врезался в воду и сразу исчез так, как будто его и не было... не было никогда... Пузыри земли... о пузыри земли, как сказал великий Шекспир.

Э П И Л О Г

Солнце уже встало над скалой Хамелеон, когда Геннадий и бабушка кончили свой рассказ. Мы спустились с террасы и пошли к морю. Бабушка тут же бросилась в воду, а мы с Геннадием сели на еще холодную гальку.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ И ДРУГИЕ ДРЕВНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Гравюры Гюстава ДОРЕ

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ИОНА

Жил-был в древние времена человек по имени Иона. Был он добрый и хороший, все его любили. Сам великий Ягве отличил Иону из множества людей и сказал ему:

– Ты человек добрый, хороший, все тебя любят, и за это окажу я тебе милость – сделаю тебя предсказателем. Поди сейчас же в город Ниневию и скажи его жителям, что очень скоро с ними случится большая беда: я уничтожу их всех до единого – и мужчин, и женщин, и малых детей.

– Даже малых детей? За что же? Чем провинились перед тобой жители этого города?

– Все они стали горды и злы: не слушаются меня, не повинуются мне. Особенно возгордился их царь. За это я решил разрушить Ниневию, а всех ее жителей погубить.

– Ниневия – великий город, – ответил Иона,

Окончание. Начало в №№ 1–6.

– а многие его жители еще настолько малы, что не могут отличить правую руку от левой. Неужели ты и малых детей не пожалеешь?

– Как я сказал, так и будет, – разгневался Ягве. – А твое дело пойти в Ниневию и предсказать ее жителям, что все они скоро погибнут.

– Но они не поверят мне! – воскликнул Иона. – Они не поверят, что ты такой жестокий и безжалостный. Я сам не могу этому поверить.

– Не тревожься, – сказал Ягве. – Поверят тебе или не поверят, но пройдет сорок дней, и твое предсказание сбудется. И ты прославишься как великий пророк.

И пошел Иона в Ниневию. Поднялся он на высокий холм и увидел перед собой большой красивый город. Долгие годы строили его люди и украшали, а через сорок дней исчезнет Ниневия, словно ее и не было.

Подул ветерок. И донеслись до Ионы запахи цветов, дыма печей и свежего хлеба. Различил он стук молотков в мастерских, и мычание скота в хлевах, и шум толпы на базаре, и смех детей на плоских крышах.

И подумал Иона: "Если жители Ниневии не поверят моему предсказанию, то Ягве еще больше рассердится и, конечно, погубит город. Так уж лучше мне туда не ходить. Может, Ягве передумает или забудет?"

И вместо того чтобы спуститься в город, Иона повернул в другую сторону. Шел он, шел и вышел на берег моря. Там стоял корабль. Уплатил Иона за провоз, поднялся на корабль и поплыл по морским волнам в дальние страны.

Но Ягве ничего не забыл и обрушил на корабль страшную бурю. Забилась, заревели волны, вот-вот разобьют они суденышко. Измучились гребцы, а буря не утихает.

Стали они бросать в море всякую кладь, чтобы облегчить корабль. А Иона спустился в трюм и крепко уснул. Он и не догадывался, что вся эта буря разыгралась из-за него.

И сказали корабельщики:

– Не простая это буря. Видно, плывет с нами такой ужасный злодей, что даже море вскипело от гнева и не успокоится, пока не проглотит его.

И бросили жребий, чтобы узнать, кто виноват в их несчастье. Оказалось, Иона. Пришли к Ионе корабельщики, разбудили его и говорят:

– Что ты натворил, если из-за тебя случилась с нами такая беда?

Тут и признался Иона, что убегает он от Ягве, потому что не хочет предсказывать людям беду. Испугались корабельщики и спросили Иону:

– Что с тобой сделать, чтобы море утихло и мы остались живы?

И ответил Иона:

– Возьмите и бросьте меня в море. И буря утихнет.

Ничего не ответили корабельщики, только крепче налегли на весла. Но не в силах они были бороться с волнами. Все темней становилось небо, все выше вздымались черные валы с белыми гребнями.

– Что ж вы медлите? – закричал Иона. – Скорее бросайте меня в море! Пусть погибну один я, а вы останетесь живы.

– Прости нас, добрый человек! – сказали корабельщики и бросили Иону в море.

И буря стала утихать.

Пошел Иона ко дну. Сомкнулись над ним волны. Обвили его голову морские травы.

Но вдруг подхватило его подводное течение и понесло в темноту. А потом схлынули волны, и остался Иона в пещере, куда не проникает даже крохотный луч света.

Протянул Иона руки, как слепой, и дотронулся до стенки. Стенка была мягкая, теплая, словно живая. Прислушался Иона, и донеслись до него из глубины мерные удары: бум-бум-бум! И понял Иона, что проглотил его необыкновенный кит, и что во мраке стучит китово сердце.

Три дня и три ночи провел Иона в брюхе у кита, а на четвертый день стал он молить Ягве:

— Из черной пучины, из глубины и темноты зову тебя. Все волны морские ходят надо мной, морские травы обвили мою голову, и тьма окружила меня! Отпусти меня на белый свет. Я сделаю все, что ты приказывал мне.

И тут хлынули волны в пасть кита, подняли они Иону, двинулись обратно и выбросили его на берег.

Просушил Иона свои одежды и пошел куда глаза глядят. Шел он, шел и вышел к большому незнакомому городу. И спросил у прохожего:

— Что это за город?

И ответил прохожий:

— Ниневия.

А Иона пришел в город с другой стороны и не узнал его.

Страшно стало Ионе. Понял он, что Ягве привел его сюда. И стал Иона считать, сколько дней из сорока прошло и сколько оста-

лось жить Ниневии. И получилось, что остается всего-навсего три дня.

Поспешил Иона в Ниневию. Три дня, выбиваясь из сил, ходил он по городу из конца в конец, стучался в дома и кричал:

— Горе вам, жители Ниневии! Разгневался на вас великий Ягве. Погубит он вас и город ваш превратит в развалины!

А на четвертый день вышел Иона из города, сел на высоком холме и стал ждать, что будет с Ниневией.

Подул ветерок, но не донеслось до Ионы ни запаха цветов, потому что никто их теперь не поливал, и они завяли, ни дыма печей, потому что никто не готовил себе пищу, ни детского смеха, потому что даже дети поверили страшному предсказанию Ионы. Слышались только стоны людей, мольбы о пощаде да рев некормленного скота.

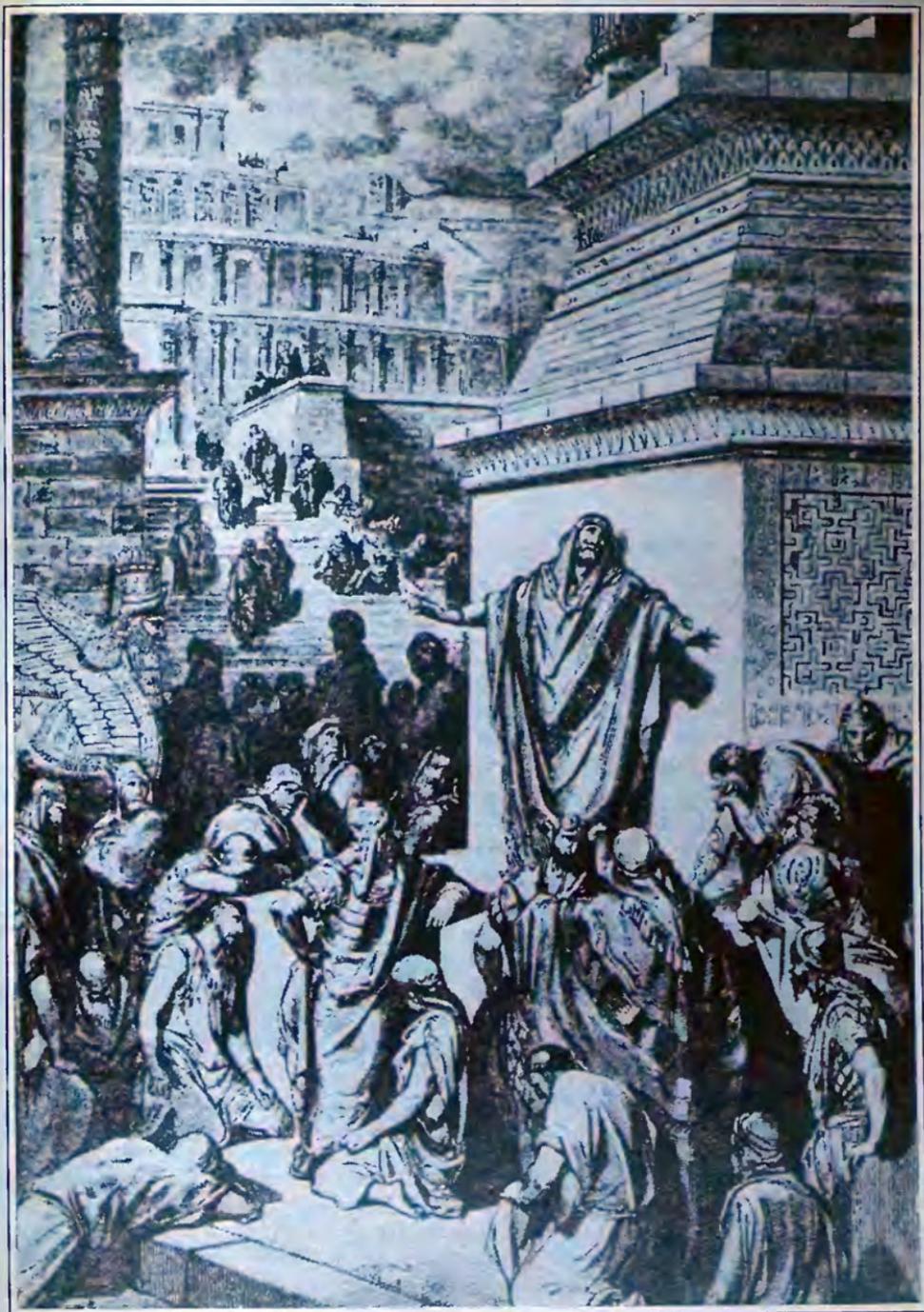
И подумал Иона: "Выходит, я великий предсказатель. Все до единого поверили моим словам, бросили свои дела, разодрали на себе одежды в знак горя и посыпали головы пеплом. Даже царь Ниневии сошел с золотого престола, переоделся в лохмотья и сидит на куче пепла, как нищий".

И с ужасом ждал Иона, что сейчас сбудется его предсказание.

Так сидел он на холме и смотрел на город. Солнце пекло ему голову, жажда сушила рот, но Иона не двигался с места.

И вдруг вырос рядом с ним зеленый росток и сразу же превратился в стебель, стебель превратился в куст, куст прямо на глазах у Ионы стал деревом.

Поднялось дерево над Ионой и укрыло его своей тенью. Но червь подточил дерево, и оно засохло.

Увидел это Иона и горько заплакал.

И тут услышал он голос Ягве:

– Неужели тебе жалко дерева?

– Очень жалко, – ответил Иона.

– Так жалко, что мне и свет не мил.

– Ты пожалел дерево, которое выросло у тебя на глазах и сразу засохло, – сказал Ягве. – Всего только дерево, хоть ты его и не сажал. Как же ты мог подумать, что я разрушу Ниневию, жители которой раскаялись в своих злодеяниях? Ведь Ниневия – великий город, а многие его жители еще настолько малы, что не могут отличить левую руку от правой.

Обрадовался Иона и пошел прочь.

Оглянувшись, посмотрел в последний раз на спасенный им город, и ветер донес до него запахи цветов, и дыма печей, и свежего хлеба. Различил Иона и стук молотков в мастерских, и мычание скота в хлевах, и шум толпы на базаре, и смех детей на плоских крышах.

Пересказал В. БЕРЕСТОВ

БЛУДНЫЙ СЫН

Было у человека два сына. Старший – спокойный да хозяйственный, работает в поле, отцу помогает. А младшему все не сидится дома, хочется дальние страны посмотреть. И говорит он отцу:

– Вы тут с братом хозяйничайте, а мне дайте мою долю наследства. Я пойду путешествовать.

Отец уговаривает его:

– Ну куда же ты пойдешь? Ты молод еще, людей не знаешь, ни-какому делу не обучен. Пропадешь!

А сын не отступает: "Пусти да пусти".

Отец видит – делать нечего, выделил младшему сыну его долю и отпустил.

У младшего сына сборы недолгие: купил себе вороного коня, седло, рубаху шелковую и шапку новую, богатую, расшитую золотом. Оставшиеся деньги завязал в платок, платок положил за пазуху, сел на коня – и поехал.

Долго ли ехал он, скоро ли, а занесло его на чужую сторону, в большой город. Дома каменные, высокие, народу много, все спешат. Весело!

Навстречу ему идет прохожий. Он его и спрашивает:

– Скажи, добрый человек, где тут можно ночлег найти?

А прохожий ему:

– Много ли у тебя денег?

Тот вынул из-за пазухи платок, развернул его и показывает прохожему:

– Вот сколько, гляди!

У прохожего глаза разгорелись.

– Да ты, оказывается, богач! Я тут знаю один дом. Это самый хороший постоялый двор в городе. Туда и пойдем.

Пришли на постоялый двор. Младший сын спросил себе лучшую комнату, а коня велел накормить отборным овсом. А на дворе уже народ толпится. Прослышали, что богач к ним в город пожаловал, и хотят на него посмотреть. Видят, что молод и прост, и говорят ему:

– У нас, брат, здесь такой обычай, чтобы самый богатый всех поил-кормил.

А ему и лестно, что его за самого богатого считают.

— Что ж, — говорит, — это хороший обычай. У нас дома тоже всегда много народу за стол садится.

И всех приглашает к обеду.

Все пируют, веселятся, хвалят своего нового друга: он и краше всех, и умнее всех, и поет лучше всех, и пляшет! А тот уши развесил и рад. Каждому слову верит.

И пошла у него с той поры развеселая жизнь. Что ни день — пир горою. Днем пьянствует, ночью в кости играет на деньги. А сам думает: "Глупый я, глупый: сидел до сих пор дома и не знал даже, что на свете бывают такие славные да веселые люди!"

Но вот в один прекрасный день сунул младший сын руку за пазуху, вынул платок, развернул его, а в платке ничего нет. Все потратил. "Ну ничего, — думает. — Зато у меня много друзей. То я их кормил, а теперь они меня кормить будут". А дружки-товарищи как увидели, что с него больше взять нечего, так все и разбежались. Словно их никогда и не было.

Младший сын погоревал-погоревал и пошел шапку свою продавать. На те деньги хозяин постоялого двора три дня его кормил. На четвертый говорит:

— Давай еще денег. У нас даром не кормят.

Младший сын говорит:

— Денег у меня нет. На, возьми мое седло.

Хозяин седло взял и за это кормил его еще три дня. Потом младший сын отдал хозяину рубаху шелковую, кушак, уздечку. Все, что мог, отдал, и, наконец, уже ничего не осталось.

Хозяин говорит:

— Давай коня. Все равно тебе его

не прокормить — одна обуза. Да и без седла куда поедешь? Продашь коня — так и быть, живи у меня еще месяц.

Пошел младший сын в конюшню с конем прощаться. Поцеловал его между ушами и заплакал. Вот когда припомнился ему родной дом! "Как-то там, думает, отец? Как брат? Здоровы ли? Вспоминают ли когда? И зачем только я от них ушел?"

А возвращаться стыдно.

И побрел младший сын без шапки, босой, искать себе заработка. Толкнулся в один дом, спрашивает:

— Нужен вам работник?

— Нужен, — отвечают. — Шить умеешь?

— Нет, не умею.

— Тогда не нужен.

Пошел в другой.

— Работник требуется?

— Очень даже требуется, — говорят. — Семья у нас большая, а стряпать некому. Будешь у нас за повара.

А он говорит:

— А я стряпать не умею.

— Тогда прощай!

В третьи ворота стучится. Там дом строят, рук не хватает. Обрадовались ему, говорят:

— Иди к нам плотничать!

А он никогда и топора в руках не держал.

И всюду его спрашивали, что он умеет делать. А он ничего не умеет.

Наконец пришел к одному человеку, тот ему и говорит:

— Ну что ж, если ты ничего не умеешь, придется тебе свиной пасти.

И младший сын остался у этого человека свинопасом.

Приключился в той стране не-

урожай, и наступил голод. Хозяин говорит:

— Мы тебя кормить больше не можем. Сами еле перебиваемся. А жить — живи у нас, если хочешь.

Остался у хозяина — куда он пойдет? И подъедал за свиньями отруби в корыте.

Горько стало ему! И все чаще дом родной вспоминается. "Там, у отца, — думает, — последний работник ест вволю, а я здесь должен с голоду пропадать! Пойду-ка я лучше к нему, повинюсь. Простить ты меня не простишь, — скажу ему, — но возьми меня к себе в работники. Я хоть сыт буду, и около тебя".

Подумал так и стал к родной стороне пробираться. Оттуда-то он как ветер мчался — на коне! А обратно ползет еле-еле: сил мало, изголодался весь, иззяб. Посчастливится — орешков соберет в лесу или ягод. А то у добрых людей хлеба попросит.

Так и дошел до родных мест. И чем ближе к дому, тем ему страшнее. Как-то встретит его отец? А вдруг с глаз долой прогонит и не захочет даже выслушать? Задумался он об этом, смотрит — а вдали родной дом. Ближе, ближе подходит к дому, а там какой-то старик на пороге. Старик этот — его отец. Он сразу признал своего сына и кинулся ему навстречу.

Сын упал перед ним на колени и заплакал:

— Отец, отец! Зачем я не послушал тебя? Зачем бросил дом родной и ушел на чужбину? Деньги твои я все промотал, а потом скитался и маялся. Простить ты меня не можешь, я знаю, но возьми меня к себе хоть в работники.

Но отец поднял его с колени и поцеловал.

— Разве ты забыл, что я твой отец, а ты мой сын? Как могу я тебя не простить? Да, ты виноват, но ты воротился, раскаялся. Идем же в дом скорее и забудем все горести!

И громким голосом крикнул работникам:

— Сын мой вернулся! Несите самые лучшие одежды! А к ужину зажарьте самого лучшего теленка!

И созвал полный дом гостей, и стали они пировать.

А старший сын идет с поля и слышит громкие голоса, смех, песни. Подзывает работника и спрашивает:

— По какому случаю в доме моего отца пирование?

Работник ему говорит:

— Вернулся твой младший брат, и хозяин велел в его честь зажарить самого лучшего теленка.

Обидно показалось старшему, что так встречают его брата.

"Что же это такое? — думает. — Я всю жизнь при отце, пасу его стада, поля его возделываю, старость его утешаю. А брат мой гулял по свету да деньги отцовские тратил. В его честь пир устраивают, гостей созвали, а про меня отец и не вспомнит! Не пойду к ним!"

Но тут отец сам к нему вышел, взял его за руку и сказал:

— Идем же скорее! Ты видишь, какая у нас радость? Твой брат пропал и нашелся. Ведь мы думали: он умер, а он здесь, живой!

И старший брат вошел в дом, увидел младшего и не узнал его: такой он стал худой и бледный.

— Видно, хлебнул ты горя, — сказал он, обнял брата и сел с ним рядом.

Пересказала Т. ЛИТВИНОВА

Евгений СТЕПАНОВ

ЖИЗНИ ВИРАЖИ

Знакомьтесь, автор этой подборки – Евгений Степанов, редактор отдела поэзии, это он готовит поэтические публикации в "МЫ".

Евгений молод, ему нет еще и тридцати лет. Но его стихи уже публиковались в журналах "Дружба народов", "Сельская молодежь", "Дружба", альманах "Поэзия", "День поэзии"... В этом году в издательстве "Московский рабочий" выходит его книга "Упала пила".

Что еще сказать о Жене? По образованию он учитель французского и немецкого языков, преподавал в школе и ВУЗе, но смыслом жизни считает поэзию.

А теперь – давайте читать стихи.

ЕГО 90-Е

*Отрешенный, высокий, худющий.
Он на башли, как с башни, плюет.
В эмигрантские райские кущи
Он не верует, как идиот.
Он глядит на нее, на высокую,
Он глядит ей в глаза с поволокою
В коих нет (все простила!) обид,
– Что же надо еще? – говорит.*

*Вдруг скажет мне
божественный Госплан:
– Твой ум убог.
Рожден ты бесталанным.
И в новой жизни
будешь ты бараном,
Ведь кто-то должен,
должен быть бараном,
а ты и кучерявый,
как баран!
И вспомню я,
как трескал шашлыки.
И попаду
в тиски тоски.*

ЗДЕСЬ

*Мошна ль – не чушь?
Престиж ль – не вздор?
Здесь это знает и трехлетка.
Здесь способ жизни – разговор,
Здесь способ сей меняют редко.
Здесь выпить – чтоб поговорить,
А снять девицу – пообщаться.
...Ты улетаешь. Что ж, – фьюить.
Я ж с этим не хочу прощаться.*

МОЛОДОСТЬ

– А мир этот зол, как "Роман без вранья",
Кровав, точно путь на престол.
Здесь даже такой про-ходимец, как я,
Почти никуда не про-шел.
Здесь чуть зазеваешься – голову с плеч.
Здесь любят чужую беду.
И, видно, тебе головы не сберечь.
– Сберечь! Я сквозь стены пройду!

НЕ СПОРЯ С МАКСОМ ЖАКОБОМ

Здесь время похоже на густо слепнями покрывтую клячу,
Здесь вечные гости плетут не корзинки, увы, – чепуху.
Но учит провинция тихому, горькому-горькому плачу.
И есть априорное мнение: провинция учит стиху.

Провинция лучше ракеты дает ощущение полета
Над пропастью въедливых и намагниченных мелочей.
А также дарует возможность (и это свобода, свобода!)
Наслушаться не депутатских, а ясных небесных речей!

Вот мир. Вот жизни виражи,
Вот жизни миражи. Вот гром
Невиданный, крушащий Дом...
Вот мы. Над пропастью. Во р(л)жи.

Вот он, кто в гору не пошел,
А превратился с а м в гору,
К несчастью, полностью разру-
шенную, как престол.

Вот ты, рыдающий хохмач.
Вот ты. И вот твой смех сквозь плач.
А вот и я, большой дурак.
Я верю: будет все нештук!

Илья АЛЕКСЕЕВ

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ СТРАХА И НАДЕЖДЫ

*Ты должна сделать добро из зла,
потому что его больше не из чего
сделать.*

Р.П. УОРРЕН

Они выбрали самую морозную, темную, разбойничью ночь в конце февраля, тихо переговариваясь, оцепили здание Моссовета и остановились, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Кто-то буркнул: "Ну что, понеслось, что ли?" Просвистел первый камень, стекло с жалобным звоном обрушилось внутрь. И началось! Со всех сторон полетели булыжники,

гайки, пущенные из рогаток. Окна взрывались тысячами осколков, и падал на мостовую стеклянный дождь... Через минуту в помещении Моссовета не осталось ни одного целого окна. Ребята исчезли так же тихо и быстро, как появились. В дом, зияющий ранами, медленно вползла ледяная стужа. Подоконники завалил снег, и колючий ветер ворошил оставленные на столах бумаги. К утру в здании лопнули все водопроводные трубы.

Три года назад небольшая группа московских подростков решила: хватит нам фарцевать как попало, будем вести это дело профессионально. Организуемся, разделим рынки сбыта, наладим обмен информацией. Другие думали об ином: мстить взрослым. За что? За все. Где? Везде. В школе, в училище, на работе... Третьи предлагали сколотить команду, которая держала бы в страхе всю шпану района.

Словом, идей было множество. Молодой учитель Дмитрий Бородин извлек из них главное: подросткам нужна организация. И помог ребятам в ее создании, поддержав все, о чем бы они ни говорили.

– Как все? – спросите вы. – И даже...

Да, даже это. А сегодня Бородин – народный депутат Кировского райсовета, и выдвинул его московский Союз подростков. Те самые фарцовщики, мстители, шпана. Численность МСП возросла до 1500 человек, и в Библирево, микрорайоне, в котором на-

чалась эта история, с ним связан примерно каждый десятый "тинэйджер".

...Педсовет 964-й школы был вне себя. Что они позволяют накануне XIX партконференции? Что за развязность такая, что за наглость? Решено было вырвать крамолу с корнем. Пустили в ход традиционный, проверенный в боях арсенал: вызовы родителей, травля, двойки, оскорбления.

Развязка наступила неожиданно. Все классы – с 5-го по 9-й – не вышли на занятия. Забастовка продолжалась до тех пор, пока не сняли директора, возглавлявшую "охоту на ведьм".

В общем, злобные педагогические выходки только укрепили намерения ребят. Настоящие трудности начались после, когда встал вопрос о признании Союза юридическим лицом. Радясь первым крупным успехам, прикидывая, что, кроме войны с учителями, они могут извлечь из своего единства, подростки решили официально учредить МСП. Получить помещение. Открыть счет.

Сразу решили, что человек старше 17 лет не может входить в Союз. Взрослые, помогающие ребятам делать их дела, членами МСП не являются. Никаких других ограничений в приеме нет. Если вступающий в комсомол говорит: я обязуюсь быть хорошим, честным, прилежным, то здесь – ничего похожего. Неприлежные, нечестные, "непричесанные" – все подходят.

Все. Что скрывается за этим коротким словом? Металлисты и

рокеры, панки и любера, двенадцати- и семнадцатилетние, "мажоры" и оборванцы, спортсмены и пьяницы, картежники и киноманы, анашисты и "качки", беляевские и химкинские – каковы они, эти "все"?

Попробуем дать короткий социальный портрет тех, кто три года назад изъявил желание официально учредить свой Союз. Кооператив "Пакт-социо" с помощью взрослых людей, работающих с МСП, провел исследование его контингента, причем ребята о наблюдениях не знали. Обследовано 300 человек в возрасте от 12 до 17 лет (по 50 процентов юношей и девушек). Из них: учащиеся школ – 48 процентов, ПТУ и техникумов – 32 процента, работающие – 3,5 процента, нестроенные – 16,5 процента. Отбывшие наказание по суду – 18 человек. Стоящие на учете в милиции – 54 человека. Регулярно конфликтующие с родителями – 169 человек. Неподконтрольны родителям – 64 человека. Периодически употребляющие наркотики – 31 человек. Невыявленные преступники – 9 человек. Члены ВЛКСМ – 92 человека. Имеющие оружие и боеприпасы – 26 человек. Бродяги – 8 человек.

Нетрудно себе представить чиновничью реакцию на их запрос о юридическом признании МПС. Аппаратчики прикидывались покровителями, говорили, мол, все сделаем, принесите только такую справочку и такую. А сами потихоньку отправляли бумажки в милицию и даже в КГБ. Так с тех пор

и установились у Союза тяжелые отношения с этими организациями, особенно с первой.

Но они все-таки учредились, выбрали себе помещение! И Союз заработал. Создана Лига в защиту прав подростков во главе с Генеральным консулом. Разработана и воплощена в жизнь идея Биржи труда. Начал функционировать Центр социально-психологической реабилитации. Появилась Московская фан-поп-рок-конфедерация, объединившая металлистов, рокеров, хиппи и т.д. Начало действовать агентство по Связям, занимающееся контактами с разными молодежными группировками в Москве, в стране и даже за рубежом. Возник "Альянс братства подростковых легионеров" – что-то вроде комитета по наведению порядка внутри Союза.

А сколько еще хороших идей осталось до сих пор невоплощенными: например, связанных с тем же Центром. Денег, полученных Союзом, хватило полностью лишь на телефон доверия и на зарплату психологам. Правда, сейчас и эти деньги кончились. На бумаге остались многие программы. Составлялись они по опросам ребят, по их просьбам. Тут и сеть приютов и убежищ, о которой мечтали многие, и система социальных аниматоров.

Что это такое? А вот представьте: собралась компания, у кого-то неприятности. Например, поссорился с девчонкой. Что посоветовать другу в столь заурядной и столь сложной ситуации? Обычно не мудрствуют лу-

каво: дай ей в ухо да пошли куда подальше, мужик ты или не мужик? А аниматор – это такой же свой парень, только обладающий немного другими "мозгами" и прошедший специальный курс подготовки. Он может снять стресс, подсказать что-то действительно нужное. Если не справится сам, выведет на кого-либо из профес-сионалов.

Скопких нелепых ошибок можно было бы избежать, сколько драм предотвратить, сколько социальных зол убить в самом зародыше!

Союз подростков не хочет ждуть. Программа-минимум: выдвигать своих людей в те организации, которые что-то решают. В Бибирево, где Бородин народный депутат, МСП больше не будет ходить с протянутой рукой и кланчить то одно, то другое. И вряд ли кому-нибудь теперь удастся так лихо надуть ребят, как это сделал горком комсомола в истории с Биржей труда.

А дело было так. Союз долго обсуждал с МГК идею открытия Биржи труда для подростков. И, казалось бы, достиг договоренности, оставались детали. Но внезапно был поставлен перед фактом: Биржа открыта и действует. Только не для подростков, а для "молодежи", кому до сорока. Причем курс был взят сугубо комсомольский, свойственный ВЛКСМ в последние годы – зашибить деньги. Несовершеннолетние в эту программу никак не вписывались, на них бизнес не сделаешь.

Сколько неудавшегося, неосуществленного!.. Но и того, что получилось, – много. Помните наши шумевшие в прошлом году конфликты микрорайонного масштаба, стычки между отдельными тусовками? Тогда удавалось разрядить обстановку своими силами, без всякой милиции, которая страшила ребят собаками и дубинками. Они уже и против нее вооружались, не только друг против друга. Много драк сумело предотвратить и Агентство по Связям.

А вспомнить организованные тем же Агентством поездки в другие города в поисках неформальных подростковых объединений. Даже в Германию ребята ездили знакомиться с немецкими блатными. А история с концертом "Кино", когда Союз получил от организации-устроителя и распространил среди своих членов 2000 билетов? Кто еще мог бы пойти на это – комсомол, школа?

Стоп, стоп, стоп! А куда же подевалась шпана? Где наркоманы, обладатели незарегистрированного оружия? Занялись организацией дискотек? Трудоустроились? Нам что, предлагаем очерк о педагогическом чуде? Не верю. Хватит с нас чудес. То, что я рассказал, лежит как бы на поверхности. Ребята говорят об этом уверенно, правда, без большого энтузиазма. Им не впервой иметь дело с журналистикой, они знают, каких ответов от них ждут. Спрос рождает предложение.

Но стоит копнуть поглубже, и открывается совсем другая картина. Они ее даже не скрывают

Первый же попавшийся паренек, с которым я поговорил, не называя себя, вернул меня с небес на грешную землю.

Они умеют не только мирить враждующие группировки и разъезжать по стране в поисках новых друзей. Они знают не только о том, как защищать свои права. Они знают, кто в ближайшую субботу-воскресенье уезжает на дачу, и "чистят" пустые квартиры.

Знают, у кого нет в машине сигнализации, и умеют угонять эти машины. А уж мотоциклы-то... А мелкие правонарушения – устроить драку, обшарить "отрубившегося" посреди дороги пьяного – это так, между делом.

Сразу оговорюсь: этим занимается не Союз как таковой, а лишь его отдельные члены. Но из поведения "отдельных членов" складывается стиль организации, и 15 февраля нынешнего года, когда моссоветовский чиновник Ю.В. Ваупин "выселял" их из помещения на улице Станкевича (кстати сказать, имея на то полное чиновничье право), они сделали выбор из богатого арсенала уголовных методов: в самую морозную ночь расколотить в Моссовете все стекла, чтобы полопались трубы. И это было замышлено уже как шаг организации. Как попитический акт, если хотите. Оставалось только прослушать прогноз погоды и учинить погром.

Но они этого не сделали.

"Альянс братства подростковых легионеров" сначала назывался просто "Альянс". И задуман он был как орган, призванный

обеспечить гегемонию Союза в подростковой среде, осуществлять контроль за дворами по схеме, напоминающей казанскую. Так и получилось, что отобраны в него были самые здоровые и свирепые "бойцы". С тех пор прошло три года, "Альянс" используется для поддержания порядка в самом Союзе.

То, что в те февральские дни не совершился задуманный беспредел и не был разгромлен Моссовет, заслуга "Альянса". Наверное, это самое лучшее, чего смог добиться Союз за эти три года. Была преодолена собственная жестокость, не смогла заговорить глухая, клокочущая зпоба.

Да, заговорить она не смогла, но и никуда не дедась. Ушла внутрь. Значит, жди всплеска. Тем более, что обещанного помещения Союз так и не получил. А президент МСП Сергей Стаханов вынужден был сложить свои полномочия – милиция задергала.

Исследование "Пакт-социо" завершается словами: "По прогнозам социологов, принимавших участие в работе, осенью 1990 года возможен огромный всплеск активности подростковых группировок, окрепших морально и попитически под знаменем МСП, который, несмотря на шаткость своего попожения, успеет сформировать определенное общественное мнение. Ввиду отсутствия кадрового и материального обеспечения МСП будет уже не в силах сдерживать этот натиск".

То, что не совершилось вчера, совершится завтра, начинает совершаться сегодня.

Игоря ГАВРИЛОВА

Об этом думал я, когда ребята из Союза показывали мне одну из своих последних "работ" – изувеченную школу № 332. Здесь все выглядело так, как должно было выглядеть в Моссовете: зияющие дыры окон, крошка стекла вдоль стены... Конкретных исполнителей найти не удалось. Что стало причиной агрессии, никто не знал. Ну что ж, попробуем разобраться в причинах.

Директор школы Татьяна Константиновна Кузьмина поводов для беспокойства не видепа:

– Стекла побиты? А в какой школе их не бьют? Ведь это же дети, им свойственно разрушать.

Я хотел возразить, что есть разница между случайно выбитым стеклом, и явным актом мести, изуродовавшим весь фасад, но решил не спорить. И действительно, чем эта школа хуже других? Директор, вы можете быть спокойны!

– Татьяна Константиновна, изменились ли ребята в последние годы по сравнению с предыдущими выпусками?

– Пожалуй, нет. Только вот стали грубее, наглее, развязнее. Все больше детей приходит из "трудных" семей. Когда они появляются у нас в первом классе, их судьбу можно предугадать заранее.

– Действуют ли в этом микрорайоне какие-нибудь подростковые объединения?

– Нет, ничего серьезного. Есть какая-то группа любителей современных ансамблей. Некоторые ребята входят в клуб "Подросток", но что это такое, не рассказывают, от них не добьешься.

Ну, и есть, конечно, блатные. Эти тоже кучкуются. А управляют ими, наверное, взрослые.

Выходя от директора, я увидел, как две милые старшеклассницы искали, чем бы им приклеить аккуратный плакат со свеженанписанной цитатой из недавней речи М.С. Горбачева: воспитательная работа в школе кипела.

Я хотел сказать Татьяне Константиновне. Я хотел сказать ей: пока Вы...

Но причем здесь она? В самом деле, эта школа такая же, как сотни других. И поэтому:

– пока вы отгораживаетесь от своих воспитанников позунгами и цитатами;

– пока вы, махнув рукой, отвернулись от трудных детей;

– пока вы хотите видеть в своих учениках только послушность или развязность и не признаете за ними прав ни на какие другие качества;

– пока вы не знаете, чем живут ребята вашей школы, – вы ни за что не поймете, почему в ней высажены окна, и ни за что не догадаетесь, что это больше, чем шалость или хулиганство.

Вы, Татьяна Константиновна, даже не знаете, что в Бибиреве активно действует Союз подростков, и Дмитрий Бородин, выбранный народным депутатом по тому избирательному округу, где находится школа № 332 – его кандидат. И все, что Вы мне перечислили – меломаны, блатные, клуб "Подросток" – это одно целое.

Да, но как все-таки совместить в единый образ две разные стороны МСП? Нет-нет да возвраща-

ешься к простейшей мысли: а, может быть, хорошее в деятельности Союза – лишь ширма, позволяющая кому-то сколачивать под-ростковую мафию?

Ведь мы знаем, кто хорошие ребята, и кто – плохие. У нас сложившийся за последние годы стереотип, где все разложено по полочкам, подогнано один к одному. Самоуправление. Организация дискотек. Телефон доверия. Политическая активность. Правозащита. Поездки по стране и за рубеж.

Вот он и готов – образ "Тимура и его команды" конца 80-х – начала 90-х годов. Этой команде мы позволяем отращивать длинные волосы или бриться наголо, гонять ночью на мотоциклах и тусоваться по подворотням: ведь мы теперь бо-ольшие либералы!

Погромы школ в этот стереотип не входят. Равно как и "чистка" квартир, угон автомобилей и т.д.

Мы уже успели привыкнуть к тому, что хорошие ребята образуют неформальные объединения. Плохие – бьют стекла. А как нам понравится организация, занимающаяся правозащитой, досугом, политикой, но при этом привносящая уголовный дух в любое проявление своей активности, особенно если оно связано с конфликтной ситуацией? Вспомним, 10 процентов из них употребляют наркотики. Столько же хранят оружие. Почти по три процента бродяг и невыявленных преступников. Каждый пятый неподконтролен родителям. Каждый шестой – на учете в милиции.

На задворках нашей жизни, от

которых мы отгородились лозунгами и плакатами, стоял смрадный дух кабаков. Но вот прорвало гнойники, и полезла на поверхность темная жижа. Она создает свои неформальные объединения и даже входит в политику. И это будет страшная политика, замешанная на черной злобе.

Мы больше не можем допустить, чтобы они развивались обособленной кастой неприкасаемых. Это чревато взрывом, который, скорее всего, будет мощнее, чем чуть не совершившийся в феврале этого года. И вся наша надежда на то, что они перестанут прятаться по темным углам, выходя на арену "большой жизни", и смрадный дух, который они принесут с собой, понемногу выветрится. Это будет долго и мучительно, но другого пути нет.

А еще наша надежда – на то святое и светлое, что каким-то чудом уцелело в них, и несмотря ни на что, не позволило им учинить погром Моссовета минувшей зимой. Все, что мы можем сделать сейчас, – это завязать диалог с ними. Не прятать глаз, а пытаться заговорить. Будет огромным благом, если они откликнутся на наши попытки контакта.

Видимо, пришло время расплатиться за все сполна, полностью искупить свою вину. За каждую букву в цитате, которой школа отгородилась от них на ступе "Воспитательная работа", она получила по булыжнику. Сегодня они полетели в окна. Завтра они полетят в головы, и нам некого будет винить, кроме самих себя.

ХОЧЕШЬ БЫТЬ ДЕЛОВЫМ?

В стране идет кардинальная перестройка привычного уклада жизни. Появляется многоликая экономика, возникают кооперативы, совместные с иностранцами предприятия, развивается аренда, выпускаются акции, укрепляются рыночные отношения. Раньше молодой человек видел впереди "прямой и ясный" путь своей жизни: школа, за ней – институт или производство. Общество воспитывало личность в духе "единодушия" и подчиненности государственному давлению, а мобилизация на ударную стройку заключала в себе всю "романтику труда".

Сегодня многое в нашей жизни переменялось и продолжает меняться. Прежние духовные ориентиры те-

УЧИТЕСЬ ВЛАДСТВОВАТЬ СОБОЙ!

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Информационный центр гуманитарных исследований (ИЦГИ) предлагает ознакомиться с некоторыми приемами работы менеджеров.

На основе разработок иностранных фирм, научных центров, работ психологов, посвященных "достижению личной эффективности" (так называется этот раз-

дел в менеджменте) мы попытались создать некий инструмент ведения дел, который помог бы достигать поставленных целей.

Естественно, перед нами стояла задача найти наиболее простые и эффективные методы обучения. Так родилась идея создать заочную школу менеджеров. Школа, на наш взгляд, очень демократичную – она может быть полезна каждому, независимо от рода занятий, и в ней можно учиться, проживая в любой точке страны. Советы, публикуемые на страницах журнала, взяты из программы школы. Надеемся, что они Вам помогут.

Директор ИЦГИ
М.МОСКАЛЕВ

ряют ценность, появляются новые. Жизнь требует куда больших, чем раньше, личностных качеств, среди которых немалое место занимает умение быть деловым человеком. Но что это означает практически, конкретно?

Как стать хозяином земли, современным рабочим, колхозником, фермером, арендатором, инженером, ученым? Умеешь ли ты организовать кооператив, получить ссуду, оформить покупку в кредит? Как ты понимаешь формулу: умение вести дом? Как управлять собой и коллективом?

Ответы на многие вопросы из выше перечисленных лежат в сфере менеджмента. Но как овладеть этой

наукой (или искусством)?

В помощь молодому менеджеру мы открываем рубрику "ХОЧЕШЬ БЫТЬ ДЕЛОВЫМ?", она будет заочной школой мастерства и клубом молодого менеджера. Здесь вы найдете очерки о таких же, как вы, молодых менеджерах нашей страны и за рубежом, поиграете в деловые игры, разработанные психологами, экономистами и математиками, прочтете и возьмете себе на заметку статьи специалистов по менеджменту. И еще многое, многое другое.

Итак: хочешь быть деловым? Участвуй в работе журнала, играй вместе с нами, учись вместе с нами, пиши нам, что бы ты хотел видеть в этой рубрике.

ИСКУССТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ

Вы выбрали цель и убеждены, что не ошиблись. Теперь дело за малым – осталось только достигнуть ее.

Можно положиться на импровизацию, на собственную интуицию, начать действовать, надеясь, что на каждом этапе движения к цели вы сумеете быстро сориентироваться и найти правильное решение.

Но менеджер так не работает. Он шага не сделает без предварительного обдумывания, без концептуального обоснования будущих планов.

План – простейшее средство для достижения максимальных результатов при минимальных затратах сил и средств.

Опыт деловых людей во всем мире показывает, что длитель-

ность периода планирования имеет большое значение как для качества выполненной работы, так и для сокращения общего времени исполнения.

Японцы разработали такую схему:

Заштрихованная часть – это условное изображение времени, затраченного на планирование.

Чистое пространство – это время на достижение запланированного результата и исправление ошибок в ходе работы.

Но, приступая к планированию, не забывайте, что план – это рабочий инструмент. И его нужно безбоязненно изменять, если изменились обстоятельства. Главное для Вас – до-

стижение поставленной цели. Поэтому, как ни парадоксально, лучший план – это План изменения планов.

Эксперты фирмы "Тайм-Менеджер Интернэшнл" считают, что модель для достижения результатов состоит из четырех ступеней:

1. Определение Вашей главной цели.

2. Определение степени важности целей.

3. Создание прочной базы для решения поставленной задачи учет Ваших личных ресурсов.

4. Координация Ваших возможностей (см. п. 3).

С первыми двумя пунктами, наш взгляд, все просто и понятно. С двумя последними – сложнее. Именно поэтому "Тайм-Менеджер" предлагает несколько схем и картинок, которые, в принципе, не бесполезны и служат хорошим делу:

учат оформлять идеи (которые у нас с Вами много) в нечто ре-

Кукла Дарума

альное, что можно проверить, так сказать "на ощупь" и окинуть в целом одним критическим взглядом.

Нам это пригодится в дальнейшем!

В первую очередь, нам предлагают начертить две базисные фигуры: "елку" (в общепринятой кибернетике, а точнее – в эвристике – терминологии "дерево целей"), и "куклу Дарума" (чисто японское изобретение, хотя и заимствованное из индийской мифологии).

"Кукла Дарума" это маленькая раскрашенная головка, у которой на месте глаз находится два белых поля. Когда Вы задумали какое-то дело, то рисуете на месте глаза маленькую точку, изображающую зрачок, глаз. А когда дело сделано – второй.

Как рисовать "елку":

– во-первых, рисуйте **ствол**. Это – цели (задачи);

– во-вторых, **ветви**. Это – ключевые области (направления) Вашей работы;

– в третьих, веточки. Это – задачи (промежуточные, вспомогательные, решаемые по ходу выполнения главных задач);

– в-четвертых, иголки. Это – конкретные мероприятия (их больше всего, они-то и доставляют больше всего неприятностей, но без них елка – это бесполезный, сухой обрубок).

Как определить Главные цели ("ствол")?

Это должен быть результат самопознания, самооценки.

Т. ПЕРЕВАЛОВА

ПЕССИМИСТЫ И ОПТИМИСТЫ

(деловая игра)

Если у вас появилось свободное время и ваши друзья не станут возражать, почему бы вам не сыграть в психологическую игру "Пессимисты и Оптимисты"? Наверняка в вашей компании найдутся ребята, которые захотят взять на себя противоположные роли, а через несколько раундов сменить имидж.

В течение всей жизни люди сталкиваются со множеством проблем, каждому возрасту обычно соответствуют свои специфические. Для молодых людей это: отношения с родителями, учителями; любовь, дружба; выбор профессии.

Вы часто мечетесь в поисках правильного решения, ссоритесь и миритесь с окружающими людьми, убегаете из дома, становитесь отличниками или бросаете школу и все это ради того, чтобы познать мир и утвердить себя в нем.

Мы предлагаем простой и доступный всем метод анализа ситуации. Применяя его, вам не придется раскрывать тайны сердца. Свое истинное лицо вы сможете спрятать под маской выбранной роли. В дискуссии с оппонентами вы сможете рассмотреть все "за" и "против" вашей ситуации.

Интересна и сложна роль беспристрастного судьи. Именно ему предстоит определить, кто серьезнее и правильнее решил поставленную проблему. Роль судьи

может быть переходящей, и хорошо, если ее попробуют все. Так что же дает нам эта странная игра, где нет проигравших? То, что в ней побеждает истина и объективный взгляд на вещи, которого мы лишены. Образно говоря, нам предоставляется возможность, не сходя с места, увидеть дом с четырех сторон. Воспользуемся же ею!

Итак, для организации игры нужно подобрать две команды: команду пессимистов, команду оптимистов и одного судью. Желательно, но не обязательно, чтобы количество игроков в командах было одинаковым. Оптимальный вариант выбора темы для дискуссии можно представить следующим образом. Все участники игры коротко формулируют темы и записывают их на одинаковых листках бумаги, а затем складывают в одинаковые квадраты. Варианты тем могут быть примерно такие: измена любимой девушки; денежный долг; выбор профессии; уход из дома и т.д.

Задача судьи состоит в том, чтобы, собрав все предложения и перемешав их, выбрать одно, а затем зачитать его вслух. Содержащийся там текст станет описанием проблемной ситуации, которую игрокам надо обсудить и решить, согласно принятой роли пессимиста или оптимиста.

Перед каждой дискуссией судья предоставляет командам не более 5 минут для подготовки. Во время обсуждения старайтесь полнее обосновать свое мнение, используя серьезные аргументы. Ответ: "Плохо, потому что плохо" не должен устраивать судью. Выказывать свое мнение команды могут поочередно, желательно, чтобы в этом принимали участие все игроки. Не забывайте, что вы играете роль и не должны выходить из образа. Если проблемные ситуации будут повторяться, то, видимо, стоит сменить тему. Для того чтобы игра прошла успешно, необходимо сохранять дружеский, доброжелательный тон, не перебивать своих товарищей. Следить за этим — обязанность судьи.

Чтобы было понятнее, приведу примеры разбора двух проблемных ситуаций: выбор профессии журналиста; любимая девушка ушла к другому. Вот что по первому поводу сказали бы пессимисты: "Трудно устроиться на хорошую работу, частые командировки не способствуют семейной жизни, различные бытовые условия в командировках; это опасная работа; большая ответственность; нервные перегрузки, скользящий график и авральная работа. Необходимость постоянно общаться с людьми, небольшая зарплата. При поступлении в институт необходимо иметь печатные работы."

Оптимисты: "Заграничные командировки, встречи с интересными людьми, хорошее образование, большие гонорары, творческая работа, ненормированный рабочий день, большое общественное значение, популярность".

По второй проблеме пессимисты сказали бы следующее: "Это самое лучшее, что было в моей жизни. Как плохо она со мной обошлась. Что же мне делать? Мы столько времени проводили вместе. Я уже больше никого не полюблю".

Оптимисты: "Мне еще только семнадцать лет. Впереди еще столько встреч. У меня теперь больше свободного времени, и денег придется тратить меньше. Наверно, она не стоила моей любви, если могла так поступить со мной. Да и вообще, мы, наверно, разные люди: она всегда рвалась на дискотеку, а мне нравились тихие компании друзей".

Это — лишь примерные варианты ответов.

Разобрать специфику различных профессий вам поможет разработанный нами вопросник.

1. Какое значение имеет данная профессия для общества?
2. Каков результат труда?
3. Какие условия работы (обычные, экстремальные, специфические)?
4. Каков режим работы и зарплата?
5. Есть ли у этой профессии медицинские противопоказания?
6. Какими личными качествами должны обладать люди, выбравшие эту профессию?

Если у ваших родителей хватает юмора, а вам смелости, то можете пригласить их сыграть в эту игру. Я думаю, что участие в ней пойдет вам на пользу. Думайте, анализируйте. И в этом вам поможет наша игра.

М. МАРГОЛИНА

Агата КРИСТИ

ТАЙНА ГОЛУБОГО КУВШИНА

Джек Хартингтон с сожалением взглянул на неудачно посланный шар. Собираясь ударить еще раз, он прикинул расстояние до лунки и, презирая самого себя, со вздохом покрутил в воздухе клюшкой, сбил несколько одуванчиков и ударил по мячу.

В двадцать четыре года трудно заставить себя думать о необходимости зарабатывать на жизнь, особенно если твое единственное желание – научиться хорошо иг-

рать в гольф. Пять с половиной дней в неделю из семи Джек просиживал в конторе, но зато все оставшееся время он посвящал единственному, на его взгляд, настоящему делу – игре в гольф. Для того чтобы иметь возможность чаще тренироваться, он даже снял комнату в небольшом отеле в Стоторн Хил, где были прекрасные поля для гольфа. Правда, ему приходилось вставать в шесть утра, но зато он мог целый час утром

до завтрака играть в гольф. Уезжал он поездом в 8.46.

Единственным недостатком этого плана было отсутствие в такой ранний час партнеров.

Джек вздохнул, подтверже перехватил клюшку и повторил про себя магические слова: "Левая рука вперед, не огпядываться".

Он размахнулся и замер. Тихину разорвал пронзительный крик:

– Убивают! Помогите! Убивают! Звала на помощь женщина.

Крик доносился откуда-то неподалеку. Джек бросил клюшку и побежал на помощь. Домов здесь было совсем немного, собственно говоря, рядом был лишь один небольшой, но весьма изысканный коттедж, на который Джек обращал внимание и раньше. Теперь он бежал туда. Домик был скрыт от Джека небольшим холмом, который он быстро обогнул, и не прошло и минуты, как он уже стоял у калитки.

В саду была девушка, и первое, что сгоряча подумал Джек, что кричала она. Но ему тут же пришлось изменить это мнение.

В руках у девушки была корзина с сорной травой, она, очевидно, только что пропалывала клумбу и как раз выпрямилась.

Девушка взглянула на Джека со смешанным выражением досады и удивления на лице.

– Прошу прощения, – сказал молодой человек, – это не вы кричали только что?

– Я? Нет.

Ее изумление было явно неподдельным, и Джек смутился. Голос у девушки был мягкий и приятный, с легким иностранным акцентом.

– Но вы должны были слышать, – воскликнул он, – кричали где-то совсем рядом.

Девушка подняла на него глаза.

– Но я совершенно ничего не слышала.

Джек в свою очередь поглядел на нее. Совершенно ясно, что она не слышала этого душераздирающего вопля.

– Кричали где-то совсем рядом, – механически повторил он.

Девушка поглядела на него с подозрением.

– А что кричали?

– Убивают! Помогите! Убивают!

– Скорее всего, кто-то подшутит над вами, месье, – произнесла она. – Ну кого здесь могли убивать?

Джек оглянулся с нелепой мыслью увидеть на садовой дорожке труп. Ведь не мог же крик почудиться ему. Но все вокруг было совершенно спокойно.

– Вы хотите осмотреть наш дом? – сухо спросила девушка.

Иронический тон смутил Джека.

– Извините, – сказал он, – должно быть, кричали где-то выше в лесу.

Он приподнял шляпу и удалился. Оглянувшись через плечо, он увидел, что девушка снова взялась пропалывать клумбу.

Он походил по лесу, но не за-

метил ничего необычного. Тем не менее, он был совершенно уверен, что крик ему не почудился. В конце концов, ему пришлось оставить свои поиски и вернуться в отель к завтраку. К поезду он едва не опоздал. Его мучила мысль, что следовало бы немедленно известить полицию, но он не сделал этого из-за девушки. Она явно считала, что он выдумывает; может быть, полиция подумает то же самое. Был ли он совершенно уверен, что действительно слышал этот крик?

Теперь он уже не был в этом уверен – естественный результат попыток разобраться в своих ощущениях задним числом. Может быть, это кричала какая-нибудь птица, а ему послышался женский крик?

Нет, это невозможно. Это был женский голос, и он это слышал. Он вспомнил, что как раз перед этим посмотрел на часы. Было двадцать пять минут восьмого. Для полиции это пригодится, если начнется расследование.

Возвращаясь вечером домой, он с тревогой просмотрел вечерние газеты, ожидая увидеть сообщение о преступлении. Но ничего такого в газетах не было, и Джек не мог понять, рад он этому или нет.

Следующее утро было сырым и холодным – настолько холодным, что способно было охладить энтузиазм любого, даже самого завятого игрока. Джек наскоро проглотил завтрак, вскочил в поезд и снова взялся за газеты.

Снова никакого упоминания происшествию. В вечерних газетах тоже ничего не было.

– Странно, – думал Джек, – крик-то был. Впрочем, может быть, это играли дети.

На следующее утро он поднялся рано. Проходя мимо знакомого коттеджа, он краем глаза увидел, что девушка опять пропалывала клумбу. Видно, для нее это было привычным занятием. Он поклонился и ему показалось, что она заметила его приветствие. Захватывая шар в очередную лунку, она взглянула на часы.

– Как раз двадцать пять минут, – прошептал он. – Хотел бы знать...

Слова замерли у него на губах. Где-то позади него снова раздавался крик, отчаянно кричала женщина:

– Убивают! Помогите! Убивают!

Джек бросился к коттеджу. Девушка стояла у калитки. Она изумленно и с испугом глядела на него. Джек почти выкрикнул:

– Ну теперь-то вы слышали?

Ее глаза широко раскрылись. Их выражения Джек не смог описать, но заметил, что, когда она приблизилась, она отшатнулась от него и даже оглянулась на дом, как будто хотела убежать от него и спрятаться там.

Она покачала головой.

– Но я ничего не слышала, – удивлением произнесла она.

Ее ответ поразил его как гром с ясного неба. Ясно, что она говорила искренне. Но не мог же он вообразить себе... не мог же он

не мог же он... Ее голос прозвучал мягко, почти участливо:

– У вас и раньше бывали галлюцинации?

Ему стало понятно, почему она испугалась, почему она хотела убежать от него в дом. Она решила, что он страдает галлюцинациями. Джек ужаснулся этой мысли, повернулся и понуро пошел прочь, не сказав ни слова. Девушка посмотрела ему вслед, вздохнула, покачала головой и снова принялась за клумбу.

Джек попытался разобраться в происходящем. "Если я снова услышу этот проклятый крик в двадцать пять минут восьмого, – подумал он про себя, – ясно, что у меня галлюцинация. Но я не услышу. Нет, не услышу".

Весь день он нервничал, рано лег спать, с тревогой ожидая следующего утра.

Естественно, он плохо спал, несколько раз за ночь просыпался и в результате проспал. Было уже двадцать минут восьмого, когда он выскочил из двери отеля и бегом помчался к полям для гольфа. Было ясно, что он не успеет добежать до того самого места вовремя, но очевидно, что если этот крик был галлюцинацией, то он услышит его, где угодно. Он бежал не сводя глаз со своих часов.

Двадцать пять минут. Издалека донесся женский голос, звавший на помощь. Слов нельзя было разобрать, но он был уверен, что это тот же самый голос, что он доносится из того же самого мес-

та, где-то неподалеку от коттеджа.

Странно, но это как-то его успокоило. В конце концов, это может быть мистификацией. Правда, непохоже, чтобы девушка стала бы разыгрывать его. Он расправил плечи и вынул из сумки клюшку. По дороге к коттеджу он сыграет несколько лунок.

Девушка, как обычно, была в саду. Когда он поздоровался с ней, она довольно смущенно ответила ему. Он подумал, что сегодня она выглядит красивее.

– Хорошая погода, не правда ли? – произнес Джек, досадуя на себя за столь банальное начало разговора.

– О да, чудесная!

– Для сада хорошо, верно?

Девушка улыбнулась, на щеках у нее появились ямочки.

– О нет! Моим цветам нужен дождь! Посмотрите, они прямо сохнут.

Джек взглянул на цветы.

– А по-моему, они прекрасно выглядят, – произнес он, отметив про себя какой-то странный взгляд, которым окинула его девушка.

– Солнышко лучше, правда? – сказала она. – Цветы всегда можно полить, а вот солнце дает силу и здоровье. Месье выглядит сегодня гораздо лучше.

Джека задел ее сочувственный тон. "Черт побери, – подумал он про себя, – она уговаривает меня, старается внушить мне, что я здоров".

– Я прекрасно себя чувствую, – произнес он вслух.

– Ну и замечательно, – примирительно сказала девушка.

У Джека осталось чувство досады: она ему не поверила. Он сыграл еще несколько лунок и поспешил в отель к завтраку. Когда он ел, у него возникло ощущение, что человек за соседним столиком внимательно его разглядывает. Причем, как он вспомнил, это ощущение у него появлялось уже и раньше. На вид это был человек средних лет, с волевым мужественным лицом, небольшой темной бородкой и пронзительными серыми глазами. Его уверенные манеры обличали в нем человека, принадлежащего к высшим слоям общества. Джек знал, что фамилия его Лавингтон, и он какой-то известный медик, но сам Джек к врачам обращался нечасто и поэтому не знал, чем этот Лавингтон знаменит.

Но в то утро его испугал спокойный интерес, который проявлял к нему доктор. Неужели его тайна написана у него на лице? Может быть, этот человек догадывается, что у него неладно с мозгами?

Джек зацепился за эту мысль. А вдруг это правда? А вдруг он действительно сходит с ума? Был ли этот крик галлюцинацией или это чей-то глупый розыгрыш?

И тут ему в голову пришла мысль, как самым простым способом разрешить все свои сомнения. Ведь он все время был на этом месте один. А если бы с ним был кто-нибудь еще? Тогда – одно из трех. Либо этот гопос будет

молчать. Либо они оба услышат его. Либо-либо – он один его услышит.

Он решил привести свой план в исполнение в этот же вечер. Лавингтон как раз тот человек, который ему нужен. Они легко разговорились – Лавингтон, казалось, сам хотел с ним поговорить. Ясно было, что Джек его интересует, то ли с медицинской точки зрения, то ли по какой-то другой причине. Джеку легко естественно удалось договориться с Лавингтоном сыграть в гольф до завтрака. Они условились встретиться на следующее утро.

Игра началась незадолго до семи часов. Была прекрасная погода – безоблачная и тихая, но не слишком жаркая. Доктор играл отлично, Джек посредственно. Все его мысли были сосредоточены на том, что будет в двадцать пять минут восьмого. Так они добрались до седьмой лунки, ближайшей к коттеджу. Было двадцать минут восьмого.

Девушка работала в саду и обратила на них никакого внимания.

Два мяча легли на траву рядом с лункой Джека, чуть в стороне от докторской.

Лавингтон наклонился, прицелился. Джек замер, глядя на часы. Было ровно двадцать пять минут восьмого.

Мяч покатился по траве, застрял на краю лунки, помедлил немного и скатился в нее.

– Здорово, – произнес Джек

Его голос прозвучал непривычно для него самого. Потом с облегчением передвинул часы на руке. Ничего не произошло. Привидение распалось. — Если не возражаете, прервемся на минутку, — сказал он, — я хочу закурить.

Они остановились у восьмой пунки. Джек набил трубку и закурил, пальцы его дрожали, но камень свалился с его души.

— Господи, какой сегодня прекрасный день, — с восторгом произнес он, обводя глазами раскрявавшийся перед ним пейзаж. — Ну давайте, Лавингтон, ваш черед.

И тут это случилось. Как раз в тот момент, когда доктор наклонился для удара. Высокий женский голос отчаянно звал на помощь:

— Помогите! Убивают! Помогите!

Трубка выпала из руки Джека, он обернулся на крик, потом перевел взгляд на доктора. Лавингтон смотрел, куда покатился шар, прикрыв глаза от солнца.

— Недопет, — вымопвил он.

Он явно ничего не слышал.

Мир завертелся вокруг Джека. Он сделал несколько шагов и тяжело рухнул на землю. Когда он пришел в себя, то увидел, что лежит на газоне, а Лавингтон склонился над ним.

— Ничего, ничего, — повторял доктор.

— Что со мной?

— Вы упали в обморок, молодой человек — ну, или попытались это сделать.

— Боже мой, — простонал Джек.
— Что с вами? Вас что-то беспокоит?

— Я сейчас отвечу вам, но прежде вы должны мне кое-что сказать.

Доктор раскурил трубку и уселся на скамейку.

— Спрашивайте, что хотите, — мягко сказал он.

— Вы наблюдаете за мной уже несколько дней. Почему?

Лавингтон чуть прикрыл глаза.

— Ну, что за вопрос. И кошка может смотреть на короля.

— Не надо так со мной говорить, я совершенно серьезно спрашиваю. Почему? Мне это очень важно знать.

Лицо Лавингтона посерьезнело.

— Я отвечу вам совершенно честно. Я заметил в вас признаки сильного душевного напряжения и заинтересовался, что вас так мучает.

— Легко могу удовлетворить ваше любопытство, — резко ответил Джек. — Дело в том, что я схожу с ума.

Он сделал паузу, но его слова, казалось, не произвели на доктора никакого впечатления. Джек повторил:

— Говорю вам, я схожу с ума.

— Любопытно, — пробормотал Лавингтон. — Любопытно, — повторил он.

— Ну конечно, я так и думал. Вы, доктора, чертовски равнодушны.

— Продолжайте, молодой человек, продолжайте, вы ведь не

знаете, в чем дело. Для начала я должен вам сказать, что у меня хотя и есть степень доктора медицины, но я не практикую. Строго говоря, я не доктор – не врач, я хочу сказать. Я лечу не тело, а душу.

– А!

– Я слышу в вашем голосе недоверие, однако должны же мы как-то обозначать то активное начало, существующее независимо от телесной оболочки. Давайте назовем его словом "душа", но не в том понимании, которое в него вкладывает церковь. Мы можем обозначить его словом "разум", или "подсознание", или любым другим словом, которое вам кажется наиболее подходящим. Вы обиделись на мои слова, но мне, право же, показалось любопытным, что такой уравновешенный и совершенно нормальный молодой человек, как вы, страдает галлюцинациями и сходит с ума.

– Да, я не в своем уме. Чистый псих.

– Извините меня, но я вам не верю.

– Но я действительно страдаю галлюцинациями.

– После обеда?

– Нет, по утрам.

– Не может быть, – сказал доктор, разжигая погасшую трубку.

– Говорю вам, я слышу то, чего больше никто не слышит.

– Один человек из тысячи может видеть спутники Юпитера. Из-за того, что остальные девяносто девять их не видят,

не следует, что у Юпитера нет спутников, или что этот тысячный – сумасшедший.

– Спутники Юпитера – научный доказанный факт.

– Возможно, что то, что сегодня считают галлюцинацией, будет научно доказанным фактом завтра.

Слова Лавингтона успокоили Джека. Доктор внимательно посмотрел на него, затем кивнул головой.

– Вот так-то лучше, – сказал доктор – ваша беда, молодые люди, в том, что вы слишком самоуверенны. Вы не признаете ничего, что выходит за рамки вашей философии, также в том, что вы теряете голову, когда происходит что-то для вас незнакомое. Расскажите, как вы пришли к выводу, что вы больны, а там уж подумаем, стоит ли сажать вас в сумасшедший дом.

Как можно спокойнее Джек изложил все, что с ним произошло.

– Единственно, чего я не понимаю: почему я сегодня услышал этот крик в половине восьмого, а на пять минут позже, – закончил он.

Лавингтон на минуту задумался. Затем спросил:

– Сколько сейчас на ваших часах?

– Без четверти восемь, – ответил Джек, взглянув на часы.

– Тогда все просто. На моих часах без двадцати восемь. Ваши часы на пять минут спешат. Для меня это очень существенно. Собственно говоря, это и есть самое главное

– В каком смысле? – заинтересовался Джек.

– Ну, самое простое объяснение заключается в том, что первый раз вы действительно слышали крик, может быть, вас кто-то разыграл, а может быть и нет. А дальше вы уже внушили себе, что слышите этот крик в то же самое время.

– Нет, я уверен, что ничего себе не внушал.

– Подсознание частенько подделывает с нами различные штуки. Но как бы то ни было, это объяснение не годится. Если бы дело было только в самовнушении, вы бы услышали крик в двадцать пять минут восьмого по вашим часам, и вы бы, конечно, ничего бы не слышали позже.

– Ну и что это такое, в этом случае?

– Ну это, пожалуй, ясно. Крик о помощи занимает определенное место во времени и пространстве. Место – где-то в непосредственной близости от коттеджа, время – двадцать пять минут восьмого.

– Ну хорошо, но почему только я один слышу его? Я не верю в привидения, в духов и во всю эту ерунду. Но почему я слышу этот чертов крик?

– Пожалуй, так сразу и не определишь. По правде сказать, большинство прекрасных медиумов были попервоначалу самими отъявленными скептиками. Некоторые люди видят и слышат то, чего другие не видят и не слышат – и мы не знаем почему. В девяти случаях из десяти они уверены,

что страдают галлюцинациями, ну вот, как вы, например. Это вроде как электричество. Некоторые вещества хорошо проводят ток, некоторые совсем не проводят, и мы долгое время не знали почему и просто принимали это как факт. Теперь мы знаем, в чем дело. Когда-нибудь, без сомнения, мы узнаем, почему вы слышали этот крик, а я и эта девушка не слышали. Все на свете управляется естественными законами, ничего сверхъестественного не существует. Исследование законов, которые управляют так называемыми психическими явлениями – задача не из легких, здесь важна каждая малость.

– Ну а мне-то что делать? – спросил Джек.

Лавингтон усмехнулся.

– Вы смотрите на дело с практической точки зрения. Ну что я вам могу сказать, мой юный друг? Я советовал бы вам как следует позавтракать и отправиться в город, не думая о вещах, в которых вы ничего не понимаете. Ну а я, со своей стороны, займусь этим вопросом. Посмотрим, что нам даст коттедж. Полагаю, что именно там зарыта собака.

Джек выпрямился.

– Думаю, вы совершенно правы, сэр. Только я хотел бы сказать...

– Да?

Джек покраснел.

– Я уверен, что девушка ни при чем. – пробормотал он.

Лавингтон взглянул на него с улыбкой.

– А вы и не сказали мне, что она хорошенькая! Ну, ничего, ничего, не краснейте, я думаю, что эта тайна не имеет к ней ни малейшего отношения.

Вечером Джек вернулся домой, горя нетерпением. Теперь он слепо доверял Лавингтону. Ведь доктор так спокойно воспринял все это.

... Когда он спустился в холл к обеду, доктор уже ждал его там и пригласил пообедать вместе.

– Какие новости, сэр? – тревожно спросил Джек.

– Ну, я проследил всю историю Хис-коттеджа. Сначала там жили старый садовник с женой. Старик умер, а вдова переехала жить к дочери. Затем владелец коттеджа перестроил его и продал кому-то из города, этот человек приезжал в коттедж только на субботу и воскресенье. Два года спустя этот владелец продал его неким Тернерам: мистеру и миссис Тернер. Вот они, насколько мне удалось узнать, были люди несколько странные. Мистер Тернер был англичанин, а его жена, как говорят, – наполовину русская. Это была несколько экзотическая, весьма красивая дама. Они жили очень уединенно, никого не принимали, и почти никуда не ходили. Согласно местным сплетням, они чего-то боялись, но не думаю, что это следует принимать всерьез.

Затем они вдруг уехали, просто однажды утром уехали и больше не вернулись. Местный агент по продаже недвижимости получил от мистера Тернера из Лондона

письмо с указанием как можно скорее продать коттедж. Мебель была продана на распродаже, сам дом достался некоему мистру Моллеверу. Он прожил там всего две недели, а потом объявил о сдаче коттеджа внаем. Сейчас там живут профессор из Франции с дочерью. Профессор болен туберкулезом. Они сняли коттедж всего десять дней назад.

Джек молча все выслушал.

– Не вижу, чем эти сведения могут нам помочь, – сказал он наконец. – А вы как думаете?

– Мне хотелось бы побольше узнать о Тернерах, – задумчиво произнес Лавингтон. – Они уехали рано утром, как вы помните. Насколько мне удалось узнать, с тех пор никто ни разу не видел миссис Тернер. Мистера Тернера видел только я – нет.

Джек побледнел.

– Этого не может быть, не думаете же вы...

– Не волнуйтесь, молодой человек. Влияние существа в момент смерти, особенно смерти насильственной, на окружающее достаточно велико. Окружающая обстановка может воспринять это влияние, а впоследствии это, так сказать, излучение может быть воспринято подходящим реципиентом – вот вами, например.

– Но почему я? – пробормотал Джек, – почему не кто-нибудь еще? Кто-нибудь, кто мог бы использовать это?

– Вы воспринимаете эту силу как нечто направленное и полезное, а не как слепую и механическую

ую силу. Я не верю в духов, которые делают что-либо с какой-то целью. Но я видел и не раз, едва это может быть простым совпадением, некое, так сказать, тепое стремление к справедливости, если можно так выразиться, подземное движение незрячей силы, направленное на установление истины.

Он вздрогнул, как бы стряхивая себя наваждение, и повернулся Джеку с улыбкой.

— Давайте оставим эту тему, по крайней мере на сегодня, — предложил он.

Джек с готовностью согласился, но не думать об этом не мог. В следующие дни, в субботу и в воскресенье, Джек попробовал сам навести справки о коттедже, ему удалось узнать не больше, чем доктору. Он перестал играть гольф перед завтраком.

Следующее звено в цепи появилось совершенно неожиданно. Однажды, когда Джек вернулся в отель, ему передали, что его хочет видеть молодая леди. К его величайшему изумлению, молодой леди оказалась девушка из коттеджа, которая пропалывала тумбу с маргаритками. Девушка была заметно смущена.

— Я надеюсь, вы извините меня, месье, за столь ранний визит. Но должна поговорить с вами. Я...

Она неуверенно огляделась.

— Давайте пройдем сюда, — предложил Джек и провел девушку в дамскую гардеробную, в это время пустую. Комната была достаточно тоскливая, обстав-

ленная красной плюшевой мебелью.

— Присядьте, мисс... мисс?..

— Маршо, месье, — Фелис Маршо.

— Присядьте, мадемуазель Маршо, и расскажите мне все.

Фелис послушно села. На ней было темно-зеленое платье, особенно подчеркивающее прелесть ее пичика. Джек уселся рядом с нею, и его сердце забилось быстрее.

— Все было так, — начала свой рассказ Фелис. — Мы прожили здесь очень недолго и с самого начала нам говорили, что в нашем доме, в нашем миленьком домике водятся привидений. Никто из слуг не соглашался жить в нем. Хотя это, правда, и не столь важно — ведь я сама могу готовить и следить за домом.

— Ангел, — подумал очарованный Джек. — Да она просто чудо.

Но ему удалось сохранить видимость спокойного делового внимания.

— Эти разговоры о привидениях — я считала, что все это глупости, но вот четыре дня назад... Месье, четыре ночи подряд я вижу один и тот же сон. Появляется молодая высокая, красивая, с очень светлыми волосами дама. В руке она держит голубой китайский кувшин. Она расстроена, очень расстроена. Она протягивает мне этот кувшин — она просит меня что-то сделать. Но увы! Она не может сказать, и я — я не знаю, чего она просит. Такой сон я видела первые две ночи — но позавчера,

позавчера она исчезла, и вдруг я услышала ее голос, понимаете, я знала, что это ее голос – и она кричала. О! Месье, это были те самые слова, как вы говорили в то утро: "Убивают! Помогите! Убивают!" Я проснулась в ужасе. Я пыталась уговорить себя, что все это ночной кошмар, что совпадение случайное. Но прошлой ночью сон повторился. Месье, что это такое? Вы тоже слышали эти слова. Что нам делать?

На лице Фелис был написан ужас. Она сжимала свои маленькие ручки и умоляюще глядела на Джека. Джек пытался продемонстрировать полное спокойствие, которого он вовсе не испытывал.

– Не волнуйтесь, мадемуазель Маршо. Знаете, я хотел бы, если вы не против, чтобы вы повторили ваш рассказ моему другу, доктору Лавингтону. Он живет в этом же отеле.

Фелис согласилась последовать этому совету, и Джек отправился на поиски Лавингтона. Через несколько минут Джек коротко и сбивчиво объяснял доктору, что произошло с девушкой. Доктор смерил Фелис испытующим взглядом, несколькими словами успокоил ее, а затем внимательно выслушал ее рассказ.

– Очень интересно, – произнес он, когда девушка закончила. – Вы говорили своему отцу об этом?

Фелис покачала головой.

– Мне не хотелось тревожить его. Он еще очень нездоров, – ее глаза наполнились слезами, – я стараюсь не волновать его.

– Я понимаю, – сказал Лавингтон. – Я рад, что вы пришли к мадемуазель Маршо. С Хартоном, как вы знаете, произошло нечто подобное. Я думаю, что теперь мы можем распутать узел. Больше вы ничего не знали?

Фелис сделала быстрое движение.

– Ах, ну да, конечно же, как я забыла, ведь это самое главное во всей этой истории. Посмотрите, месье, что я нашла на одном полке в шкафу.

Это был акварельный портрет высокой белокурой дамы с ловимо-неанглийским лицом. Мама была изображена около стола, на котором стоял голубой китайский кувшин.

– Я нашла это сегодня утром, объяснила Фелис. – Месье Хартон, это – та самая женщина, которую я видела во сне, и тот самый кувшин.

– Необыкновенно, – откликнулся Лавингтон. – Ключ к тайне это, несомненно, голубой кувшин. Мне кажется, он похож на китайский, возможно, старый.

– Китайский, – подтвердил Джек. – Я видел точно такой кувшин в коллекции моего дяди – он известный коллекционер, и я помню, видел у него недавно точно такой же кувшин.

– Китайский кувшин, – продолжал Лавингтон. Минуту он стоял погруженный в свои мысли, затем поднял голову, и странный блеск сверкнул у него в глазах. – Лавингтон, как давно у вашего

шошки появился этот кувшин?

– Как давно? Я, право, не знаю.

– Подумайте. Давно ли он его купил?

– Я не знаю. Впрочем, мне кажется, что он приобрел его недавно. Да-да, я вспомнил. Я-то сам не очень интересуюсь фарфором, но помню, как он с сияющим видом показывал мне последние приобретения, и этот кувшин был среди них.

– Менее двух месяцев назад? Гернереры уехали из коттеджа как раз два месяца назад.

– Да, наверное, это было меньше, чем два месяца.

– Бывает ваш дядя на распродажах?

– Да, он вечно ездит на всякие торги.

– Тогда нет ничего невероятного в предположении, что он купил этот образчик фарфора именно на распродаже имущества Гернереров. Странное совпадение, или, может быть, это и есть как раз то, что я называю слепым стремлением к справедливости. Хардингтон, вы должны узнать у своего дяди, где он приобрел этот кувшин.

У Джека вытянулось лицо.

– Боюсь, это невозможно. Дядя Джорж уехал в Европу. Я даже не знаю, куда ему писать.

– А как скоро он собирался вернуться?

Молчание. Фелис в тревоге переводила взгляд с одного на другого.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Вот что, – сказал Лавингтон, в его тоне чувствовалось сдержанное волнение. – Это, конечно, необычно, но думаю, что возможно. Хардингтон, вы должны привезти этот кувшин сюда и, если мадемуазель позволит, мы проведем ночь в Хис-коттедже с этим кувшином.

Джек почувствовал, что у него по спине побежали мурашки.

– И как вы думаете, что произойдет? – с трудом произнес он.

– Не имею ни малейшего представления, но я уверен, что тайна проявится и привидение снова появится. Вполне возможно, что у этого кувшина двойное дно, и в нем что-то спрятано. Если же ничего не произойдет, нам остается рассчитывать только на собственную изобретательность.

Фелис захлопала в ладоши.

– Это прекрасная идея! – воскликнула она.

Ее глаза сверкали энтузиазмом. Джек, по правде сказать, не испытывал никакого восторга и с удовольствием уклонился бы от участия в таком предприятии, но устоять перед Фелис было выше его сил. Доктор же вел себя так, будто бы не заметил смущения Джека.

– Когда вы сможете достать кувшин? – спросила Фелис, повернувшись к Джеку.

– Завтра, – безвольно выдавил из себя тот.

Ему придется пройти через это новое испытание, но тогда он избавится от леденящего душу кри-

ка, который преследует его каждое утро.

Вечером он зашел к дяде и взял кувшин. Его поразило сходство дядиного кувшина с тем, который был изображен на акварели, но сколько он ни разглядывал его, секрета обнаружить не удалось.

В одиннадцать часов они с Лавингтоном встретились у калитки Хис-коттеджа. Фелис уже поджидала их и открыла дверь до того, как они постучали.

– Входите, – прошептала она. – Папа спит наверху, не разбудите его. Я сейчас сварю кофе.

Она провела их в маленькую уютную гостиную. На каминной решетке стояла спиртовка, на которой она приготовила ароматный кофе.

Джек размотал многочисленные обертки китайского кувшина. Фелис с трудом перевела дыхание.

– Да, да, – взволнованно прошептала она, – Это он – я узнала бы его, где угодно.

Тем временем Лавингтон занялся приготовлениями. Он снял безделушки с маленького столика и поставил его посередине комнаты. Вокруг столика он разместил три стула. Затем взял у Джека кувшин и водрузил его в центре стола.

– Теперь, – произнес он, – мы готовы. Выключите свет и давайте сядем вокруг стола в темноте.

Все повиновались ему. Голос Лавингтона зазвучал снова.

– Ни о чем не думайте. Не напрягайтесь. Возможно, один из

нас обладает медиуматическими способностями. Если так, человек сейчас впадет в транс. Помните, что бояться нечего. Гоните страх из ваших сердец спокойно, спокойно, спокойно.

Его голос замер, наступила тишина. Проходили минута за минута, и тишина, казалось, застилала все вокруг. Лавингтону было трудно было говорить: "Изгоните страх. То, что испытывал Джек, не было страхом – это был панический ужас. И он был почти уверен. Фелис чувствует то же самое. Внезапно раздался ее голос, тихий и хриплый от страха:

– Я чувствую, что должно произойти нечто ужасное.

– Прогоните страх, – промолвил Лавингтон, – не сопротивляйтесь влиянию.

Казалось, темнота стала еще темнее, а тишина еще тише. И ближе, ближе подступало к Джеку чувство какой-то неопределившейся угрозы.

Он почувствовал, что дрожь зло было совсем рядом.

И в этот момент напряженные спало – он отдался течению, веки сомкнулись. Мир, темнота

Джек вздрогнул. Голова болела как будто налита свинцом. Где-то Солнечный свет, птицы. Он открыл глаза, ждал, глядя в небо.

Джек разом пришел в себя. Маленькая комната. Ночное небо. Фелис и доктор. Что произошло?

Он сел, огляделся, голова нерявно кружилась. Он находился в лужайке рядом с коттеджем. Вблизи никого не было. Джек взглянул на часы. К его изумлению, они показывали половину первого.

Джек вскочил и со всех ног ринулся к коттеджу. Они, должно быть, испугались, когда он впал в обморок, и вынесли его на воздух.

Подбежав к коттеджу, он забарабанил в дверь. Но в коттедже все было тихо. Должно быть, Фелис и доктор ушли за помощью. Или... или... Джека охватил неопределенный страх. Что случилось той ночью?

Джек поспешно направился в гостиную. Едва он собрался обратиться с расспросами к портю, как сильный толчок едва не сбил его с ног. Раздраженно обернувшись, он увидел седовласого улыбающегося джентльмена.

– Не ожидал увидеть меня, мой мальчик? – засмеялся тот.

– О, дядя Джордж, а я-то думал, что вы за тысячу миль отсюда, в Италии.

– А вот и не так. Уже вчера я был в Дувре. Думаю, дай-ка я возьму мотор и посмотрю, как там мой мальчуган. И что я вижу? Не ночуешь дома, вот как? Гуляешь, а?

– Дядя Джордж, – прервал его Джек. – Я вам расскажу совершенно необыкновенную историю. Думаю, вы просто не поверите.

И он изложил все, что с ним случилось.

– И один Бог знает, что с ними произошло, – закончил он.

Дядю Джорджа, казалось, хватил удар.

– Кувшин, – наконец выдавил он из себя, – ГОЛУБОЙ КУВШИН! Что с ним?

Джек посмотрел на него с недоумением, но, наконец, в бессвязном потоке дядиных слов он уловил смысл. Задыхаясь, тот хрипел:

– Редкость... уникам... жемчужина моей коллекции, по крайней мере десять тысяч фунтов... предложение от Гугенхаймера, американского миллионера... единственный в мире. Сэр, что вы сделали с моим ГОЛУБЫМ КУВШИНОМ?

Джек бросился в контору отеля. Он должен найти Лавингтона. Дама за конторкой холодно взглянула на него.

– Доктор Лавингтон уехал рано утром на машине. Он оставил для вас письмо.

Джек вскрыл конверт. Письмо было коротким, но все объясняло.

«Мой юный друг!

Как видите, время сверхъестественных явлений еще не кончилось, особенно, если они имеют научное обоснование. Самый теплый привет от Фелис, ее больного папеньки и от меня лично. Мы уехали двенадцать часов тому назад, так что запас времени у нас достаточный.

Искренне ваш

*Эмброуз Лавингтон,
доктор душевных наук».*

Перевела с английского
Надежда ПОЖАРИСКАЯ

Сергей
БОНДАРЕНКО
14 лет, Ленинград

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЭТОМ МИРЕ?..

* * *

*Что случилось в этом мире непонятном?
Теплый запах подгнивающей листвы
Восходит к небу и звенит невнятно
Над просторами большой Невы*

*Что случилось в этом мире сером
И порывистым ветрам моим подстать.
Рыжий кот на небо смотрит с верой,
Кошкам тоже хочется летать.*

* * *

*А я пройду по тихим переулкам,
Хотя меня туда совсем не звали.
И по дворам невыносимо гулким,
Что на Екатерининском канале.*

*И эхо, словно сотня микрофонов
Мой голос унесет под эти крыши.
А я пойду стихи читать грифонам,
Они одни меня сейчас услышат.*

ЛЫЧАКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

*Чьи-то жизни, чьи-то судьбы,
чьи-то слезы
Чье-то горе, как отчаянный набат.
Но об этом только старые березы
И акации теперь прошелестят.*

*Но мне кажется,
что все ж бесчеловечно
Самому себе могилу рыть.
Львовяне при жизни
ставят себе склепы,
Ведь надгробья древние, как вечность,
Нас предупреждают:
"Надо жить!"*

Ночных огней клубится рой.
В промоинах витрин – истома.
Хозяин этакой порой
И пса не выпустит из дома.
Но ночь уходит. Снам – конец.
И возникают в тьме крамольной
Пассаж, похожий на дворец,
Кресты, похожие на Смольный.

Адмиралтейство, тихо, вечер...
Деревьев траурный парад.
Под шпилем, как большие свечи,
Колонны белые стоят.
Они не оплывут к рассвету,
Их пламя ветер не качал.
Под их белесым скудным светом
Никто не плачет по ночам.

СОБАКА

Он брел по дороге, как будто во сне.
И вьюга трепала его по спине.
И город пустынный лежал позади.
И стылое сердце стучало в груди.

Он помнил и не было мига страшной.
Собрал чемоданы хозяин скорей,
Присел на дорогу, шагнул за порог,
И щелкнул утробно квартирный замок.

Собака металась в бреду до поздна,
Как будто недоброе знала она,
Вскочила на стол, перемяла кровать.
К окну, стекла брызнули – надо бежать.

Он шел по дороге вперед и вперед.
Куда его мудрость собачья ведет.
Он шел и не видел пути своего,
Усталость и голод свалили его.

У самой дороги на черном снегу
Лежал он свернувшись в мороз и пургу.
Но в мыслях бежал он, не ведая бед,
Туда, где хозяина теплится след.

И он пролежал в тишине до весны,
В его голове не теснились уж сны.
А люди не знали о нем ничего,
И только метель отпевала его.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ТЕРАПЕВТЫ

Николай НЕПОМНЯЩИЙ

Пьяный водитель, который сбил десятилетнюю мексиканскую девочку Марию, приговорил ее к медленной и мучительной смерти. Она была неспособна ни говорить, ни двигаться. После нескольких месяцев в госпитале врачи предложили ей домашний режим, поскольку большего, чем они уже сделали, сделать было невозможно.

Мария, может быть, так и осталась бы в таком бессознательном состоянии, если бы в дом не забрел бродячий кот, которого семья окрестила Мигелем.

Как разворачивались события дальше, рассказывает автор вышедшей недавно в Лондоне книги "Невероятные кошки" Дэвид Грин:

"Когда я посетил эту семью, живущую в комфортабельном доме в пригороде города Масатлан на побережье Тихого океана, Мария безмятежно играла с роскошным черным котом. Но это был не Мигель, как объяснила мне Франческа, мать девочки. Выполнив свою благородную миссию, кошачий кабальеро скрылся в теплой мексиканской ночи так же бесшумно и таинственно, как появился".

Франческа рассказала Грину, что первый раз увидела молодого кота, когда зашла в комнату до-

чери, чтобы пожелать ей спокойной ночи.

В комнате было темно, но она внезапно заметила какое-то движение. Рядом с левой рукой девочки, сидел маленький кот. Окно было открыто, поскольку Мария всегда любила свежий воздух. Ее доктора сказали родителям, что любое воспоминание о прошлом может оказаться благоприятным. Мать предположила, что тощий грязный бродячий кот зашел в комнату в поисках пищи, и решила было выбросить его из комнаты; но вдруг увидела нечто такое, что заставило ее позвать мужа. Голова кота находилась над дом с левым запястьем девочки, и он осторожно облизывал ее большой палец. Франческа увидела кое-что еще: пальцы Марии слегка подрагивали под нежными поцелуями. Это было первое движение девочки после катастрофы. Не обращая внимания на присутствие женщины, кот продолжал свое медленное целенаправленное вылизывание, пальцы Марии пошевелились еще раз, с большей уверенностью.

После этой ночи Мигелю — они его называли — не просто позволили спать в комнате Марии, его всячески поощряли к этому. Иногда он уходил через окно, через несколько часов все

возвращался. Большую часть времени он лежал, прижавшись к девочке, заботливо облизывая ее пальцы своим розовым языком.

Через несколько дней после того, как появился Мигель (если точно, то через восемь), Мария вышла из комы и впервые за семь месяцев заговорила. Начиная с этого момента, восстановление пошло очень быстро. Когда она полностью оправилась, родители решили взять ее на каникулы в США. Экономке дали строгие указания оставлять окно спальни открытым и каждый вечер ставить у постели свежую воду, пищу и молоко. Однако, когда они через две недели вернулись, Мигеля не было.

Как рассказала экономка, четыре дня подряд после их отъезда он приходил в дом, ел и спал на пустой постели. Но на пятый день не явился и вообще исчез.

Выздоровление Марии, описанное в книге Д. Грина, хотя и весьма впечатляющее, не было полнейшим сюрпризом для психиатров и терапевтов, которые и раньше знали об излечивающих способностях кошек. Их исследования доказывают, что любимая кошка приносит большое эмоциональное удовлетворение. Она стоит на страже физического здоровья и даже может спасти человеку жизнь.

Кошки уже настолько подтвердили свою способность к терапии некоторых заболеваний, что сейчас их начали специально выводить применительно к конкретным формам заболеваний, отбирая животных с определенным темпераментом и "личными" характеристиками.

"Примерно через полтора года

после того, как я побывал у Марии и ее родителей в Мексике, я оказался в довольно мрачной психиатрической лечебнице в пригороде Вашингтона, округ Колумбия, — пишет Д.Грин. — Но если внутренняя обстановка — оливково-зеленые стены, коричневые занавески, кровати с железными прутьями — и вызвали гнетущее чувство, в энтузиазме и настойчивости персонала клиники сомневаться не приходилось. Меня пригласил главный психиатр лечебницы, чтобы я тоже понаблюдал начало того, что, как он надеялся, станет тесной и взаимной дружбой. Если Мария и Мигель встретились благодаря случайно открытому окну, то Билли, девятнадцатилетнего пациента лечебницы, сознательно познакомили с Роки, полуторогодовалым котом мармеладного окраса.

Во время пребывания Билли в больнице ни одно из множества рекомендованных ему лекарств не принесло улучшения. Теперь психиатры надеялись, что излечивающая способность кошки может быть, приоткроет окошко в давно и серьезно пораженный мозг.

Билли, больной с детства, проводил свои дни, неподвижно лежа на больничной койке и уставясь немигающим взором на зигзагообразную трещину на противоположной стене, которая, казалось, только и интересовала его в этом мире. Медицинские сестры кормили его, купали, меняли одежду. Если они случайно поворачивали больного так, что он не мог видеть свою любимую трещину, то раздавались пронзительные вопли. Он не замолкал, пока его взгляд снова не натыкал-

ся на трещину. Эти крики были единственным способом его общения с миром.

Психиатр принес кошку в палату Билли и посадил ее на постель.

“Это Роки, – доверительно сказал врач, – я знаю, вы станете друзьями”.

Глаза Билли на мгновение отклеились от трещины в стене, и он быстро и безразлично посмотрел на кошку. Психиатр невозмутимо взял руку Билли и положил ее под нос Роки. Кот обнюхал неподвижные пальцы, фыркнул, приветственно лизнул их и улегся, положив голову на руку молодого человека.

И хотя их первая встреча не произвела на Билли сколь-нибудь заметного впечатления, в следующие дни и недели между ними мало-помалу начала устанавливаться дружеская связь. Вначале Билли надо было поощрять, чтобы он погладил кота. Сестра брала его руку и водила нереагирующими пальцами по длинной красивой шерсти Роки. Постепенно, возможно, благодаря тому, что коту явно нравились эти манипуляции, Билли начал проявлять активный интерес к поглаживанию животного и стал делать это по собственной инициативе. Со временем он научился кормить Роки, присматривать за ним и, наконец, начал играть с ним.

Просветление, на которое надеялись врачи, наступило внезапно: однажды Билли повернулся к медсестре и сказал: “Роки голоден, он хочет есть”.

Это были первые слова, которые он произнес более чем за десять лет. С этого момента начался стремительный прогресс.

Через несколько месяцев Билли был уже вполне здоров, покинул госпиталь и вернулся домой.

С тех пор, как было установлено, что кошки обладают способностью оказывать благотворное воздействие на помутненное сознание и восстанавливать подвижность конечностей, – это произошло в середине 70-х годов, – их стали все больше и больше зачислять на Западе не только в больницы, но также и в специальных учебных и лечебных заведениях для умственно отсталых наркоманов, алкоголиков, а также в домах престарелых. Кошки оказывали помощь мужчинам, женщинам и детям, страдающим серьезными психическими заболеваниями, сердечными расстройствами, а также повреждениями мозга, вызванными как кровоизлияниями, инсультами, так и механическими травмами. Кошки помогли многим алкоголикам избавиться от пагубного пристрастия к бутылке и способствовали исцелению наркоманов.

Среди первых терапевтов, распознавших “эффект кошки” были сотрудники специальной школы для умственно отсталых детей Грин Чимниз – это федеральное учреждение, основанное в 1948 году, находится в городе Брюкстер, штат Нью-Йорк. Сегодня в Грин Чимниз проходят курс лечения и обучения около 140 пациентов – число обслуживаемых их четвероногих “специалистов” в пять раз больше, причем это не только кошки, но и телята, поросята, пони. Джон Гейнз, директор школы, утверждает, что такое лечение бывает более успешным, когда дети относятся к животным с интересом

и ответственностью. Работа с животными, считает он, оказывает благотворное воздействие на детей, внутренняя жизнь которых представляет собой "поистине кошмарный горячечный бред".

Пятнадцать лет назад многие детские специалисты отвергли бы такие идеи как невозможные и отнеслись бы к деятельности школы Грин Чимниз как к шарлатанству. Сегодня же подавляющее их большинство убеждено, что все виды домашних животных могут оказывать действенную терапевтическую помощь, хотя одни животные лучше подходят для этих целей, чем другие. И лидируют среди "лекарей" кошки.

Пионеры этой формы лечения — доктора Сэмюэль и Элизабет Корсоны, а также их коллеги с кафедры психиатрии университета штата Огайо. Они считают, что домашние животные "выполняют роль катализатора, генерируя чувства, которые передаются людям". Многие пациенты, например, способны воспринимать преданность и любовь кошки, причем задолго до того, как они начинают реагировать на подобные чувства окружающих их людей. "Когда они играют с кошками и другими домашними животными, даже очень серьезно больные дети становятся совершенно другими, — говорит профессор Корсон, — они получают заряд любви, и это помогает лучше всего".

Доктор Джеральд Лауибир, консультирующий психиатр в Хортонском госпитале (город Эпсом, Великобритания), считает, что домашние животные оказывают помощь и иным образом: каким бы ни был госпитальный

уход, пациенты чувствуют себя униженными из-за своей полнейшей зависимости от медицинского персонала, а забота о кошках восстанавливает у них потерянную уверенность в себе. Вновь возрождается способность к самооценке — это достигается за счет того, что пациенты сами становятся как бы "опекунами" животных. Они принимают на себя ответственность за жизнь других существ и в свою очередь получают их преданность, любовь и внимание.

Терапевты обнаружили, что хотя все кошки обладают способностью усиливать лечебный процесс, лучше всего это получается у чувствительных животных с теплым характером. Роки, тот самый, что вытаскил Билли из небытия, был представителем специально выведенной породы, отличающейся большой преданностью и чувствительностью. Кошек тщательно отбирают, внимательно наблюдая за их поведением по отношению к людям, и дальше идет отбор: из преданных — самых преданных. Спустя несколько поколений выводится кошка, характер которой находится в идеальной гармонии с эмоциональными потребностями больного.

Пациентами кошек бывают не только люди, как мы обнаружили недавно, посетив штаб-квартиру Лиги защиты кошек в Хоршэме под Лондоном. Там нам рассказали о ветеринарной лечебнице на южном побережье Англии, возглавляемой Элизабет Стюарт-Хогг. Она лечила сотни получивших травмы птиц и животных, выхаживая их до полного восстановления здоровья. Среди паци-

ентов в одно и то же время были сова с поврежденным крылом, молодой ежик, кайра с покрытыми маслом перьями и кролик со сломанной лапкой. Элизабет работала отнюдь не в одиночку. Ей помогали четыре из множества ее кошек: Перси, которая присматривала за Джилль (кайрой), Симеон, который спал с ежиком, Уильям, занимавшийся совой Баффи, и Уиспер, лучший друг кролика Тимоти.

Одним из наиболее заметных "лекарей" был Перси, который постоянно приводил в порядок перышки Джилль, тогда как Уильям только и делал, что дремал рядом с совой.

"Мои животные – природные лекари, – рассказывала Элизабет, – они тянутся к больным животным, которые попадают сюда, и заботятся о них с такой же тщательностью, как и я сама. Я уверена, что без их помощи многие из выздоровевших животных – причем выздоровевших с великолепными результатами – вообще не остались бы в живых".

В чем секрет лекарской силы кошек? Несомненно, их успех обусловлен не только теплом, заботой по отношению к пациентам. Это безусловно весьма ценно, однако многие специалисты, с которыми я общался, согласны, что корни кошачьей способности лечить лежат гораздо глубже и в значительной степени обусловлены уникальной психологической связью между больным и кошкой.

Вы знаете, когда кошка принимает вас и проявляет свою любовь, между вами возникает особая связь. Выражение любви у кошек всегда демонстрируется

открыто и искренне. В отличие от людей, они никогда не обманывают и не льстят, передавая свою преданность немymi сигналами. Трутся о ваши ноги, выгибают под вашими пальцами шейку.

Именно это приводит ученых к выводу о второй причине эффективности кошачьей терапии: они великолепно используют прикосновения и, в свою очередь, реагируют на них.

Потенциальную мощь тончайшей стимуляции нетрудно понять, если вспомнить о чрезвычайной чувствительности кожи. Она составляет у взрослого человека 6–8 процентов от общего веса тела. В каждом сантиметре кожи содержится до 4 миллионов клеток и около 100 нервных окончаний, а в общей сложности на коже – 640 тысяч чувствительных рецепторов. Мы способны выжить и даже в значительной степени преодолеть последствия, вызванные потерями зрения, слуха, обоняния и вкусового осязания. Но если нас лишит кожного осязания, жизнь станет невозможной. Без непрерывающейся обратной связи, которую обеспечивает кожа, мозг, например, не сможет регулировать мышечный тонус, то есть не заставит мышцы реагировать в экстремальных ситуациях. Когда рука или нога немеют, отсутствие осязательных реакций значительно затрудняет их движение, поскольку через них в этот момент не проходят жизненно важные сигналы.

Трудно живется человеку, который в раннем детстве не знал ласки, поглаживаний. В отрочестве отсутствие такого осязательного контакта часто создает серьезные эмоциональные барьеры –

подросток либо сам отказывается прикасаться к другим, либо протестует против прикосновения к себе.

Один из ведущих специалистов по осязательной терапии доктор Бертрам Фоукер указывает: "Самая примитивная реакция на нежное прикосновение в критические периоды – это чувство расслабления тела и уверенность, что ты не одинок".

Животные лижут детенышей не только для того, чтобы вычистить их, но и – что более важно – поддерживать многочисленные системы – кровообращение, пищеварение, нервную систему в хорошем состоянии. И когда в доме выращивают котенка, лишившегося матери, надо не только давать ему пищу. Требуется кое-что еще, не менее важное. Необходимо, например, протирать его ватой, смоченной в теплой воде.

Кошка вылизывает своих котят в строго определенной последо-

вательности, заложенной в ее врожденной программе. Делая от трех до четырех "лизков" в секунду, кошка проводит приблизительно 53 процента своего времени за этой процедурой. Она еще и себя любит приводить в порядок. Неудивительно, что ее язычок в процессе эволюции приобрел специфическую шершавость.

Таким образом, рядом с нами уникальный терапевт, специализирующийся на осязательной терапии.

В свою очередь, кошка также любит ласки и поощряет их мурлыканьями и выражением удовольствия. Когда мы ее гладим, не только делаем ей приятное, но и сами удовлетворяем свои невосполненные потребности в прикосновении. И на этом еще не исчерпывается та польза, которую кошки приносят своей преданностью и дружеским расположением.

Фото
Сергей
ПЕТРУХИНА

*А у вас
есть кошка?*

ТАКИХ НЕ БЕРУТ В КОСМОНАВТЫ

”Однажды промозглым холодным вечером первого апреля 1986 года на продуваемой всеми ветрами мира староарбатской улице повстречались четверо замерзших, но очень талантливых парней. Авангардная живопись, эротическая пантомима, балет, музыка – вот неполный перечень испытаний, выпавших на их долю”, – так незамысловато и скромно начинают рассказывать биографию своего коллектива музыканты группы ”Мангоманго”.

Группа создана в стенах Московской рок-лаборатории. Впрочем, упоминание ”стен” в данном случае – почти условность. Пять лет лаборатория занимает комнатку в помещении столичного ЕНМЦ (единиго научно-методического центра по работе с самодеятельностью, где рок-объединение возникло, однако, не по методике, а самостийно, по инициативе музыкантов). Нынче Мосгорисполком выдал рок-лаборатории ордер на поселение в доме по Садово-Спаской, 26. Но решение городских властей оказалось не указом для начальства районного, новоселья все нет, а МРЛ куда перевели в другое помещение ЕНМЦ, по сравнению с которым малогабаритная кухня покажется дворцовым залом.

Вот в таких условиях... Впрочем, многое из великого в мировом искусстве рождалось в тесных мансардах или за коммунальной перегородкой. Немало хороших рок-групп вышло и

Фото
Дмитрия ЛОВКОВСКОГО

из-за перегородки рок-лаборатории. Среди них – "Мангоманго". А "Мангоманго" – это не "хухрымухры!" – таким образом, как вы догадались, группа разъясняет смысл своего названия, не забывая о вежливом комплименте собственному отражению в зеркале. "Это неозкзотика, это новая любовь. Это загадочно и романтично, это нужно людям!" – снова "Мангоманго" о себе.

Во всяком случае, с последним утверждением группы не могу не согласиться, признавшись, что "Мангоманго" – один из моих любимейших коллективов. Я намеренно не называю

их, да они и не претендуют зваться непременно рок-группой. Понятие "рок" норовит объять необъятное. Нынче им, кажется, именуют любое маломальски неординарное движение души. В этом смысле, "Мангоманго" безусловно – рок. Но чтобы стало понятнее...

Сегодня МРЛ сотрясает панкомания. Москва отстает от Ленинграда в панк-эпидемии ровно на год. Среди всех градаций черного юмора, пришедшего в рок на смену агрессивной публицистике, среди частушек про жестоких мальчиков, распутных девочек, тупых дядь и тетя, "Мангоманго" выделяется де-

мократичной внятностью юмора, сродни привычной пародии. Группа возрождает легендарные традиции эстрады, не имеющие ничего общего с тем скудоумием, к которому эстраду принудили, начиная с 30-х годов.

Пересказывать песни и сценические шутки дело неблагодарное. "Мангоманго" энергично гастролирует по стране, концерты группы не редкость. Музыканты мелькнули в фильме "Лимита, или четвертый сон", но по экранному эпизоду представление о них вряд ли можно составить. Уж лучше купить запись в фонотеке МРЛ, связавшись по адресу: 103012, Москва, Старопанский переулок, 1/5. Хотя все-таки и фонограмма не даст полного впечатления, поскольку в выступлениях "Мангоманго" большую роль играет шоу.

Как только по второй программе телевидения "Время" стали передавать с переводом на язык неслышащих, что поначалу вызывало любопытство у любой аудитории, ведь движения рук глухонемых очень выразительны и могут восприниматься как спектакль пантомимы, эффектный аттракцион, "Мангоманго" тут же взяло нововозрождение на вооружение. Песенка "Лучшая рыба – это колбаса" пошла с эксцентричным "подстрочником" на языке жестов, причем "ведущий" подметил даже то, как теледикторы-переводчики управляют с движениями быстрее, чем идет

звучащий текст и комично замирают в позе отрешенной первоклассницы, аккуратно сложив руки на столе.

Обширна в творчестве "Мангоманго" водная тематика. В одной из песен персонажам никак не удается совладать с этой жидкостью, будь она хоть в бассейне для прыгуна с трамплина, хоть в розлив по стаканам. Однако мораль отсюда, ни много ни мало, а о героизме. "Таких не берут в космонавты!" – сурово скандирует "Мангоманго", и эта фраза надолго стала любимым стебным лозунгом молодежи, появляясь на значках, на наклейках и надписях на одежде.

Также хитом, появившимся в телепрограммах, закрепилась баллада про аквалангистов. Начинается она опять-таки с неудачи персонажа – его укусила акула. Но благополучно вынырнув на берег, он с таким пафосом рассказывает про свои подводные подвиги, про награды за доблесть и обожание девушек на причалах, ну совсем как в классическом кабацком эпосе, многое подарившем "песням великих строек" и очень изящно спародированном группой.

Выступает "Мангоманго" в неких "ближневосточных" костюмах, таких, какими, по крайней мере, их представляют где-нибудь на карнавале в Малаховке.

На последнем фестивале МРЛ "Мангоманго" показало свое новое "курортное" шоу. Не обошлось здесь без булавок в

адрес охватившего тогда страну увлечения Кашпировским и Чумаком, отразившегося в песне "Магия" с ударной фразой – "на север привезли бананы". Было что-то похожее на зубозаговаривающие причитания другого великого фокусника – Арутюна Акопяна, дарящего зал, по версии группы, "открытиями", типа: "рыба плавает там, где вода, космонавты летают, где небо". Короче, "над Сибирью тьма", но "песни весело поет снежный человек", – ехидничает "Мангоманго", подтрунивая со своего "курорта", мол: "Вы там на севере совсем одурели".

Не все участники первого состава группы выдержали этот бедлам. Зато подоспели другие, и теперь "Мангоманго" выступает во внушительном по количеству составе: Андрей Гордеев – вокал, Андрей Чичерюкин, Александр Надеждин, Сергей Галкин, Владимир Кузьмин, Вадим Шевкопляско. Они играют на гитарах, саксофонах, аккордеоне, барабанах, перкуссии, клавишных и еще на уйме всяких эксцентричных инструментов, которые называют смешными ласковыми именами, вроде – маринбы или цирюмбалы. Есть еще в группе такой персонаж – Генрих – шоумен. А уж кордебалет в неограниченном количестве, по мере надобности.

Кому как, а мне веселые капустники "Мангоманго" очень нравятся.

Нина ТИХОНОВА

”ФРИСТАЙЛ”

”Фристайл” – это свободный стиль.

”Фристайл” – это веселая дискотечная карусель.

”Фристайл” – это конкуренция ”Ласковому маю”

”Фристайл” – это яркие костюмы и честная работа без фонограмм.

То, что все это так и не плод разыгравшейся фантазии на почве музыкального многообразия, я убедилась на концертах с участием нового коллектива с таким спортивным названием. Хотя в данном случае эпитет ”новый” требует уточнения. Таков он для сцены. Однако студийную группу ”Фристайл” фаны поп-музыки знают уже около двух лет. Это появление именно ее музыкальной продукции на рынке звукозаписи пошатнуло, казалось, незыблемые позиции лидеров дискотек. И хотя ”Фристайл” плывет в том же

русле, что и бесчисленные звездно-сталкерские коллективы, тем не менее в его песнях и исполнении можно найти черты, отличающие группу от вышеназванных.

Но прежде несколько слов о тех, кто работает в группе. Это А. Розанов (музыка, художественный руководитель), С. Ганша, В. Ковалев (гитара), А. Наливайко (ударные), А. Столпов, С. Кузнецов (клавиши), В. Киреев, Н. Кирсо, В. Козаченко – вокал.

Часть музыкантов какое-то время играла в коллективе популярного Михаила Муромова. Но роль аккомпаниаторов звезды их явно не устраивала. Творческий потенциал ребят сулил более выгодное положение на музыкальном Олимпе. И вот тогда, взвесив все "за" и "против", они решили организовать свою команду. Сразу найденное название – "Фристайл" – более чем точно отражало творческое и жизненное кредо нового коллектива.

Скажем, сегодня "Фристайл" играет дискотечный попс, а завтра утяжелит свой стиль и сделает мощнейший треш. Или вчера они никому неизвестные музыканты всеми любимого певца, сегодня – самостоятельная команда, а завтра каждый из них явится на сцене солистом-виртуозом. "Фристайл", одним словом.

Но окончательно группа сформировалась тогда, когда в нее пришел Вадим Козаченко – несколько лет выступавший в

"Фестивале". Думаю его приход придал "Фристайлу" ту самую самобытность, о которой я сказала в самом начале. Худой, аскетичного вида, как ни странно коротко стрижен, в ярких атласных шароварах "гарного хлопца" он выходит на сцену. Сильный, красивый голос, минимум движений, их органичность сделали его любимчиком всегдаев дискотечных концертов, особенно его слабой половины.

Вадим родился в Горловке. Пел в самодеятельности в школе, потом в военном училище. Да-да, именно там, где он готовился стать вполне боевым и доблестным офицером минус атласные шаровары. Свое поступление в училище Вадим объясняет исключительно слабостью собственного характера.

– После окончания школы наша семья переехала в другой город. Друзья, которые знали и поддерживали меня, были далеко, и, честно признаться, я растерялся. От неуверенности в себе поступил в военное училище.

Что ж, за ошибки приходится дорого платить. Эту истину молодой певец усвоил надолго и старается, как ему теперь кажется, не совершать необдуманных поступков.

Напротив, теперь он дотошен во всем, что касается его работы: тщательно обдумывает и взвешивает идеи костюмов, ищет выразительные средства музыки и текстов песен.

Их авторы – Сергей Кузнецов

(просит не путать его с эксхударом "Ласкового мая") и Анатолий Розанов.

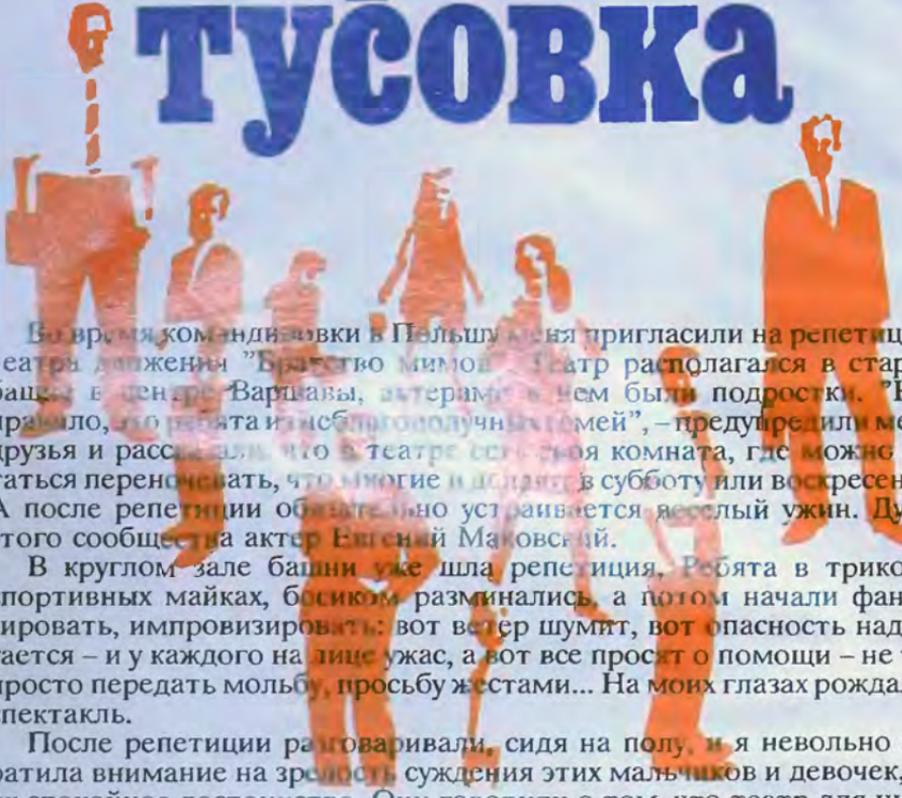
— Мы сознательно отказались от социальных песен, — рассказывают они. — Мы отдаем себе отчет в том, что лучше, чем в газетах и журналах, об этом не скажем. А заниматься этим только потому, что модно, — считаем для себя недостойным. Поэтому песни наши рассчитаны в основном на тех, кто посещает дискотеки, — на подростков. Многообразие чувств и переживаний, свойственных этому возрасту, мы стараемся передать в песнях.

Возможно, кому-то они покажутся надуманными и мелкими.

Действительно — размолвки, примирения, мелкие знаки внимания. Объекты, не стоящие столь пристального внимания. Но разве все это не воспринимается именно в подростковом возрасте как под увеличительным стеклом? Когда обида или самая незначительная ссора сравнима разве что со всемирной катастрофой. Крайности, преувеличения и безграничный максимализм — это, знаете ли, надо пережить каждому. А опыт и время обточат и отшлифуют чувства, как море камни. Но об этом будут другие песни. А пока поет "Фристайл".

Марина РАЙКИНА

театральная тусовка

Во время командировки в Польшу меня пригласили на репетицию театра движения "Братство мимов". Театр располагался в старой башне в центре Варшавы, актерами в нем были подростки. "Как правило, это ребята и их неблагополучные мамы", – предупредили меня друзья и рассказали, что в театре есть своя комната, где можно остаться переночевать, что многие и делают в субботу или воскресенье. А после репетиции обязательно устраивается веселый ужин. Душа этого сообщества актер Евгений Маковский.

В круглом зале башни уже шла репетиция. Ребята в трико, в спортивных майках, босиком разминались, а потом начали фантазировать, импровизировать: вот ветер шумит, вот опасность надвигается – и у каждого на лице ужас, а вот все просит о помощи – не так просто передать мольбу, просьбу жестами... На моих глазах рождался спектакль.

После репетиции разговоривали, сидя на полу, и я невольно обратила внимание на зрелость суждения этих мальчиков и девочек, на их спокойное достоинство. Они говорили о том, что театр для них – не развлечение, не игра, а возможность обратиться со своими проблемами к людям. Каждый спектакль – это монолог, это мысль, чувство, выраженные движением.

На прощание я написала несколько слов в их "Книгу друзей" и оставила свой адрес. А через полгода получила письмо, в котором ребята выражали желание показать новый спектакль в Москве. Мне удалось организовать их приезд и найти крышу в одном из интернатов.

После их спектакля в Польском центре информации и культуры московские старшеклассники Юлия Филиппова, Илья Бруштейн, Настя Мезитова, Рая Александрова, Андрей Ефимов очень захотели поближе познакомиться с актерами и поговорить.

Сначала мне пришлось выполнять роль переводчика, но потом ребята обходились уже без меня, преодолев языковой барьер.

ЮЛЯ: Неужели вы считаетесь трудными подростками? Я бы пожелала, чтобы у нас было как можно больше таких трудных.

Вы показались мне очень интересными пюдми. Неужели театр тому причиной?

МАКОВСКИЙ: Честно говоря, я тоже не устаю этому удивляться. В мой театр приходят самые непокорные, трудные, как вы говорите, подростки. Но как правило, каждый из них – яркая индивидуальность, а потому сопротивляется всякому давлению, диктату. Им довольно сложно ужиться в школьном коллективе – бесконечные конфликты с властолюбивыми учителями да и с одноклассниками. Но ведь и наш театр – тоже своеобразный коллектив. Почему же здесь они живут в согласии с другими? В чем загадка? Может быть в том, что в театре ребята действуют не по указке, а творят, самопроявляются, показывают спектакли, которые сочинили сами.

ИЛЬЯ: Можно сначала о том, что мы только что увидели? Спектакль начинается с двух горящих свечей в темной тишине зрительного зала. Два огонька, две звездочки – и невольно думаешь о своем, не о суетном, о том, что обычно и с друзьями не обсуждаешь. Свеча – образ горения и борьбы света с тьмой. Я так это понимаю. Ведь горя, свеча исчезает, ее исход предрешен, но она горит... Мне показалось, что эта мысль – надо гореть! – прони-

зывает весь ваш спектакль-импровизацию, я надолго запомню бегущего по сцене человека – сначала медленно-медленно, как в замедленной съемке, потом быстрее, еще быстрее. Он кричит, хочет докричаться до нас. И начинает казаться, что слышишь слова, хотя это – пантомима. Пересказать спектакль невозможно. Главное, возникло какое-то ощущение сопричастности с незнакомыми тебе ребятами из незнакомой тебе Польши. Чувствуешь их проблемы и их желания, такие же, как и у нас: докричаться до взрослого мира, до... самих себя. Но почему вы выбрали пантомиму?

ЭВА: В студию мы приходим прежде всего общаться. Для нас это возможность выговориться. Сразу легче жить. Понимаете? А пантомима дает прекрасную возможность выразить себя. А может быть, выбор объясняется тем, что наш друг и руководитель Евгений Маковский много лет увлекается пантомимой.

ВЕСЛАВ: Мне нравится, что у нас на репетициях – психологический комфорт. Всегда можно пошутить, посмеяться. Чувствуем себя совершенно свободно. Спорим, размышляем, импровизируем на те темы, которые нас больше всего волнуют, так и рождаются наши спектакли.

МАРЫСЯ: Например, один из них называется "Парта для ослов". Это про школу. Знаете, мы задумались о том, что в сущности

у многих из нас нет наставника, взрослого человека, который бы помог хотя бы советом в трудной ситуации. О школе нечего и говорить. С учителями отношения чаще всего напряженные. Настраиваешь себя на то, что главное – выучить урок, получить нужную информацию, а с учителем лучше не связываться, не тратить эмоции. Скорее бы уж уйти из школы!

ЮЛЯ: Вот и у меня школа вызывает такие же эмоции. На уроках некоторых учителей действительно лучше отключаться: примитивно то, что они делают. Но ведь мы не имеем права критиковать. И с учителями-конформистами лучше не связываться. Кстати, такие учителя и толкают на потребительское отношение к школе. Быстрее бы отучиться – и с глаз долой.

МАРЫСЯ: Как все похоже!

ЮЛЯ: Мы ведь чувствуем, как некоторые учителя относятся к школе. Срок отбывают. Поэтому и у нас отношение соответствующее. А главная беда – это постоянное недоверие к нам. И постоянное желание унижить, как бы компенсируя собственную неполноценность. Может, поэтому сразу бросается в глаза, что у вас с паном Евгением – полное доверие.

МАКОВСКИЙ: Юля, ты верно заметила, что люди, даже общаясь ежедневно, трудно пробиваются друг к другу, редко находят общий язык.

МАРЫСЯ: Все-таки мы хотим найти этот общий язык. С самыми разными людьми.

МАКОВСКИЙ: Но проблема не только в том, чтобы встретиться, а попробовать вместе действовать, творить. Мы в нашей студии прежде всего пытаемся определить то, что нас объединяет, а не разделяет. Не надо пытаться переделывать друг друга. Это уже не свобода, желание навязать свою точку зрения. В каждом есть свое, за что его можно уважать.

ЮЛЯ: Вот мы не умеем быть откровенными, открытыми. Я это почувствовала во время спектакля: ваши ребята протягивали нам руку со сцены, а у нас первая реакция – сдержаться. А что обо мне подумают? Правильно ли я делаю? Почему мы так боимся искренности? Ведь она так естественна!

МАКОВСКИЙ: Видимо, этому тоже надо учиться. Чтобы лучше понимать другого, да и себя, мы учимся перевоплощаться. Много фантазируем. Знаете, с чего мы начинали? Учились изображать деревья, разных животных. Более сложно изображать печаль, радость, отчаяние или восторг. И ребята иной раз говорят: "Нет, у меня не получится". А я отвечаю: "Пробуй и получится." Пробуют – получается все лучше и лучше. Более сложны этюды с партнером или в группе: надо уметь чувствовать другого человека, четко реагировать на его жесты, настроение. Мои актеры учатся быть

внимательными друг к другу и это помогает в работе.

ЮЛЯ: Здорово! Я бы тоже хотела заниматься в театральной группе. Хочется говорить и чтобы тебя слушали. Я как-то организовала во дворе театр. Мы долго репетировали сказку. Так было интересно! Но все недолго продержалось.

МАКОВСКИЙ: Почему?

ЮЛЯ: Видимо, нам не хватало человека, более сведущего в театральной деле. Мы топтались на месте. Стало скучно. Вот все и распалось. Да и отношения между ребятами испортились.

ВЕСЛАВ: Честно говоря, когда мы ехали в Москву, мы очень боялись, что вы не поймете и не примете наш спектакль!

ЭВА: Нет, я по лицам поняла, все в порядке!

МАРЫСЯ: Да, это было приятное разочарование. Советские ребята казались нам менее импульсивными, чем мы сами, более сдержанными в своих реакциях. Так что мы были приятно удивлены горячим аплодисментам во время и после спектакля.

АНДРЕЙ: Это ваша заслуга. Понимаете, мы сначала не были готовы к такой степени откровенности. Вы же не играли, не притворялись, что называется, а обращались к нам, вовлекая нас в действие, в разговор. Вот Юля уже говорила, когда вы протягивали к нам руки, взывая о помощи мы все зажалось. Кто-то наверно как подумал: "Что я, ненормаль-

ный? Может, еще плясать заставят?" Мы не умеем быть самими собой. Поэтому, кстати, и желание как-то проявить себя часто выплывает у подростков в агрессию. Некоторым кажется, что только так и можно отличаться.

МАКОВСКИЙ: Чего-чего, а желания отличаться и у нас в театре хватает. Вы, наверное, заметили, что после спектакля ребята высказывали кланяться по-одному. Это у нас впервые. Так вы всем нам понравились, что актеры захотели познакомиться с вами поближе. Старались вовсю: кто-то свалился, Ольга изобразила стеснительную девочку (она и вправду такая). Веслав соорудил гримасу – он у нас любитель шуток.

НАСТЯ: Мне показалось, что в отличие от многих, кто жалуется на всех и вся и ищет виновных вокруг, вы этого не делаете. Сами пытаетесь найти ответы, как жить дальше, что можно изменить в жизни, в отношениях людей.

ЭВА: Так легче справляться со своими личными проблемами.

МАРЫСЯ: А я в зале заметила слезы во время спектакля и обрадовалась. Еще один человек переживает вместе с нами, он не остался равнодушным.

ЭВА: Да конечно, мы все похожи. Я уверена, что и наших сверстников в Советском Союзе терзают проблемы одиночества, неуверенности в своих силах, проблемы непонимания с близкими людьми. Каждый думает о

своем будущем, каким оно будет, как все сложится?

РОБЕРТ: Только меня удивляет, что у вас все очень интересуются политикой. Как у нас несколько лет назад.

ЭВА: А что удивительного? Политическая ситуация в стране называется рано или поздно на жизни каждого. У нас тоже был политический бум, а теперь страсти стихают. Люди более спокойно обсуждают ход событий. Я думаю, вы тоже к этому придете.

ИРА: А вы "Солидарность" поддерживаете?

ЭВА: У нас эта организация популярна. Ведь именно она дала толчок тем процессам в обществе, которые сделали его более демократичным.

ИРА: Но ведь "Солидарность" поддерживал костел.

ПЕТР: Но и среди нас есть верующие. И мы не видим в том ничего удивительного. Неважно, какой веры человек. Главное стремиться к самосовершенствованию, а путь к нему – личное дело каждого.

ИРА: У нас писали о неуважительном отношении к памятникам Ленина в Польше.

ВЕСЛАВ: В семье, как говорится, не без уroda. Есть и у нас разные люди. Но согласитесь, что если собаку долго держать на цепи, то, почуяв свободу, она начнет кусаться.

ИЛЬЯ: Зачем все это обсуждать? Вернемся к театру.

МАКОВСКИЙ: Илья, это очень

хорошо, что мы обо всем говорим откровенно. Нам нечего скрывать друг от друга. И пусть никогда не будет недомолвок.

НАСТЯ: Наше сознание слишком пропитано идеологией. Это мешает, мы все явления спешим воткнуть в привычные схемы. На и в спектакле, честно говоря, не все понятно. Вы поставили его по библейским мотивам. А мы в это не очень сильны. Я, например, когда увидела людей в неестественных позах, но идущих строем, не сразу поняла, что речь о вечных ценностях: свободе, гуманизму, сопротивлении насилию, неприятию жестокости. Кто-то из вас, наверное, усваивал эти ценности через Библию, а я никогда не открывала этой великой книги и чувствую, чего-то недобрала в сравнении с вами.

ИЛЬЯ: Не знаю, станете ли вы профессиональными актерами, но вы мне интересны, как думающие люди, как мои сверстники, которые тоже живут во времена перемен, когда рушатся привычные схемы, а на нас падают обломки... Вот и попробуй сорентироваться. Вы во время спектакля протянули нам руки. Я хочу пожать их и встретиться еще раз – У нас в Варшаве!

Ведущая тусовки
журналистка
Наталья ВЕЛИКОДНО

*Мы ждем
ваших писем, друзья.*

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

91 МЫ 91

**В 1991 ГОДУ
ЖУРНАЛ "МЫ" ПУБЛИКУЕТ
произведения советских и зарубежных авторов,
детективы, приключения, фантастику**

*- "Учение Христа",
изложенное для детей Львом Толстым*

*Новые повести Гира Булмачева и Владимира Железниковой,
повесть Василия Ахсенрова
Синдрук, в котором кто-то стучит*

*- Острозюжетные романы Г. и М. Гардонов
"Таинственный кот выплывает на свет"
и Лэна Дейтона "Лошадь под водой"*

*- "Вознесение Павлика Морозова" -
журналистское расследование
писателя-эмигранта Юрия Дружникова*

*- "Игры в любовь",
Цикл очерков В.Чердниченко,
Куби вошли записки из колонии
для несовершеннолетних преступниц,
из генерологического диспансера для подростков,
дневник супружеской жизни двенадцатиклассницы*

*- Журнал знакомит со звездами
отечественной и зарубежной рок- и поп-музыки,
спорта, театра, кино*

*- Публикует рассказы,
стихотворения и письма читателей,
а также адреса тех, кто ищет друга.*

ЦЕНА 80 КОП.
ИНДЕКС 70554